Русское масонство в царствование Екатерины II

Георгий Вернадский

история/география/этнография

Георгий Вернадский

Русское масонство в царствование Екатерины II

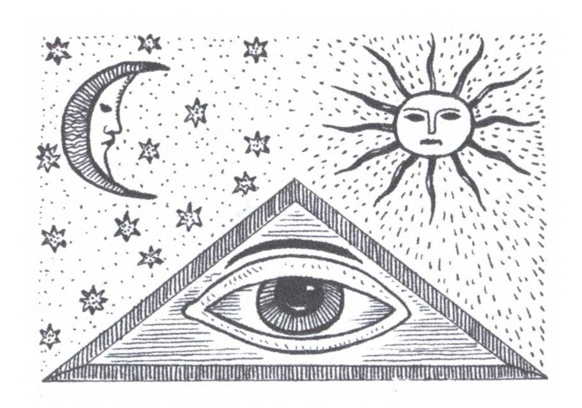
ЛомоносовЪ
издательство

история/география/этнография

Георгий Вернадский

Русское масонство в царствование Екатерины II

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(47).066
ББК 63.3(2)46
В35

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-215-8

Предисловие

Предлагаемая книга — очерк не из истории религии или философии, а из истории развития духовной культуры общества. Это следует иметь в виду с самого начала, чтобы не предъявлять книге вопросов, ответить на которые она не может. Ни «тайны» масонских «работ», ни религиозные достижения мистиков не служат предметом рассмотрения по существу, а лишь постольку и в том виде, поскольку и как они преломились, войдя в сознание более или менее широких кругов русского дворянско-чиновничьего общества XVIII века.

Задача историка сводится к тому, чтобы определить только главные связующие нити религиозного или философского движения и выяснить, что именно и как они связывали — как на их основе создавались те или иные черты психологии определенного круга лиц данного общества. В изучении таких психологических типов, их взаимоотношений и их смены скорее всего может быть найден ключ к пониманию развития целого общества.

Элементарные сведения об устройстве лож, равно как и описание масонского ритуала, в эту книгу не вошли; интересующиеся могут обратиться к изданной под моей редакцией книге А. Н. Пыпина «Русское Масонство» (Пг., 1916) и к статьям Т. О. Соколовской во II томе сборника «Масонство в его прошлом и настоящем» (М., 1915).

Не могу не отметить с благодарностью встреченную мною с разных сторон помощь и поддержку, столь много облегчившую мою задачу. Высокоценны были для меня дружеские советы и научные указания Я. Л. Барскова, отца моего акад. В. И. Вернадского, М. М. Карповича, Н. П. Киселева, акад. А. С. Лаппо-Данилевского, Б. Л. Модзалевского, В. И. Саитова, В. П. Семенникова, кн. Д. И. Шаховского; дорого теплое участие, с которым меня, воспитанника Московского университета (тогда, в 1911 году, разгромленного), встретили в Петербурге профессора С. Ф. Платонов и С. В. Рождественский.

Предоставлением некоторых масонских книг и рукописей и копий с них — или посредничеством при этом — я обязан Б. К. Алексееву, А. Г. Вульфиусу, О. И. Гильдебрандт, кн. Н. В. Голицыну, А. И. Кузнецову, Н. П. Лихачеву, М. Д. Приселкову, В. А. Пыпиной-Ляцкой, В. А. Черепнину. Сердечно благодарю всех способствовавших моим занятиям в Публичной библиотеке, Государственном архиве, Библиотеке, рукописном ее отделении и Архиве конференции Академии наук, Обществе любителей древней письменности, Морском архиве, Историческом музее, Румянцевском музее, Тверской Ученой архивной комиссии.

Искренняя признательность Третьему отделению Академии наук, которое, по представлению акад. А. С. Лаппо-Данилевского, выписывало нужные мне рукописи из собрания гр. А. С. Уварова, и Историко-филологическому факультету Петроградского университета, который принял настоящее исследование на страницы своих «Записок».

Апрель 1917 г., Петроград

Введение. Источники и литература

Тайные общества, подобные масонским организациям, всегда стремятся оставлять как можно менее следов своей деятельности. Кроме того, некоторые из документов этой деятельности могут быть непонятны внешне (писаны шифром) или внутренне (скрыты в символическом значении отдельных слов или целых выражений). Является вопрос, можно ли при таких условиях ставить своей задачей историческое изображение жизни этих организаций.

Я считаю препятствия, стоящие на пути к осуществлению такой задачи, преодолимыми. Смысл и значение подлежащих исследованию документов — в таких пределах, которые вполне достаточны историку русского общества, — открываются понемногу, по мере того как исследователь вчитывается и вглядывается в эти документы, сопоставляет данные и показания различно настроенных лиц и кругов; процесс освоения этого рода источников в конечном счете не отличается от освоения всяких других исторических источников. Наличность и доступность самих документов, несмотря на некоторые трудности, также дает возможность исследовательской работы.

Покров тайны, окутывавший масонство и масонские организации, наполовину совлечен был еще в первой половине XVIII века. В настоящее время, например, нельзя назвать «тайными» в непосредственном смысле этого слова широко распространенные (на Западе и в Америке) масонские

общества, насчитывающие своих членов десятками тысяч, печатающие подробные отчеты и сведения о внешней своей организации и деятельности. «Тайна» — в большинстве этих обществ — ограждается лишь формальными и притом не всегда соблюдаемыми правилами. То же было временами и в России; организации *фармазонов* делались подчас почти явными: так было в семидесятых годах XVIII и десятых годах XIX века. Эти годы благоденствия сменялись, однако, для масонов десятилетиями преследования или, по крайней мере, подозрительного отношения.

Такое отношение вызывало в свою очередь соответствующие усилия самих «братьев» оградить тайны своей организации: в конце XVIII века и в двадцатых годах XIX члены масонских обществ или их родственники уничтожали, жгли (в редких случаях — прятали) все или казавшиеся наиболее важными орденские знаки, бумаги и книги. Многое было также уничтожено властями при закрытии лож.

Благодаря всему этому нельзя считать полным подбор документов, которыми может располагать исследователь истории русского масонства. Многие пробелы и пропуски, конечно, никогда не могут быть восстановлены; другие заполняются лишь случайными открытиями. Тем не менее количество сохранившихся масонских вещей, книг и бумаг очень велико, хотя они отнюдь не всегда представляют материал первостепенной ценности для историка русского общества. Большая часть их относится к первой четверти XIX века, но и в них нередко заключаются сведения, касающиеся XVIII века.

Полный перечень документальных источников, на которых должно основываться исследование по истории русского масонства XVIII века, требовал бы поэтому особой книги. В настоящем введении можно ограничиться лишь существеннейшими их группами. Это, во-первых, официальные правительственные документы, касающиеся масонов; во-вторых, официальные масонские документы; в-третьих, литература, печатная и рукописная, читавшаяся масонами, в том числе и записи речей, произнесенных в ложах; в-четвертых, интимные документы масонов — частные письма, дневники, воспоминания и пр.

I

В первую группу — официальных правительственных документов о масонстве — входят указы, предписания и следственные дела о масонах.

Вопрос о масонском ордене был поставлен гр. Н. Н. Головину, в числе других пунктов, в 1747 году. Хотя Головин отвечал очень кратким признанием, объяснение его, по-видимому, сочтено было достаточным.

Около 1756 года к гр. А. И. Шувалову* поступило донесение о масонах М. Олсуфьева, рисующее ложу гр. Р. Л. Воронцова.

При вступлении на престол Екатерины II были, кажется, попытки следствия над членами Ораниенбаумской ложи.

В 1764 году у В. Ушакова — он приходился братом сообщнику Мировича** — отобраны были некоторые масонские бумаги.

За пятнадцать дальнейших лет не сохранилось ни целых следственных дел, ни отдельных донесений.

В 1779 году петербургский полицмейстер П. В. Лопухин был два раза «для разузнания» в ложах шведского масонства. Но донесения его нам не известны.

В 1782 году И. И. Шувалов*** затребовал объяснения от московского профессора И. Е. Шварца. Результатом явилась поданная Шувалову автобиографическая записка Шварца на немецком языке.

С 1784 года начинают поступать в Петербург ответы на запросы императрицы, касающиеся типографской и просветительской деятельности Новикова в Москве.

---

* Александр Иванович Шувалов (1710—1771) — граф, камергер, начальник Канцелярии тайных розыскных дел, генерал-фельдмаршал, сенатор. — *Здесь и далее постраничные сноски — прим. ред. Примечания автора даны в конце книги.*

** Василий Яковлевич Мирович (1740—1764) — подпоручик Смоленского пехотного полка, организатор неудачной попытки дворцового переворота 1764 г. в России.

*** Иван Иванович Шувалов (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы I Петровны, меценат, основатель Московского университета и Петербургской академии художеств.

Наконец, в 1792 году во время следствия над Новиковым образуется обширное дело, включающее переписку официальных лиц, вопросные пункты и ответы Новикова, Лопухина, кн. Трубецкого, Тургенева и пр. Следствие велось в Москве кн. Прозоровским, который посылал подробные донесения в Петербург Шешковскому* и Безбородко**. Так образовалось даже два «дела»: в Москве и Петербурге; первое состояло из черновых отпусков московских властей и полученных ими из Петербурга указов и писем; второе — из беловых бумаг московских властей и черновых отпусков, остававшихся в Петербурге. Оба «дела» почти одинаковы по составу; петербургское, как будто было полнее; в нем находится ответная записка цесаревича Павла Петровича.

Московское «дело» сохранилось полностью в Архиве старых дел Московского губернского правления, ныне в Архиве Московской городской думы. От петербургского остались отдельные части: одна в Государственном архиве в Петрограде, другая — в архиве гр. С.Д. Шереметева; сохранились также копии отдельных частей обоих дел.

В общем, в разных местах напечатано более половины всего «дела»; это наиболее существенная его часть. Дело Новикова широко использовано в трудах Лонгинова, Пыпина, Попова, но его нельзя еще считать вполне исчерпанным источником по истории русского масонства.

II

Официальными масонскими документами являются бумаги, списки, дипломы и пр., исходившие из лож, а также предме-

---

* Степан Иванович Шешковский (1727—1794) — чиновник, состоявший «при особо порученных от ее императорского величества делах», фактический начальник Тайной экспедиции, учрежденной Екатериной II в 1762 г. взамен упраздненной Канцелярии тайных и розыскных дел.

** Александр Андреевич Безбородко (1747—1799) — светлейший князь, канцлер Российской империи (1797).

ты масонского ритуала, бывшие в употреблении в ложах, печати и знаки лож и отдельных масонов. Богатые коллекции масонских вещей можно найти в Румянцевском музее, Историческом музее (собрание П. И. Щукина), Обществе любителей древней письменности, а также в некоторых частных собраниях, например А. И. Кузнецова (в Москве), Д. Г. Бурылина (в Иваново-Вознесенске); кое-что из вещей симбирской ложи Баратаева есть в Государственном архиве. Для XVIII века масонская археология дает, однако, очень немного; письменные документы несравненно существеннее.

При каждой ложе, конечно, были особые архивы для хранения этих документов.

Ни один из таких архивов XVIII века полностью до нас не дошел; сохранилась лишь в Государственном архиве небольшая часть бумаг провинциального мастера XVIII века И. П. Елагина.

Сохранилось также несколько масонских архивов первой четверти XIX века, в которых имеется немало документов и XVIII века. Таковы:

1) Архив С. С. Ланского* в Румянцевском музее в Москве, где собраны бумаги Великой Директориальной Ложи: некоторыми из них воспользовался С. В. Ешевский для своих статей о масонах XVIII века.

2) Архив Ф. И. Прянишникова — бумаги ложи Умирающего Сфинкса — в Публичной библиотеке в Петрограде.

3) Архив Ф. Н. Глинки — бумаги московской ложи Нептуна — в Обществе любителей древней письменности и в Тверской ученой архивной комиссии.

4) Архив ревельской ложи Изиды в Провинциальном музее в Ревеле.

5) Архив симбирской ложи Ключа к Добродетели — бумаги кн. М. П. Баратаева в Государственном архиве.

6) Архив А. А. Николева в Публичной библиотеке.

Некоторые масонские бумаги И. П. Тургенева находятся в семейном (не масонском) архиве Тургеневых в Академии наук.

---

* Сергей Степанович Ланской (1787—1862) — граф, министр внутренних дел Российской империи (1855—1861).

Помимо этих довольно полных собраний уцелело много разрозненных бумаг отдельных лож, иногда роскошной внешности, скрепленных великолепно сохранившимися печатями лож.

Все эти бумаги, разрозненные и собранные в архивах, могут быть разделены на несколько видов.

1) Основные уставы масонов. Сюда относятся прежде всего «Всеобщие постановления» Рейхелевской копии и «Общие законы шведской системы» в 52 параграфах, а также шведские «Правила для вольных и принятых братьев каменщиков».

Затем «Устав, или Правило вольных каменщиков», впервые появившийся в шведских актах. «Устав» служил братьям всех толков и всех лож; без всяких изменений дошел он до XIX века. Употреблявшийся в ложах позднейшего времени «Устав» носит помету: «утвержден на всеобщем совета конвенте, бывшем в Вильгельмсбаде 1787 году».

На Вильгельмсбадском конвенте действительно приняты были «Freimaurerregeln» («Масонские правила»), с которых слово в слово переведен «Устав». Вильгельмсбадский конвент происходил в 1782 году; между тем помета на «Уставе» в издании Т. О. Соколовской указывает для него 1787 год; у Елагина «Устав» заключен в рукописи 1777 года.

По всей вероятности, имея под руками «Устав» с пометой 1777 года, зная, что он утвержден на Вильгельмсбадском конвенте, и твердо помня, что последыш был не в 70-х, а в 80-х годах XVIII столетия, переписчик XIX века изменил в помете вторую семерку на восемь. Но каким образом «Freimaurerregeln» оказались в актах шведской системы за пять лет до своего официального появления на свет? Ответ следует искать в связях южнофранцузских масонов со шведскими масонами системы «Строгого наблюдения».

2) К тому же виду относятся «Уставы» и «Законы» отдельных систем масонских лож. Таков, например, «Устав», по которому управлялись ложи первого Елагина союза; он не опубликован и сохранился не в целом виде — при протоколах ложи Урании; таковы, далее, Законы шведских лож и Устав «второго Елагина союза».

3) Обрядники, или «акты», на основании которых организована была жизнь масонских лож. Таких актов сохранилось несколько типов — различных степеней* и систем масонства.

Официальные акты первых Елагиных лож, по-видимому, не дошли до нас, имеются лишь акты трех степеней одной из лож союза — ложи Равенства, переписанные для заучивания и чтения А. Я. Ильиным.

От Рейхелевой системы дошли акты ложи Аполлона, сохранившиеся в бумагах Елагина в Государственном архиве; это, конечно, те самые акты, которые Рейхель** передал Елагину утром 3 сентября 1776 года. Они заключены в тетрадях in-f°, переплетенных в голубой атлас с серебряным и золотым позументом. Концы серебряного (или золотого) шнура закреплены большими печатями, одна из которых изображает сидящего Аполлона, играющего на лире. Елагин перевел все эти акты на русский язык.

Шведские ложи «работали», по крайней мере в первых трех степенях, по таким же актам, что и Рейхелевы. Акты эти были доставлены Елагину в 1777 году кн. Куракиным*** и немедленно переведены Иваном Перфильевичем на русский язык.

Официальные обрядники шведской системы, в голубых тетрадях in-f°, скрепленные печатью капитула Феникса и подписями чиновников Провинциальной Ложи, находятся в Публичной библиотеке; это акты 1780 года казанской ложи Восходящего Солнца. Вполне сходны с этими актами обрядники начала 1780-х годов московской ложи Трех Зна-

---

* Степень, или градус, — уровень членства в масонстве. Различие между степенью и градусом в том, что степень присваивалась ложам, а градус членам ложи.

** Иоганн Готфрид Рейхель (1727—1778) — профессор всеобщей истории, секретарь конференции и первый библиотекарь Московского университета, ординарный член Собрания свободных искусств в Лейпциге и магистр Лейпцигского университета.

*** Александр Борисович Куракин (1752—1818) — князь, дипломат, вице-канцлер (1796), действительный тайный советник; член Российской академии (1798).

мен. Мастер ложи Трех знамен Татищев, по словам Новикова, как раз и заимствовал шведские стрикт-обсерванские градусы*, но из Берлина.

В розенкрейцерских ложах акты первых трех степеней не отличались от Рейхелевых и шведских. Акты четвертой «екосской» степени также оставались прежними. Юниоратская степень розенкрейцерства известна в нескольких рукописных переводах; можно думать, что если по ней не правили ритуала собраний, то, во всяком случае, ее чтили и содержание ее принимали к сведению. В бумагах Ланского находятся два списка юниоратской степени: один руки Ланского, другой более старый, «Теоретический градус»**, был передан Теденом Шварцу во время его берлинской поездки.

Теден просил Шварца «степень сию сохранять в величайшей тайне» и не давать ее (разве в своем присутствии) в руки «никакому брату, какого бы он ни был звания... для прочтения, и еще менее давать [ее] для списывания». Тем не менее «Теоретический градус» сохранился во множестве копий. Одна из них скреплена Новиковым: «что сей список слово в слово сходен с подлинником, в том свидетельствую Николай ab Ancora». Немецкий подлинник был в 1785 году печатно издан в Регенсбурге гр. Лербахом. «Степень Духовного Рыцаря» была напечатана автором (И. В. Лопухиным) в 1791 году. Помимо этого степень обращалась и в рукописных копиях, восполнявших иные места, опущенные в печатном издании. Из высших степеней Розового Креста 7-я и 9-я (в копиях XIX века) хранятся среди бумаг Ф. Н. Глинки в Обществе любителей древней письменности. Бумаги эти составляют часть масонского архива московской ложи Нептуна. П. И. Кутузов, мастер этой ложи, по розенкрейцер-

---

* Здесь речь идет о градусах в системе «Строгого наблюдения» (Stricte Observance).

** Далее читателю следует быть внимательным: автор употребляет термин «теоретический градус», обозначая им как списки актов масонской степени, так и саму степень. При подготовке данного издания мы сочли возможным в случаях, когда речь идет об актах, писать их с заглавной буквы.

ству был учеником Поздеева*, от которого, очевидно, и получил акты. В точном соответствии их немецким подлинникам можно сомневаться, так как это не официальные акты, но общее впечатление о подлиннике они, вероятно, передают правильно. В бумагах седьмой степени (Adeptus Exemptus) находятся «Герметическая операция в тайне творения» и алхимический рецепт Урима и Тумима. В бумагах девятой степени (Magus) описаны «Операции по тайному правлению ордена» и «Магические операции по сношению с чистыми духовными существами» (или «Священно-таинственная чистая магия»).

4) «Патенты» и «Конституции» отдельных масонских лож. Образцом может служить Конституция ложи Муз от 16 июня 1772 года, находящаяся в Государственном архиве. Она писана на пергаменте, подклеенном голубым атласом; подпись и печать Елагина; на печати: «The provincial grand Loge of the Russias»[1]. Патент ложи Скромности от 28 декабря 1774 года находится в Императорской публичной библиотеке. Пергаментный патент от апреля 1783 года на основание в Вологде ложи Северной Звезды, выданный Директорией VIII Провинции в Москве (за подписями Татищева, Новикова и Шварца), находится в Румянцевском музее.

5) «Дипломы» и «аттестаты» официальных масонских сановников и рядовых «братьев». Дипломы имеют различную внешность в зависимости от масонского звания того лица, которому диплом выдан. Диплом Елагина на звание великого провинциального мастера России, выданный от Великой Ложи Англии, изготовлен из пергамента и имеет такой же нарядный вид, как упомянутая «Конституция» ложи Муз. Дипломы и аттестаты рядовых братьев написаны частью на пергаменте, частью на бумаге по печатному трафарету. Значительное количество их (большею частью, впрочем, XIX века) находится во всех указанных коллекциях предметов масонской археологии, а также в бумагах Елагина, кн. Ба-

---

* Осип (Иосиф) Алексеевич Поздеев (ок. 1742–1820) — один из самых известных русских масонов, пользовался большим авторитетом в масонских кругах, по словам А. В. Семеки, играл роль, «похожую на роль высшего орденского начальника».

ратаева (Государственный архив), собрании Барсова (Исторический музей) и проч.

6) Протоколы лож. От XVIII века их дошло незначительное число. Протоколы ложи Урании 1772–1775 годов, находящиеся в собрании гр. Уварова, использованы Лонгиновым. Протоколы той же ложи за 1775–1788 годы, находящиеся в архиве Gr. Landesloge в Берлине, отчасти затронуты Фридрихсом. Протоколы 1781–1793 годов на немецком языке находятся в собрании гр. Уварова. Протоколы рижской ложи М. Света за 1790–1791 годы находятся среди бумаг Елагина в Государственном архиве. Протоколы Вологодских «теоретических собраний» хранятся в Румянцевском музее. Почти протоколами орловских «теоретических собраний» являются сборники речей, произнесенных на этих собраниях.

7) Списки членов лож. Для XVIII века имеем список членов московской ложи Астреи 1783 года, петербургской ложи Пеликана (Благотворительности), ок. 1785 года, петербургской ложи Скромности, рижской ложи Малого Света (при ее протоколах). Кроме того, списки масонов различных систем приведены Новиковым в его показаниях.

8) К официальной масонской переписке должны быть отнесены письма, которыми обменивались московские и петербургские масоны по поводу учреждения в России VIII провинции ордена; они использованы Ешевским; того же типа письма Коловиона к начальнику; несколько писем подчиненных Елагину лож находятся в Государственном архиве.

III

При рассмотрении масонской литературы я выделял живую, действенную ее часть, которая оказывала влияние на ход масонской мысли и деятельности. Целью рассмотрения являлась для меня не столько книга сама по себе, сколько книга в действии, в том, как она отразилась на сознании читателя. Отсюда естественно стремление выяснить, какие книги распространялись особенно интенсивно и прямо включались в особые списки книг, наиболее желательных и полезных

для масона; при этом переводам также отдано предпочтение перед подлинниками, так как перевод есть уже новый факт жизни книги. Особо существенными представлялись специальные руководства к премудрости, «ручные» и «карманные» книги и «экстракты» мыслей. Весьма интересны и речи, произнесенные в ложах и по большей части составленные под впечатлением прочитанных книг (таковы, например, речи З. Я. Карнеева*). Тщательно переписанные, расходившиеся во многих копиях, эти речи главным образом и составляли оригинальную русскую масонскую литературу.

Известны следующие речи XVIII века: а) речь кн. Г. П. Гагарина при открытии ложи Феникса в 1778 году; б) речь ритора шведской Провинциальной Ложи (В. Рослякова?) на открытии ее в Москве в 1780-м; в) речи И. И. Панаева** 1780–1781 годов в ложе Горуса и 1783 года — в пермской ложе Золотого Ключа; г) С. И. Гамалеи*** 1782–1783 годов в ложе Девкалиона; д) А. М. Кутузова в шотландской степени, ок. 1785-го; е) О. А. Поздеева в ложе Орфея, ок. 1785 года; ж) речи орловских «теоретических братьев» 1789–1791 годов З. Я. и И. Я. Карнеевых, В. М. Ржевского, В. М. Милонова, Г. Н. Нелединского, Д. Л. Боборыкина; з) речи московских «теоретических братьев» 1791 года.

Новиковым задумано было издание периодических сборников речей под названием «Магазина свободно-каменщического». В печати появился лишь I том, в двух частях (1784 год); II том не был напечатан до конца; остальные сохранились в рукописном виде в позднейшей копии члена ложи Умирающего Сфинкса В. В. Романовского.

К речам, произнесенным в масонских ложах, примыкают лекции, читанные Шварцем; некоторые его курсы предназначались для той же публики, какая посещала и ложи.

---

* Захарий Яковлевич (Эммануилович) Карнеев (Корнеев) (1748—1828) — сенатор, тайный советник (с 1802), писатель.

** Иван Иванович Панаев (1753—1796) — пермский прокурор, писатель.

*** Семен Иванович Гамалея (1743—1822) — переводчик, поэт; оказал большое влияние на развитие религиозно-мистических идей в России.

1) В университете Шварц читал курс эстетической критики. Эти лекции «возвышали необделанные и грубые чувства» слушателей, приводили их «к справедливости физиогномии и хиромантии, к чудесному открытию магии и каббалы, к превращению естественного в сверхъестественное».

2) Публичные лекции 19 и 26 июня, 3 июля, 17 июля; лекции превратились затем в особый курс «философской истории», который прочитан был Шварцем с 17 августа 1782 года по 5 апреля 1783 года.

3) Особый курс (отчасти повторение предыдущего) Шварц читал в «Дружеском ученом обществе» начиная с 23 августа 1782 года.

4) Приватный курс Шварца у него на дому с 3 сентября по 31 декабря 1782 года по воскресеньям, всего 17 лекций, «О трех познаниях — любопытном, приятном и полезном».

IV

Первое место в кругу интимных масонских документов принадлежит переписке московских масонов с А. М. Кутузовым. Эта переписка может быть отнесена к таким же основным источникам для изучения русского масонства XVIII века, как и «дело» Новикова.

Из масонских дневников и записок от XVIII века до нас дошло очень немногое.

1) Дневник А. Я. Ильина (1775—1776) — драгоценный для психологии и языка среднего русского образованного человека 1770-х годов — касается масонства лишь отчасти, тем не менее и в этих отрывках встречаются важные фактические указания; наивный и легкомысленный двадцатилетний канцелярист Ильин, служивший под начальством кн. М. М. Щербатова, отражает в дневнике настроения именно малозаметного, рядового русского масона; почти все отрывки, которые непосредственно касаются масонства, напечатаны проф. В. И. Савва.

2) Исповедь П. Я. Титова (1783—1806) ярко характеризует моральные переживания масона.

3) «Из работ моих над диким камнем» неизвестного масона.

4) Дневник бар. Г. Я. Шрёдера (1785—1786) на немецком языке, сообщающий очень много сведений о розенкрейцерах.

5) Записка о масонстве, составленная И. П. Елагиным для прочтения членам Петербургского капитула в 1786 году.

Важны также воспоминания, составленные масонами XVIII века хотя бы и в следующем веке, каковы, например, «Записки» И. В. Лопухина, сведения о масонстве Л—ра, воспоминания Лабзина* о Новикове в «Сионском вестнике» в 1818 году; «автобиографические записки» Д. П. Рунича. Много интересного (в том числе — и обрывки воспоминаний) в беседах Руфа Степанова** с учениками 1824—1827 годов[2].

V

Разработка истории русского масонства протекала в иных условиях, чем на Западе. Там масонство не переставало быть заметным фактом общественной жизни; значение этого факта менялось с течением времени в разных странах; новое, антикатолическое, масонство Франции и Италии совсем не то, что масонство Великобритании, Германии и Соединенных Штатов. В России, по крайней мере за последние три четверти XIX века, масонство не играло никакой роли в политической жизни и всецело могло принадлежать ведению истории. Благодаря этому в России были налицо условия, чтобы создалась традиция научной исторической разработки развития масонства.

* Александр Федорович Лабзин (1766—1825) — вице-президент Академии художеств, основатель и издатель «Сионского вестника», секретарь Библейского общества; один из крупнейших деятелей русского масонства, основатель ложи «Умирающий сфинкс».

** Руф Семенович Степанов (1745—1828) — мистик, духовный лидер московского масонства после запрещения лож в 1822 г.

После закрытия лож и постепенного вымирания главарей масонства началось собирание всего, что касалось их жизни и учения масонов. Так создались «Материалы для жизнеописания пяти благочестивых мужей в России» — Новикова, Гамалеи, Лопухина и кн. Репнина; пятое жизнеописание отсутствует; оно касалось, вероятно, Шварца или Лабзина. «Материалы» составлены в 1839–1842 годах Д. И. Поповым по рассказам и воспоминаниям названных лиц. «Материалы» эти использованы Лонгиновым, но далеко не вполне; это один из существеннейших источников по истории русского масонства, преимущественно самого конца XVIII или первой четверти XIX века.

Некоторые документы по «делу» Новикова были напечатаны в «Москвитянине», 1842 год, № 2 и 3. В 1855 году к столетнему юбилею Московского университета Н. С. Тихонравов составил биографии Новикова и Шварца. В 1857 году в «Русском вестнике» (№ 19) появилась статья М. Н. Лонгинова «Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы и просвещения». «Несколько дополнительных замечаний к статье [Лонгинова]: Новиков и Шварц» дал С. В. Ешевский в том же «Русском вестнике», 1857, № 21. После увеличения своей коллекции масонских рукописей (архивом Ланского) Ешевский написал две статьи о «Московских масонах восьмидесятых годов прошлого столетия».

Вскоре за статьями Ешевского последовало капитальное исследование Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» (М., 1867), надолго оставшееся основным источником и пособием по истории русского масонства. В дополнениях к своей книге Лонгинов напечатал «Ответы Новикова Шешковскому». Новые части следственного дела опубликованы были А. Н. Поповым в 1868 году; по их поводу написана была и статья А. Н. Попова «Дело Новикова и его товарищей». В следующем году появились «Дополнения к истории русского масонства в России XVIII в.» П. П. Пекарского, основанные преимущественно на документах Государственного архива.

Трудами названных исследователей собран был значительный материал по русскому масонству. Обработку и освещение этот материал получил в статьях А. Н. Пыпина, на-

долго установившего общий взгляд на развитие вольного каменщичества в России. Первая статья А. Н. Пыпина «Русское масонство в XVIII веке» служила ответом на книгу Лонгинова. За ней следовала другая, рассматривавшая «Русское масонство до Новикова». Через некоторый промежуток времени А. Н. Пыпиным собраны были «материалы для истории масонских лож» — обзор масонских рукописей Румянцевского музея — и составлен «Хронологический указатель русских лож». К русским материалам А. Н. Пыпин привлек труды немецких историков и библиографов масонства Финделя, Клосса и др. Соответственно взглядам своим личным и общим для шестидесятых годов А. Н. Пыпин выдвинул рационалистические течения в масонстве, относясь ко всяким проявлениям масонского мистицизма с суровой подозрительностью. К построению А. Н. Пыпина присоединилось и вышедшее в 1875 году исследование А. И. Незеленова «Новиков, издатель журналов». Этим исследованием закончился первый период научной разработки истории русского масонства. После книги Незеленова почти двадцать лет не появлялось новых трудов в этой области. Возобновление исследовательской работы связано отчасти с 150-летним юбилеем со дня рождения Новикова. В январском номере «Русской мысли» за 1895 год появилась под заглавием «Воспоминание о Новикове и его времени» речь В. О. Ключевского, произнесенная 13 ноября 1894 года в актовом зале Московского университета на посвященном Новикову заседании Общества любителей российской словесности. Богатая, как и все труды Ключевского, художественным прозрением в прошлое, речь эта, не изменявшая по существу установленного взгляда на личность и дело Новикова, открыла, однако, собою ряд новых исследований, в которых был разработан новый материал и намечены новые точки зрения.

Рукописи лекций Шварца легли в основу статей В. В. Сиповского («Новиков, Шварц и московское масонство») и А. В. Семеки («Русские розенкрейцеры и отношение к ним императрицы Екатерины II»). На документах Тургеневского архива основаны статьи Е. И. Тарасова «Забытый розенкрейцер — А. М. Кутузов» и «К истории русского общества второй половины XVIII века. И. П. Тургенев». Т. О. Соко-

ловская опубликовала много документов, касающихся обрядов и организаций масонства; к сожалению, некоторые документы только изложены, иные изданы без достаточной критики. Весьма ценны исследования Т.О.Соколовской по истории шведского масонства. Религиозные «искания русских масонов XVIII века» послужили темой обширной статьи В.Н.Тукалевского. Политической роли русского масонства XVIII века, а именно связи новиковского кружка с берлинскими розенкрейцерами и с цесаревичем Павлом Петровичем, посвящено предисловие Я.Л.Барскова к «Переписке московских масонов XVIII в.» (Пг., 1915). Наконец, в Москве предпринято трехтомное издание под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова «Масонство в его прошлом и настоящем». Часть статей носит компилятивный характер. «Русское масонство XVIII века» рассматривается в статье А.В.Семеки в I томе. А.В.Семека привлек новые данные из записки Л—ра и книги Фридрихса «Geschichte der einstigen Maurerei in Russland» (Berlin, 1904). Компилятивный характер носит книга В.А.Боголюбова «Новиков и его время» (М., 1916).

Перечисленные исследования и статьи ставят, но не решают ряд существенных вопросов по истории русского масонства XVIII века. Ясный для А.Н.Пыпина вопрос о взаимоотношении рационализма и мистики в духовной культуре общества может быть теперь рассмотрен под совершенно новым углом зрения.

Для понимания действительной роли масонских и мистических течений в русском обществе необходимо по возможности более пристальное наблюдение над тем реальным значением в жизни общества, какое имели вожди и рядовые участники мистических и масонских организаций. С этой точки зрения весьма своевременной попыткой связать масонство Лопухина с социально-политическими основами русского XVIII века является интересная статья Н.К.Пиксанова. Крупный шаг к уяснению политической роли масонства сделан в отмеченном предисловии Я.Л.Барскова к «Переписке московских масонов».

Несомненно, назрела потребность, идя уже проторенной дорогой, подвергнуть общему пересмотру главные вопросы истории русского масонства XVIII века, детальной поверке —

весь накопленный материал. Такой потребности и стремится ответить предлагаемое исследование.

Приступая к нему, я предполагал добиться возможно более полного освещения русского масонства XVIII века материалом иностранных архивов — немецких, шведских, английских и французских. К сожалению, эта цель оказалась недостижимой; пришлось ограничиться только русскими хранилищами. Кроме того, есть основание думать, что много интересных материалов находится в некоторых частных собраниях, куда по переживаемым обстоятельствам проникнуть не удалось. Основанная на изучении доступного пока материала, моя работа стремится поэтому наметить лишь основные линии, по которым должно идти критическое рассмотрение источников по истории русского масонства XVIII века и складываться ее научное построение.

Глава первая
Организация масонства

1. Русское масонство до Екатерины II

Масонство проявило в России очень скоро после того, как вылилось в определенные формы на Западе. Первое правильное учреждение масонских лож в Англии относится к 1717 году. До этого года существовали лишь начатки будущих стройных организаций. Между тем в России масонство, по-видимому, стало известно еще ранее 1717 года.

В конце XVII и начале XVIII века в Московское царство неудержимою волною хлынули представители и произведения западноевропейской культуры — от техников и инструментов до книг и философов включительно. Среди последних в 1689 году явился в Москву и далекий предтеча профессора Шварца — немецкий мистик Квирин Кульман. Убежденный последователь Якова Бёма*, теософ и хили-

* Якоб Бёме (1575—1624) — немецкий христианский мистик, теософ, родоначальник учения о «премудрости Божией».

аст*, Кульман пришел к мысли, что греховный Вавилон Западной Европы падет и наступит Иезуитское царство. В слухах о возрождении «северного народа» московитов Кульман увидел зарю начинающейся новой жизни. Еще в 1687 году в Амстердаме он напечатал по этому поводу особое воззвание к московским царям. Для личной передачи по адресу этого воззвания Кульман и приехал в Москву. Своей проповедью идей Бёма он внес сильное возбуждение в жизнь Немецкой слободы, и московский лютеранский пастор И. Мейнеке сообщил властям о политических мечтаниях Кульмана. 4 октября 1689 года Кульман и московский его последователь К. Нордерман были сожжены за ересь.

Влияние Кульмана не ограничилось Немецкий слободой. После его смерти начали распространяться славяно-русские переводы сочинений «иже во святых отца нашего Иакова Бемена»[3].

Помимо Бёма обращались в рукописных переводах иные произведения того же мистико-герметического круга, который нашел себе у нас столь усердных ценителей в последней четверти XVIII века. Во многих списках конца XVII и начала XVIII века известна «Великая наука»** «прославленного и Богом просвещенного» Раймунда Луллия***. Сокращение ее составлено было в первой четверти XVIII столетия знаменитым старообрядцем Андреем Денисовым.

После старинной герметической мудрости проложило дорогу в Россию и новое европейское масонство. По словам масонского предания, первая ложа возникла в Москве

---

* Хилиазм — буквальное толкование евангельского пророчества о тысячелетнем Царстве Христа на земле в конце истории. В широком смысле под хилиазмом понимают учение о периоде торжества правды Божьей на земле.

** Точный перевод названия труда Р. Луллия — «Великое искусство» (Ars magna, 1308, опубликован в 1480). В нем он предложил своего рода «логическую машину», позволяющую механически моделировать логические операции мышления, а также рецепты поиска философского камня и получения золота и серебра, что сделало «Ars magna» настольной книгой алхимиков.

*** Раймунд Луллий (ок. 1235–1315) — испанский богослов и миссионер, философ, логик, алхимик, писатель.

еще в царствование Алексея Михайловича, причем «Брюс был оной великий мастер». Брюс родился лишь в 1670 году[4], и предание, называя его имя, само относит возникновение ложи к последним годам XVII века. Это время обыкновенно — возвращение Петра из своего первого заграничного путешествия — указывают и другие известия.

В одной рукописи Публичной библиотеки рассказывается, что Петр бы принят в шотландскую степень Св. Андрея, причем «дал обязательство, что сей орден восстановит в России, что и исполнил[5], оставя епанчу зеленую, как она и должна быть, но ленту вместо зеленой сделал голубую; его письменное обязательство существовало в прошлом[6] веке в той же ложе, где он был принят, и многие оное читали»[7].

При том желании войти в европейскую жизнь, какое было у Петра, при его стремлении перенять все приемы и ухватки техники (в широком смысле) западной жизни вполне возможен, конечно, его интерес к начаткам новой общественной организации. Вполне правдоподобно, что вместе с образцами западного вооружения и одежды для армии и флота при Петре были заимствованы и формы товарищеского объединения офицеров. Ранние ростки русского масонства особенно возможны во флоте, так как флот был создан почти всецело по западному образцу и под западным влиянием[8].

Сохранившееся среди русских братьев известие о масонстве Брюса также служит указанием на связь масонских форм в России с проникновением западноевропейской науки и техники.

«Граф Брюс, — по словам предания, — был один из высокопосвященных масонов, и глубоко и плодотворно проник в тайны масонского ордена... Брюс имел [глубокие и основательные] сведения о законах природы и их стихийных действиях, и им составлен столетний календарь, которого показания о погоде или вернее предсказания о естественных событиях каждого года за целое столетие, по-видимому, сбываются в точности, как это удостоверено в последние годы истекшего столетия теми лицами, которые имели случай видеть этот календарь».

Впрочем, еще долгое время после Петра масонство в России не было вполне русским масонством и развивалось пре-

имущественно среди иностранцев, живших в России, особенно в Петербурге. Масонство имело большое практическое значение для этих иностранцев. Масонские дипломы служили отличными паспортами для проникновения в среду петербургской иностранной колонии. С помощью своего диплома приезжий, не имея специальных знакомств, всегда мог рассчитывать, что для него откроются двери — сперва пришлых негоциантов, а благодаря им — и русских купцов и вельмож.

Ранее других появляются следы прямых масонских связей с Великобританией. К 1731 году относится сведение о назначении капитана Дж. Филиппса провинциальным великим мастером в России. Через 10 лет, в 1741 году, русским провинциальным великим мастером определен был талантливый шотландец, генерал русской службы Джемс Кейт.

В честь Кейта русские масоны времен Елизаветы пели особую песнь в своих ложах:

По нем[9] светом озаренный
Кейт к Россиянам прибег
И усердьем воспаленный
Огонь священный здесь возжег.
Храм премудрости поставил,
Мысли и сердца исправил
И нас в братстве затвердил.
Кейт был образ той денницы,
Светлой коея восход
Светозарныя царицы
Возвращает в мир приход.

Кейт был представителем семьи, объединявшей в своей деятельности три страны — Россию, Шотландию и Пруссию. Сам Джемс Кейт бежал из Англии после неудачного исхода Якобитского восстания (в котором Кейт принимал участие на сторона претендента — Стюарта); в 1728 году он сделался русским генералом; около 1747 года перешел на службу Пруссии[10]; брат его Джон Кейт (лорд Кинтор) был гроссмейстером английского масонства; Джордж Кейт — известный генерал Фридриха II (приговоренный в Англии к смертной казни за содействие тому же Стюарту); наконец, четвертый Кейт (Роберт) был английским послом в Петербурге (несколько позже, в 1758–1762 годах).

Раннее английское масонство в России через своих деятелей было связано, таким образом, с Пруссией. Вероятно, и помимо Кейтов масонство способствовало отношениям с Берлином. Под 1738—1744 годами «Хронологический указатель» Пыпина отмечает «сношения берлинской ложи Трех Глобусов с Петербургом», то есть, вероятно, с петербургскими немцами (может быть, с ложей Zur Verschwiegenheil.). Помимо непосредственных связей с немецкими государствами имело значение и остзейское посредничество (в 1750 году в Риге основана была ложа Z. Nordstern).

Проводником французского масонства был частный секретарь Шувалова, швейцарец (французской речи) барон Генрих Чуди, создатель какой-то своей особой системы масонства. В Петербурге Чуди был около 1760 года ритором одной из лож. Из Петербурга он вывез[11] во Францию тайную управляющую степень «Chevalier de la Palestine et de l'Aurore».

Французское влияние на масонство сказывалось и в терминологии русских лож елизаветинского времени (метр-екосе, гранметр — в показаниях Олсуфьева).

Иностранные веяния, скрещиваясь и, вероятно, ведя борьбу между собой, все имели уже в елизаветинское время под собою твердую почву: масонство укреплялось в русском обществе.

Об елизаветинском масонстве осталось мало свидетельств. Бебер* писал, что «при императрице Елизавете масонство начало больше распространяться в России [чем прежде], но члены его так опасались за себя и за свое хорошее дело, что собирались только изредка и совершенно втихомолку, и не в обыкновенном помещении, а иногда даже на чердаке отдаленного большого дома. Тем не менее уверяли меня, что никогда не было больше ревности к делу и больше единодушия, как в этой "Ecclesia pressa"**».

Свидетельство Бебера нельзя принимать буквально и распространять на все время Елизаветы и все разряды масонства.

---

* Иван Васильевич Бебер (1746—1820) — член-корреспондент Академии наук, ботаник, энтомолог; сыграл, по некоторым данным, одну из главных ролей в возрождении и официальном признании масонских лож в России при Александре I.

** Гонимая, угнетаемая Церковь (*лат.*).

Воспоминания Елагина, например, рисуют совершенно иную картину масонских собраний елизаветинского времени. Это не скрывавшиеся на чердаке собрания гонимых, а клубы или банкеты (как и ложи самого Елагина 1770-х годов): «ни я, ни начальники лож иного таинства не знают, как разве со степенным видом в открытой ложи шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласным воплем непонятные реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончиться празднеством Бакху».

Елагин, поступивший в ложи «с самых юных лет» (в 1750 году), мог не знать скрытых целей масонства; но даже внешняя картина, которую он рисует, не согласуется вовсе с образом ecclesia pressa.

В масонстве принимают участие и лица высшего дворянского общества. Гр. Н. Н. Головин, которому сделан был допрос в 1747 году по возвращении его из-за границы (его подозревали в сношении с прусским королем), когда ему, между прочим, задали вопрос о масонстве, ответил: «Я, признаюсь, жил в этом ордене и знаю, что графы Захар да Иван Чернышевы в оном же ордене находятся».

В донесении Олсуфьева, поданном около 1756 года, среди «гранметров и масонов» назван Р. Л. Воронцов, далее поименованы: бригадир Александр Сумароков, Кадетского корпуса капитан Мелиссино, Остервальд, Свистунов*, Перфильев**, несколько офицеров Преображенского, Семеновского, Конногвардейского и Ингерманландского полков (в том числе семеновцы Ф. Дмитриев-Мамонов и кн. М. Щербатов и конногвардеец И. Болтин). По словам императрицы Екатерины, в ложе Р. Л. Воронцова участвовал (в 1755 году) и гр. С. В. Салтыков***.

---

* Петр Семенович Свистунов (1732—1808) — впоследствии сенатор, писатель и переводчик.

** Степан Васильевич Перфильев (1734—1793) — воспитатель наследника престола Павла Петровича, губернатор Санкт-Петербурга в 1773—1774 гг.

*** Сергей Васильевич Салтыков (1726—1765) — первый по времени фаворит Екатерины II. Распространялись слухи, что Салтыков — отец наследника престола Павла Петровича.

Ложа, описанная Олсуфьевым, по своему сложному ритуалу должна быть отнесена к французскому рыцарскому масонству. Олсуфьев доносил так: «Палата обита черным сукном и по оному сукну на стенах раскинуты цветы белые, во образе звездам, и посреди оной палаты поставлен стол под черным сукном, и на оном столе лежит мертвая голова и обнаженная шпага с заряженным пистолетом; то в оную приведут, и огонь вынести должно, и оной пришедший сидит против оного стола; а оная мертвая голова, вделанная на пружинах, имеет движение, и так до оного касается». После обычной процедуры и вопросов посвящаемого вводят в самую ложу, «и тогда гранметр оного приведящего внове для посвящения велит предать трем мытарствам, по повелению которого с обнаженными шпагами, приняв под руки, трое круг всех предстоящих масонов и обведя два раза с возможными свечами, с употреблением при том сильном ветре и в воздухе огня, и потом, взведя на особливую к тому приготовленную гору, имея повеление от гранметра, дабы оного скинуть с горы; по исполнении сему, оной представляется пред гранметра и присягает оному не инако как Создателю нашему Христу, с приложением к тому печати Соломоновой, которая кладется на левом плече, и потом, циркулем проколов грудь, стирает сам текущую кровь платком, и, развязав глаза, повелевают у гранметра целовать левую ногу три раза, по окончании же сего доказывая, уверяют, что храм Соломонов не инако есть, как святое таинство, и защитник оного силою своею есть гранметр».

Допрос Головина и донесение Олсуфьева показывают, что правительство Елизаветы относилось к масонству с большой подозрительностью.

То же можно сказать и о значительной части дворянского общества, тревожное отношение которого к масонам хорошо видно из воспоминаний Державина. Когда Державин собирался (в начале 1760-х годов) идти к Шувалову с просьбою взять его с собою в чужие края, тетка Державина, Ф. С. Блудова, «запретила накрепко» своему племяннику ходить к Шувалову, которого молва считала главою масонского общества; Блудова пригрозила «написать матери [Державина], буде он ее не послушает». Известную роль в этом играло, по-видимому, духовенство. Духовные проповедники времен Елизаветы

вооружались против «скотоподобных безбожных атеистов», против «нрава и ума эпикурейского и фреймасонского».

Известны и рукописные стихотворные обличения «фреймасонов», вероятно также вышедшие из духовной среды.

Полны лжи ваши законы
Оказались, франкмасоны
И в том тайность ваша есть,
Счет шестьсот шестьдесят шесть, —

пели псалмы на обличение франкмасонов.

Другое стихотворение, «изъяснение несколько известного проклятого сборища франкмасонских дел», так описывало эти дела:

Проявились недавно в России франкмасоны
И творят почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтоб к антихристу привесть от Христовы веры.
К начальнику своего общества привозят,
Потом в темны от него покои завозят,
Где хотят в сей секте быть терпит разны страсти
От которых, говорят, есть не без напасти.
Выбегают отовсюду, рвут тело щипцами,
Дробят его все уды шпаги и ножами
Встают из гробов, зубами скрежещут,
Мурины, видя сей лов, все руками плещут.
А из сего собору в яму весьма темну
Приводят их в комору уж подземну,
Где солнечного света не видно нимало,
Вся трауром одета, как мертвым пристало.
Там свечи зажженные страха умножают,
В гробе положенные кости представляют.
Встая из гроба, кости берут нож рукою
И стакан полн злости приемлют другою.
Проколов сердце, мертвец стакан представляет,
Наполня кровью, как жрец до дна выпивает.

«Изъяснение» грозит масонам вечною казнью:

Православных христиан мнити всех прельстити,
Через коварство поймав, к бесу уловити,
Не возможет желанно обрестися вами,
Идите, место пространно наполните сами.

Хорошее место там, и первые ложи
Отведены будут вам, о масонские рожи.
Играйте комедию теперь, пока живы,
Играть вам трагедию вечно несчастливы...

Выход из масонства раз попавшего туда человека «Изъяснение» считает крайне опасным. В общества остается портрет каждого члена, благодаря чему орден вполне может распоряжаться жизнью ренегата.

Многие тому примеры, говорят, бывали,
Которые от себя веры отстать пожелали,
Но из оных в живых нет на свете;
Вить стоит смерть в его живом портрете,
Который лишь поранят пулей из пистолета,
В тот час увянет и лишится света.

В совершенном соответствии с этим стихотворением — может быть, под его влиянием — Ф. С. Блудова считала «масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умертвляют».

С переменой на русском престоле вследствие смерти Елизаветы развитие русского масонства получило сильный толчок. Новый император, по-видимому, сам был масоном. «Повсеместная молва» об участии Петра Федоровича в масонстве ходила еще при Елизавете, побуждая, по словам Болотова, «весьма многих вступать в сей орден».

«Будучи в Кенигсберге, — вспоминал Болотов, — и зашед однажды перед отъездом своим[12] в дом к лучшему тамошнему переплетчику, застал я нечаянно тут целую шайку тамошних масонов и видел собственными глазами поздравительное к нему[13] письмо, писанное тогда ими именем всей тамошней ложи».

Сделавшись императором, Петр III подарил дом петербургской ложе Постоянства; сам он собирал около себя масонов в Ораниенбауме.

Об этих собраниях говорить автор памятки, преподающей советы Екатерине II относительно двух близких Петру Федоровичу лиц[14].

Памятка советует «Волкова, яко масона, допросить: кто при бывшем Государе в имеющемся в Аримбове ложе масонском с ним был и в чем богопротивное той секты действо состоит и где масонские печатные книги; уповательно он и обо всех такой секты участниках конечно известен».

Кроме этого в записке сказано: «Преображенского полку протопопа Андрея, яко подозрительного человека, масона и явного злодея церкви святой, взять б под караул, потому что бывшему Государю в Петров пост во время учения полку, ругая предания св. Отцов, разрешал во все посты мясо есть и оных не хранить, за что обещано быть ему его духовником и синодальным членом». Разрушивший Ораниенбаумскую ложу переворот 28 июня 1762 года не означал, однако, крушения русского масонства вообще. Главный участник переворота Г. Г. Орлов* был масоном. Сохранилось также (впрочем, неясное) известие об участии в предприятии масонского авантюриста Сен-Жермена.

Первое время своего царствования Екатерина, кажется, относилась к масонству терпимо и благожелательно. Есть даже сведения о том, что «в течение 1763 года Екатерина, потребовав сведений о цели масонских собраний, объявила себя покровительницей ордена в своем государстве и попечительницей ложи в Москве».

Конечно, извесгие это вряд ли точно; оно показывает, во всяком случае, какую репутацию в масонских кругах заслужила себе Екатерина в первые годы своего царствования. Влиятельные в правительстве лица относились в это время сочувственно к масонам. Сохранилось одно «письмо католицких в Москва патеров» к кн. Лобковичу от 7 марта 1765 года. Письмо говорит о том, что два патера отказались исповедовать: 1) фармазона-француза, 2) наложницу какого-то важного сановника. В ответ на это московские *фармазоны* устроили высылку патеров из Москвы.

Возможно, что Екатерина, сама не участвуя в масонстве, относилась к нему терпимо из политических видов, считая, что ей выгодно так относиться. Так же точно, не будучи во-

* Григорий Григорьевич Орлов (1734–1783) — светлейший князь, фаворит императрицы Екатерины II.

все религиозной, она официально ладила с религией, ища себе опоры в православном духовенстве.

Благодаря терпимому отношению Екатерины масонство в первые годы ее царствования развивалось беспрепятственно. Однако прямых сведений о масонском движении в русском обществе сохранилось за это время очень мало[15].

2. Состав лож в екатерининское время

Если во время Елизаветы масонство уже начало распространяться в кругах русского дворянства, то при Екатерине процесс этого распространения пошел чрезвычайно быстро; к концу 1770-х годов оставалось, вероятно, немного дворянских фамилий, у которых бы не было в масонской ложе близкого родственника.

В петербургских ложах Елагина и Мелиссино состояли членами, например, кн. И. В. Несвицкий, гр. Р. Л. Воронцов, А. Л. Щербачев, С. В. Перфильев, гр. С. Р. Воронцов, бар. К. Унгерн-Штернберг, А. Воейков, кн. Андрей Вяземский, гр. В. Фермор*, кн. А. Одоевский, А. Хвостов**, гр. П. Толстой, Н. Бекетов, С. Зиновьев, Г. Жедринский и др. В Рейхелевых ложах участвовало несколько кн. Трубецких; одну из лож Рейхеля прямо называли «княжеской». По шведской системе «работали» графы Апраксины, князья Гагарины, Долгорукие, Куракины, кн. Н. В. Репнин, графы А. И. Строганов, А. И. Мусин-Пушкин, Шуваловы; розенкрейцерами были кн. Трубецкие, кн. Репнины, кн. Черкасский, Лодыженские, Лопухины Тургеневы и т. д.

Именно благодаря дворянскому составу лож были так популярны в России все «рыцарские» системы.

---

* Виллим Виллимович Фермор (1702—1771) — граф, генерал-аншеф, генерал-губернатор Смоленска. Во время Семилетней войны командовал русской армией при Цорндорфе, под его руководством русские войска заняли Восточную Пруссию.

** Александр Семенович Хвостов (1753—1820) — писатель, член Российской академии.

«Пышные церемонии рыцарства, кресты, кольца, епанчи и родословные поколения должны были произвести великое впечатление над нациею военною, — писали в 1782 году московские масоны герцогу Брауншвейгскому, — в которой одно токмо знатное дворянство работами нашими занималось. Сверх того, богатое дворянство наше, так же как и везде, воспитано весьма чувственным образом, и следственно ничто так не способно показать ему отношения умозрительные, как такой язык, который действует на все органы его. Весьма справедливо, что церемонии сии делаются смешными, коль скоро они не будут соразмерны особам, и мы думаем, что весьма странным казаться должно членам некоторых домов ордена, не приобыкших к оружию, или по состоянию своему удаляться от него долженствующих, видеть себя вдруг с ног до головы вооруженного и обвешенного рыцарскими орденами. Напротив, между нами такая пышность не может быть неприятною, ибо все члены наши предводительствовали батальонами или и целыми армиями! Весьма приличествуют и кресты оные особам, которые и в общежитии таковыми знаками чести украшены, или которые ничего так жадно не желают, как получение оных».

Лица недворянского сословия среди русских «братьев» попадались редко. Несколько русских купцов числилось, впрочем, в московской ложе И.А. Барнашева (Астрее), но не в качестве «мастеров» или «товарищей», а лишь в качестве «учеников»: Е.А.Лухманов, А.Ф. Севрюгин, Я.В.Федурин, А.Д.Колосов, Ф.С.Калашников, И.В.Лесников, Ф.И. Решетников, Ф.П.Щукин, И.А.Панфилов. Один купец (М.Т. Красноглазов) был «учеником» в ложе Урании.

Известно и несколько священников-масонов. В 1776 году в московскую ложу Равенства был принят священник церкви Рождества Христова, что в Столешниках; в 1780-х годах «теоретическим братом» был М.М.Десницкий, с 1785 года — священник, впоследствии митрополит Михаил; по мнению кн. Прозоровского, был масоном и Ф.А. Малиновский*; сочувственно относился к Новиковскому кружку архиепископ

* Федор Авксентьевич Малиновский (1738—1811) — протоиерей при Московском университете, писатель.

Платон; в Риге 1791 года в ложу Малого Света был принят священник Григорий Ефимов.

Лица низших сословий в ложи не допускались. «Никто чуждый, если он не свободен или зависит от кого, не может быть достоин к принятию в Орден, разве в служащие братья», — гласила 2-я статья «Всеобщих свободных каменщиков положений».

Так на деле оправдывалось утверждение «Магазина свободно-каменщического»: «Подло и несправедливо судить о масонских ложах, как о слабой и несмысленой черни... ложи каменщиков никому, кроме черни, не затворены. Заключая двери свои от слабых, злых и порочных, отверзают они их без различия мужам заслуженным и знатным».

Как и в начале XVIII века, в Екатерининскую эпоху масонство сильно было развито среди приезжих в Россию иностранцев, являясь средством как бы корпоративного их объединения. Этим объясняется, что заседания масонских лож происходили иногда на французском, английском, а подчас даже на итальянском языках[16]; чаще всего, конечно, нерусские ложи держались на немецком языке. Едва ли вообще не треть масонов в России состояла из немцев. Из петербургских лож одна была чисто английская (Parfaite Union); две «работали» на немецком языке; некоторые — поочередно, на русском и немецком; ложа Урании начала «работы» только на русском, с мая 1775 года перешла на оба языка, а в 1780-х и 1790-х годах держалась немецкого и английского языков. Наоборот, ложа Малого Света в Риге, начав с немецкого языка, добавила с осени 1790 года русские заседания. Остальные остзейские ложи «работали», кажется, исключительно на немецком языке.

Национальная ложа шведской системы имела параллельных великих чиновников для русского и немецкого языков.

В Москве так же, как в Петербурге, были французская и немецкая[17] ложи.

Архангельская ложа «работала» на немецком и английском языках.

Иноязычные ложи в русских городах состояли преимущественно из купцов, отчасти — офицеров и чиновников. В остзейских ложах руководящим слоем были местные дворяне.

Из немцев-масонов большинство было лютеране или реформаты; но нередки среди них и католики. Какого-либо религиозного разногласия между теми и другими не было заметно. В одну из русских лож, Уранию, с конца 1780-х годов допускались евреи. Так, 16 августа 1788 года приняты были Моисей Оппенгейм из Кенигсберга и Исаак Левин из Потсдама; 23 августа оба повышены в степень товарища и мастера (за один день), а 25 августа первый из них сверх того в IV и V степени; прием евреев в ложу, вероятно, обусловлен был крупным денежным взносом; по крайней мери, в день приема Оппенгейма и Левина в кассу для бедных поступило 40 р. 90 к. (более 200 р. на наши деньги), вместо обычных 4–5 рублей.

3. Елагина система и «Слабое наблюдение»

Первая широкая организация русского масонства, объединившая несколько лож, создалась в начале 1770-х годов. В главе ее стал Иван Перфильевич Елагин, «тайный советник, сенатор, ордена Белаго Орла, кавалер, Главной Дворцовой Канцелярии член и Главный Директор музыки и Театра», известный тем, что «во младых своих летах писал весьма изрядные стихотворения», и тем, что «его тщанием Российский театр возведен на степень совершенства».

Диплом его на звание провинциального великого мастера был подписан в Лондоне дюком де Бофором 26 февраля 1772 года. Торжественное открытие Провинциальной Ложи в Петербурге состоялось несколько позже: Новиков показывал, что масонство получено было Елагиным «от какого-то лорда Питера»[18].

Елагина система не была строго выдержана в своей организации. Первоначальное простое английское масонство, довольствовавшееся тремя степенями — ученика, товарища и мастера, — в самой Англии скоро видоизменилось в сторону высших градусов. От барона Рамсея, из среды высшей знати, поддерживавшей претендента Стюарта, распространились различные формы IV и V степени так называемого

«шотландского масонства». Йоркская ложа ввела в употребление степень Королевской Арки (Royal Arch).

Этим было заложено начало широкого применения тайных управляющих организаций, которые давали возможность братьям высших степеней вести к своим особым целям низших братьев.

Елагин союз 1770-х годов не остановился еще на таком понимании высших степеней. Отдельным членам его было предоставлено держаться любой точки зрения по этому вопросу: высшие градусы не давали заметных преимуществ в управлении. Отсюда и разнообразие взглядов на них в союзе[19].

Сам Елагин, «узнав подробно все обманы, не мог приступить к преподаванию высших степеней, и доныне еще никто от него ниже четвертой степени не восприял».

Но во многих его ложах были в ходу высшие степени. Пример показывала Главная Провинциальная Ложа. В Уставе ее было сказано, что в своих собраниях она «не делает работ приема до шестого градуса»[20], а «в последних двух[21] никакая ложа без воли сама делать не может».

Впоследствии Новиков показывал, что хотя он знал по Елагиному масонству только четыре градуса, но что там были еще V, VI и VII градусы. «Носили ленты со знаками; ибо в том масонстве, начиная с IV градуса, во всяком была особая лента. В IV градусе была лента красная с зелеными каемками, на которой привешен был знак, изображающий треугольник и циркуль; а на шее, помнится, на зеленой ленте еще знак. На звезде изображение креста со св. Андреем Первозванным. В других градусах были ленты черная с белыми каемками, зеленая, фиолетовая и еще не помню».

На основании протоколов ложи Урании видно, что по крайней мере в эту ложу могли входить братья 7-й степени[22].

Наконец, в одной из лож союза (Скромности), состоявшей под управлением Мелиссино, были введены высшие градусы «рыцарского» характера.

Елагина система жила на основании особого устава, носившего заглавие «Права, преимущества и обряды Главной Провинциальной Ложи»[23].

Согласно этому уставу Главная Провинциальная Ложа состоит (п. 1) из 7 должностных лиц — «чиновников»: 1. Вели-

кий провинциальный мастер, 2. Великий провинциальный наместный мастер, 3 и 4. Великие провинциальные надзиратели, 5. Секретарь, 6. Хранитель сокровищ и 7. Меченосец; «к сему присоединяются стуарты[24] всех лож», а также «всех лож мастера и чиновники, имеющие право голоса, как члены Главной Провинциальной Ложи, и наконец, все бывшие Главной Провинциальной Ложи чиновники, имеющие право всегда носить одни токмо запоны того достоинства».

«Собрания Провинциальной Ложи бывают в год четыре, каждое в три месяца, в учрежденном от Главной Провинциальной Ложи месте: где никто не может быть, кроме вышепоказанных членов Ложи, или по крайности никто без дозволения, когда же случится быть впущену посетителю, то оные не только что голоса не имеют, ниже может рассуждать при каком бы то ни было предложении, разве спрошено будет на то его мнение» (п. 3).

В случае отсутствия великих чиновников их место занимают бывшие великие чиновники, «а когда и тех не случится, то частных лож стуарты по старшинству их лож бывают настоящими на тот раз чиновниками со всеми преимуществами» (п. 4).

«Если кто из братьев, составляющих Большую Ложу, в собрание быть не может, то вместо себя избирает он брата, но такого, который действительно сам был один год мастером или чиновником. Сие разумеется о чиновниках только частных лож» (п. 7).

«Всякие несогласия, или жалобы, не могшия быть кончены в частных ложах между членами оных или между двух частных лож, должны подаваемы быть письменно к великому провинциальному секретарю за довольное время перед четверократным собранием, и оные наперед в четверократных милостинных собраниях рассматриваются, если дело такового свойства. Если же требующее подробного изыскания, то возлагаются на комитет, который, рассмотря, вносит в четверократное собрание» (п. 8).

При добавлении или отмене Главной Ложей каких-либо прежних установлений частная ложа «может рассуждать о том, что Главною Ложею сделано, но не имеет права сама вводить отмены [от нового постановления Главной Ложи],

но в оную нашу почтеннейшую Ложу мастер мнение свое к лучшему представляет, подписывая всеми оное собрание [частную ложу] составляющими братьями, а если будет оное неоспариваемо большим числом, то не взирая ни на что, хотя бы в меньшем и великий провинциальный мастер был; не соглашающиеся имеют право особо свое мнение в Большую посылать Ложу» (п. 10) [25].

Великий провинциальный мастер имеет в собраниях Великой Ложи дискреционную председательскую власть: может (только он один) прервать оратора (п. 13), исключить плохо себя ведущих членов (п. 14) [26].

Провинциальный мастер назначается великим мастером или великим наместным мастером всего масонства в Англии (п. 1). Провинциальный мастер назначает провинциальных чиновников (но может и предложить их выбрать всей Великой Провинциальной Ложе — п. 3). Провинциальный мастер может требовать от всякой ложи понадобившиеся ему сведения (п. 5). Провинциальный мастер и провинциальные чиновники могут посещать заседания всякой ложи союза и наблюдать за правильным ходом ее «работ» (п. 6).

Провинциальный мастер «имеет полную власть учреждать ложи обыкновенным порядком, брав к тому своих чиновников с точным назначением мастера или оставляя выбор оного заводящейся ложе» (п. 9).

Если бы «все братство или большая оного часть признала провинциального великого мастера неудобным более к управлению или власть свою во зло употребляющим[27], то должны они писать о том в Великую Ложу Англии и дотоле не собираться, доколе решение не придет»[28].

Великим провинциальным мастером все время существования союза был И. П. Елагин. Великим наместным мастером в первый год существования Провинциальной Ложи определен был генерал-аншеф и сенатор Воронцов, а великим секретарем — поэт В. И. Майков.

18 декабря 1773 года происходило назначение новых «провинциальных чиновников». Наместным мастером остался Воронцов, великим секретарем Елагин «избрал» В. И. Лукина, первым надзирателем — Алексея Щербачева, вторым — Ивана Несвицкого, хранителем сокровищ — Степана Перфильева и меченосцем — Федора Фрёза.

Елагину подчинялось не менее четырнадцати лож.

1) Первой по времени открытая была Parfaite Union, которая была старше самой Провинциальной Ложи, так как учреждена была 1 июня 1771 года. Большая часть ее членов были английские купцы (мастер стула — Кели, John Cayley).

2) «Собственная ложа» Елагина, называвшаяся ложей Муз и собиравшаяся в его доме; диплом на открытие за подписями Майкова и Воронцова помечен был 16 июня 1772 года.

3—4) Некоторые члены ложи Муз, продолжая числиться в составе этой ложи, образовали свои особые ложи. 31 января 1773 года утверждена была ложа музы Урании[29], мастером которой сделался В. И. Лукин, надворный советник, правая рука Елагина, сочинивший комедию в пяти действиях, «Мот, любовью исправленный», которая «принята была весьма изрядно».

Скоро после этого открылась ложа Беллоны (мастер стула — И. В. Несвицкий).

Все братья лож Муз, Урании и Беллоны имели вход в любую из них, а мастера их составляли единый комитет по найму общего дома и прочим хозяйственным делам.

5) От ложи Урании некоторыми ее членами основана была (30 мая 1775 года) ложа Астреи (мастер стула — Я. Ф. Дубянский*)[30].

6—7) В союз Елагиных лож входили и две военные ложи, «работавшие» среди офицеров и военных врачей русских армий[31]: ложа Марса в Яссах, под молотком П. И. Мелиссино[32], и ложа Минервы в Садогурах, в Молдавии, под управлением бар. Гартенберга[33].

8) Ложа Скромности в Петербурге, под управлением того же П. И. Мелиссино, вероятно, взамен ложи Марса, по возвращении Мелиссино с войны[34].

9) Ложа Клио, в Москва, основана около 1774 года.

10) Ложа Талии, на открытие которой (где угодно) было выдано разрешение Вердеровскому; летом 1775 года Талия «работала» в Москве, а в 1777 году в Полоцке.

11) Ложа Равенства, открытая осенью 1774 года; летом 1775 года ложа Равенства собиралась в Москве, а в 1776 го-

* Яков Федорович Дубянский (1745—1807) — выпускник Пажеского корпуса, сын духовника императрицы Елизаветы Петровны.

ду перебралась в Петербург. Кандидатами в мастера этой ложи Ильин называл кн. Г. П. Гагарина, кн. В. В. Долгорукова*, гр. Р. Л. Воронцова; избран был, по-видимому, кн. Гагарин.

12) Ложа св. Екатерины Трех Подпор в Архангельске (письмо ее, выражавшее единение с Елагиным, подписано 11 декабря 1774 г.)[35].

13) Ложа Эрато в Петербурге, основанная кн. А. И. Мещерским, не позднее марта 1775 года[36].

14) Ложа во Владимире, под управлением гр. Р. Л. Воронцова.

Все ложи находились в тесном общении между собою, посылая друг другу письма или рекомендуя своих членов в случае их переезда из места «работ» одной ложи в резиденцию другой[37].

Постоянные связи были у некоторых Елагиных лож и с западноевропейским масонством английской системы. Ложа Урании, например, неоднократно принимала к себе посетителей с дипломами немецких и английских лож и сама снабжала своих членов рекомендациями в эти ложи[38].

Зато старательно воздерживались от общения с масонами других систем. На собрания ложи Урании в качества посетителей могли быть допущены лишь братья Елагина толка. Особенно остерегались Рейхелевского масонства; у причастных к нему братьев требовали предварительного отречения от Рейхеля.

Но нежелательными признаны были и другие направления, хотя бы они очень близки были от Елагиной системы[39].

Внутренняя жизнь каждой ложи определялась ее «актами».

Акты Елагиных лож всецело приспособлены были к приему в ученики, товарищи и мастера, так как прием новых членов или возведение ранее принятых в более высокую степень составляли главное содержание «работ» этих лож. Почти ни одно заседание не обходилось без «принятия»[40].

Прием («ресепция») сопровождался сложным и запутанным ритуалом, частью заимствованным из практи-

---

* Василий Васильевич Долгоруков (Долгорукий) (1752—1812) — князь, генерал-поручик, на гражданской службе — действительный тайный советник.

ки средневековых цехов. Основной смысл ритуала состоял в «испытании» нового адепта путем всевозможных угроз и неожиданных унижений[41].

Заканчивался прием страшной клятвой, ограждавшей тайну всего происходившего в ложе. Новопринимаемый подробно перечислял все наказания, которых он заслуживает в случае своей неосторожной болтливости или измены. Товарищ и мастер добавляли к этой клятве еще несколько сильных пожеланий[42].

Несмотря на мрачное начало масонской жизни Елагинского адепта, дальнейшее течение этой жизни оказывалось вполне мирным и даже довольно веселым. Ложи Елагина вне ритуальной своей части носили характер почти светских клубов, где — после утомительных обрядов ресепции — можно было хорошо поужинать («столовые ложи») и встретить немало приятных знакомых[43].

По выражению Новикова, братья Елагиных лож «почти играли» масонством, «как игрушкою: собирались, принимали, говорили много, а знали мало».

Заглянуть во внутреннюю жизнь Елагиных лож позволяют протоколы одной из них (Урании), сохранившиеся за время от учреждения ложи до 1 июля 1775 года.

Ложа была торжественно открыта 16 марта 1773 года. На заседание прибыл «уполномоченный от п. П. В. Мастера ложи Муз второй надзиратель п. брат Несвицкий и объявил, что имеет письмо к братьям сооружателям ложи Урании, и требовал, чтобы они вступили в ложу. Обряд того дня был следующий. Впереди брат служащий со свечою, за ним два брата Мастера, позади их брат В. Лукин, ведущий п. брата Несвицкого к ложе, за ними посетители, по два в ряд, а потом все братья, приступавшие к сооружению ложи; вступя в храм, который совсем не освящен был, стали вокруг ковра, а брат служащий со свечою позади почтенного брата Несвицкого, который всем братьям читал [приветственное] письмо от п. П. В. Мастера[44]...

По прочтении [Несвицкий] требовал от братий, чтобы оные при нем учинили выбор мастера ложи, коего б он, по данному ему полномочию, мог утвердить в сем сане. Братья, всякий написав имя одного из членов своих, клали в сосуд, на жертвеннике стоящий, и по вынутым жребиям оказались

все жребии на брата Владимира Лукина, кроме одного его, коим он избрал п. брата Николая Грена. П. брат Несвицкий, провозглася избрание, взял за руку брата В. Лукина и обвел его троекратно около ковра, будучи провождаем всеми братьями, а потом, подведши его к жертвеннику, требовал от него клятвы мастерской, которая им и сделана, как ниже сего вписано, и в продолжение коей меч п. брата Несвицкого был устремлен против сердца мастера ложи, а того меч против сердца п. брата Несвицкого.

Присяга мастерская

Клянусь перед Всевышним Создателем Селенныя, пред тобою, препочтенный Провинциальный Великий Мастер, и пред всеми достойными здесь собранными братиями не только в сохранении непоколебимый верности к ложе Урании и в наблюдении с священнейшею точностью всей должности истинного масона в недреманном бдении о том, дабы никто из членов моей ложи не сходил никогда с пути истинного и чтобы сюда не вкладывалось ничто могущее поколеблить непрочность нашего Ордена. Обещаю также не употреблять во зло права и власти саном мастера ложи мне приносимой, а всегда поступать по узаконениям нашей препочтеннейшей аглинской Великой всего масонства Ложи и Ложи Главной Провинциальной, которые преподаны и впредь преподадутся. В случае же нарушения подвергаюсь мщению Создателя и гневу всех братьев. Для утверждения сей присяги целую слова Спасителя нашего».

После торжественно обставленного открытия, с пышными речами и обрядами, тихо потекла будничная жизнь ложи Урании[45].

Несложное ее хозяйство — квартира и обстановка, устройство ужинов и праздников — отнимало, однако, много забот и достаточно денег от ее членов.

С августа 1774 года, когда Лукин продал свой дом (где сначала помещалась ложа), для Урании было нанято помещение на Мойке против Галерного двора, за 270 рублей в год.

Недешево стоило также участие в празднествах Великой Провинциальной Ложи. В 1772 году на торжество Иоанна

Крестителя употреблено в Провинциальной Ложе «до тысячи рублев». На предстоящие подобные же расходы 1773 года великий секретарь предлагал членам Урании внести кто сколько может. «Уединенные» собрали «на сей праздник» 130 рублей, но торжество не состоялось, вероятно, из-за недостаточности сбора. В декабре великий мастер внес на тот же предмет от имени ложи Урании еще 50 рублей, из которых ложа обещала ему вернуть 40 рублей.

В июле 1774 года в Уранию пришло письмо от распорядительного комитета по устройству празднества; подписано оно было Ал. Щербачевым, П. Мелиссино и Ив. Дмитриевским*. Комитет выражал пожелание: «1) Чтобы от каждой ложи послано было ко всем ее членам циркулярное прошение для собирания денег и чтобы каждый брат по произволению своему способствовал к совершению сего праздника, однако не менее двух рублев. 2) Чтобы собранные все деньги, равно как и реестры братьев и посетителей, за платеж которых каждая ложа ответствует, с показанием их степеней, присланы были как можно скорей в комитет, который распоряжает праздник и берет на себя, когда ж и где оному быть; о том почтенное братство будет от нас уведомлено: число присланных к нам денег решит совершенное и посредственное великолепие сего праздника, хотя желание наше клонится к тому, чтоб торжество сего дня было великолепно».

16 июля 1774 года секретарь Урании А. Гессель подробно отвечал на это письмо. «В день назначенного торжества членов с посетителями будет 55: ложа, видя ваше попечение о благом устройстве сего празднества, полагает дать с каждого брата до четыре рубля, что и учинит 220 руб., дабы торжество сколько можно пристойным сделать. Деньги сии можете вы получить у почтенного брата фон Эссена, когда вы потребовать их за благо рассудите. Притом вся ложа просит вас, чтобы день, кроме вторника, пятницы и субботы, дабы большую часть ее членов в оные дни делами занятых, не лишить участия в сем удовольствии. Все ложи Урании члены и посетители будут мастерской, товарищеской и ученической степеней и как их число означено, то и не кажется надобности

---

* Иван Афанасьевич Дмитриевский (1734—1821) — переводчик, педагог, драматург, член Российской академии.

посылать особого им списка, но если оной необходимо для вас надобен будет, то я его вам доставлю тогда, когда повестка от вас к празднеству пришлется».

По прочтении этого письма «все бывшие в ложи [Урании] согласились и начали плату, а не бывшим тогда положено объявить после, притом единогласно принято, чтобы каждый за своего посетителя заплатил брату хранителю сокровищ 4 рубля, и сверх того условлено ж, что если общего празднества и сей год не будет, то нашей ложи праздновать особо день святого апостола Андрея и употребить на то сии собираемые деньги».

Торжество, кажется, состоялось все-таки в Провинциальной Ложе. На следующий год день Иоанна Крестителя праздновался всем союзом в доме Елагина, причем взималось 3 рубля за вход.

Помимо участия в праздниках Провинциальной Ложи, Урания устраивала торжественные вечера и своими силами, например, 17 марта 1776 года, когда в Урании был А. Я. Ильин с братом своим П. Я.; по его словам, «нынешней день повсягодно празднуется [этой ложей] по причине, что открылась она в сие число[46], и ныне минуло ей три года. Был концерт очень хороший. Всех братьев тут находилось без малого человек сто. Ужин был хороший. Мы поехали оттуда в исходе первого часа пополуночи, а еще никто не выезжал прежде нас, и все сидели еще по местам, не думая разъезжаться».

В менее парадной обстановке, но с тем же характером клуба протекали и обычные собрания ложи.

12 января 1776 года Ильин был в Урании вместе с П. Я. Ельцыным: приятели пили пунш («два стакана за 20 коп.»), а после ужина бр. Книпер потчевал их по дружеству шампанским.

13 января того же года в Урании держана была траурная ложа. «Было весело, — записал, однако, Ильин, — особливо показалось мне — за здоровье сестер выстрел. Разъехались, в двенадцатом часу пополудни»[47]. И 4 июня Ильин ужинал в Урании.

Урания немногим отличалась от других лож Елагиной системы, где побывал Ильин в 1776 году.

8 января Ильин «пошел в л. Астрею, была товарищеская, очень хорошо всех посетителей, в том числе и меня, приня-

ли. А стол вечерний гораздо лучше, чем в Урании... Выехал с братцем[48] к нему домой в первом часу пополуночи».

26 февраля, вернувшись из той же л. Астреи, Ильин записывает: «очень было весело».

А 22 марта после закрытия л. Астреи Ильин «был много пьян». Ужинал Ильин и в Беллоне.

Именно для таких ужинов — «столовых собраний» — в л. Урании еще в 1773 году была куплена на 50 руб. виолончель, «дабы бр. Ясниковского избавить от трудов возить такой же инструмент всегда с собою».

Расходы по устройству клуба ложа пыталась возместить собиранием платы с посетителей, штрафами за нарушение устава и пр.

В сентябре 1774 года единогласно было решено: «К провождению времени членов ложи завести в одном покое нанятого дома биллиард, а за употребление оного платить за ординарную партию по 5 к., за карамболь по 10 к. с партии, а лагерре по 5 к. с каждого играющего, с тем чтобы во время священных работ наших никто из братьев не играл под штрафом платежа 10 р.». Было решено также, «чтоб каждому члену л. Урании позволено было и в другие дни, когда ложа не в собрании, в доме быть и в биллиард играть, однако ж только до первого часу после полуночи а не долее, а кто долее означенного времени останется, должен за первые полчаса его за сроком пребывания платить 1 р., за вторые — 2 р., за третьи — 4 р., и так каждые полчаса вдвое»[49].

Далее постановлено: «Карточная игра таким же образом и на таком же основании и штрафах, как выше сего о биллиардной положено, дозволяется, но только коммерческие игры, а азартных ни под каким видом не играть, за каждые две игры карт платить по 1 р. Свечи для биллиарда и карточных столов платит ложа из доходу от биллиарда и карт[50]... С выигрышев платит каждой в пользу л. по 5 к. с рубля».

Была выработана и такса для буфета ложи: «Впредь имеет каждой брат платить за вечернее кушанье при входе и записи 50 к. (как прежде было по 1 р.), а за напитки платит каждый за себя и при самом требовании оных. Эконом должен держать напитки в полубутылках, а за каждую целую бутылку белого или красного вина платить 50 к. За аглицкое пиво

50 к. За чарку гданской водки 10 к. Чужестранные и других соединенных с нами лож посещающие братья от того платежа не исключаются, а за братьев с талантами платит л. эконому по-прежнему по 1 р. За которой он каждому поставит полбутылки вина, полбутылки пива и одну чарку гданской водки, все сие разумеется только в те дни, когда ложа собирается»[51].

Несмотря на доходы от буфета, финансовое положение Урании все время было затруднительным. Еще 10 мая 1774 года на собрании ложи было сделано угрожающее сообщение, что в ложе «по книгам ныне наличных денег только 32 р. 32 к.». Приходилось иногда, ради доходов, отказываться от строгости принципов. Так, 13 сентября 1774 года решено было, «чтоб братья масоны, которые не сочлены нашей ложи, только в дни собрания л., когда они посетителями войдут, допущены были, а непросвещенные — никогда, кто ж в другие дни с собою приведет из братьев других лож, должен платить штрафу 10 р.».

Через два месяца «почтенный брат Карл Книпер предлагал, чтоб для умножения доходов л. дозволено было братьям членам и в такие дни, в которые ложи не бывает, приводить с собою в дом наш таких братьев, которые у нас уже посетителями бывали, и чтоб для того завесть особую книжку, в которую бы член, приведшей гостя, записывал имя его и свое и отвечал бы за него в исполнение наших условиев». На это предложение ложа согласилась «жребием».

Одновременно с попытками поднять доходность косвенного обложения, которому подвергались члены и посетители ложа решила упорядочить поступление прямых сборов.

В указанное уже заседание 13 сентября 1774 года приняты были такие решения по этому поводу:

«1) Чтоб каждый член ложи (исключая почетных членов), как здесь в Петербурге находящиеся, так и отсутствующие... на содержание ложи платили по шести рублев в год, считая от 1 сентября сего года, а именно каждые полгода по три рубля, а которые из них оных трех рублев в две недели от начала каждого полугода не заплатят, будут из членов ложи Урании выключены. Чтоб каждый новопринятый член ложи с 1 числа того месяца, в котором он принят будет, платил по 50 к. на месяц до начала полугоднего платежа.

2) Чтобы все масоны, хотя бы и из членов прочих под конституциею В. П. Р. Ложи были, когда пожелают быть членами ложи Урании, за вступление платили по 25 руб., исключая учеников и товарищей, которые за вступление в члены нашей л. платить имеют 10 рублей». Последний пункт сопровождался еще следующей предусмотрительной оговоркой: «Когда кто ложе предложен будет, из непросвещенных ли для принятия в наше общество, или из масонов в члены ложи, то предлагатель имеет, как скоро предложенный им жребием или общим согласием к принятию удостоен будет, заплатить положенные за прием деньги, а до действительного платежа оных — предложенного в ложу не вводить».

Хозяйственными делами ложи заведовали экономы. Сперва эту обязанность выполнял Краббе, принятый «для одобрения» в почетные члены ложи. Эконому полагалась «за его присмотр и труды» третья часть из сборов с биллиарда и, вероятно, карточной игры. В конце 1774 года ложа избрала из своих членов трех экономов (весной 1775 года ими были бр. Бардвик, Машмейер и Кентер).

В ведении эконома находились «служащие братья», на которых лежала забота о внешнем устройстве ложи. В Урании их было четверо. В самый день открытия, 16 марта 1773 года, ложа постановила «производить служащим брату Клинку по 2 рубля, Дмитрию и Никитину по рублю каждый месяц, а брату Степану каждый раз, когда он в ложи будет работать, по 50 к.». В марте 1775 года Клинк сделался очень дряхл, и на его место был намечен «паришных дел мастер» из Ревеля Якоб Штам.

О брате Степане известно, что карьера его не была блестящей. В декабре 1773 года «по предложению почтеннейшего мастера ложи» он был «осужден всею ложею за его пьянство и безобразный поступок во время первого четверократного собрания Провинциальной Ложи, чтобы лишить его шесть раз получаемого от ложи награждения и стоять на коленях у двери во время столовой ложи»[52].

Своих служащих братьев ложа брала с собою на празднества, устраиваемые совместно с другими ложами. Так, в письме А. Гесселя было выражено желание членов ложи, чтобы на торжестве Иоанна Крестителя в Провинциальной

Ложе «их поместить к одной части стола, дабы им способнее иметь услугу от своих братьев служащих, чего они, бывая рассеяны, почти всегда лишались».

Тайна, которую масон клялся никому и ни под каким видом не открывать, — не бывала открыта и ему самому, по крайней мере в низших степенях Елагиной системы.

«Ты слышал, может быть, — говорил мастер новопринимаемому ученику, — что какое-то таинство между масонами хранится, поощрен был к приобретению оного побуждением любопытства, сродного человечеству, а ощутив сего дни многие ко искушению тебя истощенные опыты, уповаешь может быть найти в стенах храма нашего нечто чрезвычайное; но тщетно, любезный брат, сие воображение тебя прельщает!»

Объяснения приходилось ждать от степени товарища. Однако принятый в эту степень узнавал из слов мастера, что товарищество «дается ему не для приобретения великого таинства, но для вящей скромности». Устанавливая законы содружества, царь Соломон «не отличил товарищей от учеников великим таинством».

Оставалось ждать мастерской степени. Новопринимаемому мастеру обещано бывало истолковать это «сокровенное от учеников и товарищей таинство». Перед ним должны были раствориться «врата храма Соломонова», и он мог узреть «внутреннее хранилище». После торжественного предисловия принимаемому рассказывалась (а частью, при его сотрудничестве, и разыгрывалась) «история о Гираме», мастере, строителе Соломонова храма; Гирам убит был изменниками-товарищами, тщетно желавшими узнать от него мастерское слово. Тело стойко умершего за свою тайну Гирама найдено было другими мастерами, и преступление было обнаружено; своей смертью Гирам дал вечный образец и урок всем вольным каменщикам.

Прослушав легенду, новый мастер не знал, однако, раскрыта ли ему теперь вся тайна, которая есть в масонстве; ему делались прозрачные намеки, что только на высших степенях ему действительно откроют «конец и начало наших похвальных действий в священных работах».

«Конца и начала» не распутывала, однако, ни одна степень Елагиной системы. Раздраженное любопытство рядо-

вого масона так и не находило себе исхода. Бесконечное число раз повторяемый ритуал под конец приедался и надоедал, из важного делался смешным. Трепетное отношение к священным актам быстро сменялось будничным разочарованием. К строгим требованиям ритуала начинали относиться, как к докучной «привычке», с иронической, еле сдерживаемой улыбкой, — а иногда и вовсе не считали нужным скрыть эту улыбку[53].

Как только спадал с масонства покров святости, раскрывались уста масонов, которых не могла замкнуть и страшная клятва. О всем, что делалось в ложе, свободно болтали за ее дверью — даже между профанами.

По этому поводу В.И.Лукин подал особое заявление в свою ложу. «Примечено им и многими другими братьями, когда в нашей ложе кто из масонов в члены или из непосвященных желающими в наше общество предлагаемы бывают, то о том, до вступления и приема их тотчас за ложею известно, и между братьями масонами с недовольной осторожностью и в неудобных местах говорят, отчего... желающий в общество наше претерпевает досаду от своих ближних и иногда отвращается от своего намерения». Посему решено, что «имеющие предлагать непросвещенных, предложение свое не прежде имеют объявить, как по закрытии л. и выходу прочих братьев в оставшемся для того комитете» (из чиновников ложи)[54].

Не найдя в Елагином катехизисе достаточной духовной пищи, привыкнув к странными обрядам во время бесчисленных «ресепсий», братья начинали из священных актов делать иногда употребление вовсе не священное.

Сенатские канцеляристы Ильин и Петров, воспользовавшись однажды отсутствием своего домохозяина, начальника по службе и собрата по масонству Л. В. Тредьяковского, так посмеялись над своими «неудобосказуемыми» обрядами: завязавши глаза крепостному человеку Тредьяковского Федору, отвели его «в другую комнату, которой он не узнал, и зачали шпагами шаркать над ним, он этого так испугался, что дрожит». Наконец, «посмеявшись довольно», отпустили.

В другой раз компания таких же канцеляристов кутила с какими-то полицейским офицером (имя которого для товарища его по кутежу, Ильина, осталось скрытым). «Были все пьяны от пунша и шалили много, из комнаты Осипова,

тут же на дворе в стоящие пустые покои шли церемонией, иной в кафтане, а иной без кафтана. Передний с чашей, наполненной пуншем, а за ним идущий — с лимонами, с ложкой и с сахаром, потом третий с чашками».

Так привычка к масонскими ритуалами вызывала подчас весьма рискованные подражания. Масонство обращалось в шутовство. Для тех, кто шел в масоны с целью удовлетворить какие-то нравственные запросы души, этот конец был невыносим. Таким людям приходилось искать себе выхода в новом направлении. Если Елагина система не удовлетворяла, нужно было найти другую, которая могла бы или разъяснить так и не раскрытую тайну масонства, или поддержать в душе «нравственность и самопознание».

Прежде других таким путем пошел сам Елагин. Еще до получения диплома от дюка де Бофора на звание великого провинциального мастера России Елагин стал сомневаться в правильности той английской организации, во главе которой стоял Бофор (и позже Питер).

Конец шестидесятых и начало семидесятых годов XVIII века для Елагина было вообще временем тревожных разочарований и сомнений в масонстве. «В сие самое колеблемых размышлений и исканий моих время, — писал Елагин, — счастье познакомило меня с некоторым, недолго в России бывшим путешественником, мужем пожилым, в науках школьных знающим, в таинственном нашем учении далеко прошедшим».

Этот путешественник-англичанин («сей целомудрый брат») убедил Елагина, «что масонство есть наука, что оно редко кому открывается; что Англия никуда и ничего на письме касательно оного не дает; что таинство сие хранится в Лондоне, в особой ложе, *древнею* называемой; что весьма малое число братьев, знающих сию ложу; что наконец весьма трудно узнать и войти в сию ложу, а тем труднее в таинство ее посвященну».

Древняя английская система, о которой говорит тут Елагин, возникла позже, чем так называемая «новая» (по которой учреждены были ложи 1717 года); Великая Ложа древней системы официально была открыта лишь в 1759 году (неофициально — для этой роли намечена была лондонская ложа ирландских масонов еще в 1743 году).

Но приверженцы ее — сначала большей частью ирландцы — настаивали на том, что они привезли из Дублина древние обычаи во всей их неприкосновенной чистоте, в то время как англичане сильно от них отошли. Отчасти это утверждение было правильно, хотя нововведения проникали иногда одинаково в среду *старых* и *новых* масонов (например, степень Королевской Арки, Royal Arch)[55].

Древнее масонство Англии, во всяком случае, было более замкнутой организацией; с этой стороны «ирландская система» приближалась к «шотландской». Тайна, облеченная в формы древнего английского масонства, которое для Елагина продолжало оставаться истинным, — тайна эта и манила к себе Ивана Перфильевича[56].

Искания его не прекратились, после того как «избрание многих Российских братов и утверждение оного матерью нашею великою Аглицкою Селенскою ложею» сделали его великим провинциальным мастером России. Это событие принудило только Елагина «еще вяще напрягать все возможные силы к разрешению сего таинственного узла и умствования. Чистосердечность моя не дозволяла мне водить братию мою путем, мне самому неизвестным».

Путь, избранный Елагиным, был, однако, слишком длинен и нескоро мог привести к цели. Гораздо ближе находился другой источник, который обещал также чистое и подлинное масонское учение. Почти одновременно с Елагиными ложами в Петербурге возникла Рейхелева система.

Бар. Рейхель[57] был приверженцем «шведско-берлинской» системы доктора Циннендорфа, известной также под именем «Слабого наблюдения». В отличие от «Строгого наблюдения», эта система не придавала чрезмерного значения внешнему блеску организации высших градусов; но, в отличие от новоанглийской, она проводила в своих ложах ту строгую моральную дисциплину, которой добивалось и древнеанглийское масонство.

Рейхелева масонская организация состояла, по-видимому, из меньшего числа степеней, чем Елагина. «Барон Рейхель, — говорит Новиков, — больше четырех или пяти, не помню, градусов не давал, отговариваясь тем, что у него нет больше позволения...»

12 марта 1771 года Рейхелем была открыта в Петербурге ложа Аполлона, немедленно выразившая в особом письме свою зависимость от Великой Ложи Циннендорфа в Берлине[58]. «Свет, наконец достигший от вас сюда, — писала в Берлин ложа Аполлона, — налагает на нас обязанность сообщить вам о нашем настоящем установлении».

Мастером ложи Аполлона сделался сам Рейхель; из членов-основателей ее только один был русский — генерал С. К. Нарышкин.

Из-за финансовых затруднений (наем дома) ложа довольно скоро прекратилась; возобновлена она была в 1774–1775 годах под управлением Г. Розенберга, дельца и интригана, вначале выставлявшего себя сторонником Рейхеля[59].

Помимо: 1) Аполлона к «ведомству Рейхеля» принадлежало еще не менее шести лож.

2) 15 мая 1773 года открыта была л. Гарпократа; первым ее мастером был кн. П. Н. Трубецкой, получивший молоток непосредственно от Рейхеля; вслед за ним — И. А. Артемьев.

3) 14 августа 1773 года основана л. Аполлона в Риге, под управлением Бётефгора.

4) Л. Изиды в Ревеле, открытая в 1773 году.

5) Л. Горуса в Петербурге, начавшаяся в 1774 или 1775 году. Мастером стула в ней был А. А. Нартов, «статский советник, Монетного департамента, Вольного Экономического Общества и Лейпцигского ученого собрания член; человек острый, ученый и просвещенный, искусный во французском, немецком и своем родном языках; также в математике, химии и других науках».

6) Л. Латоны в Петербурге; основана 2 декабря 1775 года. Мастер стула в ней сперва И. П. Чаадаев, потом Н. И. Новиков[60].

7) Л. Немезиды в Петербурге, учрежденная не ранее конца марта месяца 1776 года. Мастером стула был в ней Я. Ф. Дубянский[61].

8) Л. Озириса, открытая сперва в Петербурге, а в 1776 году перенесенная в Москву. Она называлась «княжеской», так как мастер стула (Н. Н. Трубецкой) и несколько братьев ее были князья.

С первого же года своего существования Рейхелево масонство пробовало вступить в связь с Елагиной системой.

2 октября 1771 года сам доктор Циннендорф писал из Берлина Елагину (который даже еще официально не был назначен от Англии великим провинциальным мастером): «В видах укрепления, насколько возможно, дружбы и согласия между вашими братьями (существенная цель, основной камень всех работ и здания всякого доброго брата масона!) я счел своими долгом вам выразить это и в частности препоручить брата Рейхеля, как и его ложи, вашему и всех ваших братьев в Петербурге покровительству, доверию и благоволению»[62].

Елагины ложи пытались, однако, отгородиться от новых соседей. У Рейхелевых масонов требовали отречения от Рейхеля, если они желали поступить к Елагину[63].

Скоро, впрочем, имя Рейхеля начало вызывать иного рода смущение среди елагинских масонов. Между последними прошел слух, «что есть истинное масонство и что оно и в С.-Петербурге есть». «Разведывая», Новиков и его друзья «узнали, что сие масонство привезено бароном Рейхелем из Берлина».

После этого начались отпадения — от Елагина к Рейхелю. Переходили к последнему и по одиночке, и целыми ложами. И. А. Петров, недавно лишь принятый в Елагину Астрею, через несколько месяцев уже «вступил членом в ведомство Рейхелевское».

Л. В. Тредьяковский в Москве еще был в Елагиной ложе Равенства, а приехав в Петербург, перешел к Рейхелю, и не только сам перешел, но звал подчиненного своего А. Я. Ильина.

22 марта 1776 года прекратила существование Елагина ложа Астреи, члены которой почти сплошь перешли к Рейхелю. «Закрыли его, и членство все братья с себя отдали и свечи погасили... — записывает бывший при этом Ильин. — Когда закрывали Астрею, то в самое то время очень было жалко, так что у меня навертелись слезы».

Дубянский непосредственно после этого основал ложу Немезиды по системе Рейхеля. Вероятно, еще ранее[64] перешел к Рейхелю Новиков; с ним вместе было несколько его друзей; «начальником или мастером стула» был к ним определен И. П. Чаадаев[65]. Ложа Латоны получила при своем осно-

вании акты трех степеней. «Между сими актами и прежними английскими усмотрели мы великую разность, — показывал Новиков, — ибо тут было все обращено на нравственность и самопознание, говоренные же речи и изъяснения произвели великое уважение и привязанность».

После обозначившегося уклона в сторону Рейхеля медлить Елагину больше было нельзя; приходилось принимать давно протянутую руку.

1 сентября 1776 года состоялось большое собрание Рейхелевых масонов в ложе Немезиды, «в коем они положили согласиться [с Елагиным] и дать свои акты и обряды первых трех степеней, и что Государственный масонский великий мастер будет И. П. Елагин, а наместный — граф Никита Иванович Панин, которое положение совсем решится окончательно в будущее собрание, то есть в субботу».

3 сентября в 7 часов утра Рейхель с двумя братьями отправился на квартиру Елагина, чтоб застать его до его отъезда в Царское Село к императрице. «Однако предварительно, — писал Рейхель в берлинскую ложу, — я оставил акты в коляске и заставил его выдать вперед расписку; только тогда принес я их наверх и отдал ему».

3 сентября вечером на собрание ложи Гарпократа явились И. П. Елагин и представители его лож — Н. И. Бутурлин и И. Б. Леццано. «И из них на Елагина все то надели, что принадлежит до великого Государственного Мастера, и снабдили тремя актами».

Через месяц Елагин сообщил Великой Национальной Ложе в Берлин, что он счастлив видеть «во всей России одного пастыря и одно стадо».

Всего под главенством Великой Провинциальной Ложи объединилось тогда не менее 18 лож[66].

В ближайшие годы две из этих лож (Горус и Пеликан — Благотворительность) перекинулись к шведской системе. В 1777 году сам Елагин близок был к Швеции, но успел удержаться от вступления в новую организацию прежде, чем на нее начались правительственные гонения.

В связи с этими последними поколебалось мирное существование всякого масонства вообще. После издания «Устава благочиния» (1782 год) закрыл свою ложу Скромности П. И. Мелиссино.

Через два года, когда деятельность московских масонов вызвала острое раздражение Екатерины, счел благоразумным прекратить свою деятельность и Елагин. В 1784 году «работы» всего союза были «приостановлены по собственному побуждению гроссмейстера [Елагина] и с согласия членов лл., но без приказания со стороны высшего правительства; вследствие чего благочестивая императрица, чрез гроссмейстера ордена, всемилостивейше удостоила передать ордену, что она, за добросовестность его членов избегать всякого сношения с заграничными масонами, при настоящих политических отношениях, не может не питать к ним полного уважения»[67].

После этого лишь немногие частные ложи продолжали «работы» вне всяких широких союзов (без перерыва шли «работы», например, ложи Урании). Новая Елагина организация сложилась только в 1786 году.

4. Рыцарство

Рейхелева система не могла удовлетворить наиболее рьяных последователей масонства. Она не сообщала никаких секретных познаний, устремляя главные усилия на предварительные моральные упражнения. Она не была также достаточно блестящей по внешности, не привлекала обещаниями особой организации высших управляющих градусов. «Слабое наблюдение» остановилось как бы на перекрестке между двумя путями, один из которых вел к тайным знаниям, а другой к высшим степеням. Первый путь обещало своим адептам розенкрейцерство, второй — рыцарство.

Рыцарство (или «Строгое наблюдение») давно уже пыталось утвердиться в России. Около 1762 года переселился из Флоренции в Петербург резчик на камне Лоренц Наттер (умер в 1763 году), состоявший во Флоренции членом ложи лорда Саквиля. Наттер был предшественником и единомышленником известного Штарка. Сам Штарк жил в Петербурге в 1763–1765 годах; в это время он был учителем в Petrischule и второй раз в 1768 году. Уже в первый свой приезд он, совместно с шотландцем лордом Вильямсом, устроил в Петер-

бурге капитул «Строгого наблюдения». Вильямс подчинен был тайному Комитету начальников ордена, находившемуся в Германии. Членом этого комитета был, между прочим, позднейший начальник наших розенкрейцеров Вёльнер. Во второй приезд в Петербург Штарк обновил капитул, наименовав его Фениксом.

«Строгое наблюдение», согласно масонской традиции, продолжало дело средневекового ордена Рыцарей Храма (Тамплиеров), изничтоженного в 1314 году усилиями Римского Папы и французского короля. Образ сожженного на костре гроссмейстера Якова Моле послужил яркими символом для масонской мысли XVIII века.

Пользуясь представлениями литературы XVII–XVIII веков о храмовниках, «возобновители ордена» построили свою систему на преобладании высших градусов и строгом подчинении низших.

Благодаря такой организации орден легко делался пригоден для всякого рода политических интриг (в Англии им пользовались сторонники Стюартов, в Швеции — искатели переворота в пользу неограниченной королевской власти вроде Пломенфельдта). Всеми эффектными приемами своей «рыцарской» бутафории и терминологии орден Храмовников служил к объединению высшего дворянства.

30 сентября 1776 года (то есть менее чем через месяц после соединения Елагина с Рейхелем) кн. Александр Б. Куракин отправился в Стокгольм для объявления королю Швеции вторичного брака Павла Петровича. Этой поездкой воспользовалась русская Провинциальная Ложа[68]. Она вручила Куракину письмо к стокгольмской Главной Ложе, прося посвятить Куракина в тайны шведского ордена и снабдить его истинными актами. В Стокгольме Куракин и сопровождавший его Г. П. Гагарин были посвящены в высшие степени и вернулись весной 1777 года в Петербург с некоторыми полномочиями и актами. По рассказу Бебера, большую роль в этом играл Георг Розенберг, который со своей ложей Аполлона оставался вне соединенной ложи Елагина — Рейхеля. Через барона Пфейфа, члена л. Аполлона, Розенберг вступил в письменные сношения с братом его, игравшим роль в шведском капитуле. Брат Георга Розенберга, Вильгельм,

также способствовал переговорам, находясь в Стокгольме в качестве секретаря при посольстве Куракина. Куракин не привез, однако, в Петербург важнейших бумаг шведской системы, касавшихся управления орденом в России. Эти бумаги должен был доставить в Петербург летом 1777 года шведский король Густав III. Густав действительно приехал в конце июня в Петербург; в честь его устроены были торжественные празднества в Розенберговой ложе Аполлона.

Личное вмешательство Густава не устранило, однако, каких-то внутренних трений, мешавших окончательному установлению шведской системы в России. В письмах к А. Б. Куракину от 23 августа и 5 сентября депутат стокгольмской ложи Кауниц-Ритберг сообщает о том, «что окончание дела еще задерживается».

По-видимому, трения происходили из-за вопроса о лицах, которые должны были стать во главе ордена в России. Вероятно, герцог Зюдерманландский, начальник шведского масонства, хотел видеть переход под свое начальство всей существующей системы русского масонства вместе с великим мастером Елагиным; о том же, верно, «негоциировал» и посланный от петербургской Великой Ложи Куракин. С другой стороны, Розенберг должен был хлопотать о совершенно новой организации, в которой он мог бы получить больше значения. Ему косвенно содействовал своею нерешительностью и сам Елагин.

Елагин первоначально готов был на переход в шведскую систему со всей налаженной организацией русского масонства. В этих видах он сам перевел привезенные ему Курагиным шведские акты; на первом листе книги, содержащей один из этих переводов, Елагин записал имена кандидатов на должности, открываемые новой системой.

В этом реестре как среди братьев четвертой степени («избранных» или шотландских товарищей) и пятой степени («мастеров шотландских»), так и в «капители» названы все руководители соединенной Рейхелево-Елагиной Великой Ложи: великий мастер Елагин, наместный великий мастер Панин, великий секретарь Лукин, 1-й надзиратель Мелиссино, 2-й надзиратель Щербачев и др. Куракин и Гагарин поименованы далеко не на первых местах (на 13-м и 14-м в первом реестре, 14-м и 15-м — во втором, 6-м и 8-м — в третьем).

К этим прежним руководителям думал обратиться сначала и Кауниц-Ритберг: он просил Куракина сообщить содержание одного из своих писем «сенатору Елагину» и «генералу Мелиссино» наравне с князем Гагариным.

Скоро Кауниц-Ритберг мог, однако, убедиться в недостаточно искреннем отношении Елагина ко всему предприятию. «Очень сожалею, — пишет Кауниц Куракину от 5 сентября 1777 года, — что г. Елагин передал вам только вчера письмо, которое я имел честь писать к вам уже давно».

После долгих колебаний и задержек Елагин наконец отказался от гроссмейстерства в шведской системе. Вероятно, придворные соображения решили для него вопрос: отмеченная живым участием друга цесаревича Куракина шведская система сразу была холодно встречена Екатериной.

Уверяя Кауница в «наполняющей все его существо неизменной преданности и признательности», Елагин изысканными выражениями отклонил от себя предложение о гроссмейстерстве.

Елагин был не один в числе уклонившихся; Провинциальная Ложа осталась верной ему почти во всем составе. Братья Розенберг, получившие за привезенные Вильгельмом шведские акты 1400 рублей, вызвали негодование Елагиных братьев, так как в актах этих братья не усмотрели ничего нового сравнительно с Рейхелевыми[69].

В результате колебаний и сомнений стокгольмская ложа решила обойтись без участия Елагина и создать свою собственную организацию. 10 апреля 1778 года заключено было основное условие между шведским и русским капитулами. Префектом последнего взамен отказавшегося Елагина был поставлен кн. Г. П. Гагарин[70].

22 декабря 1778 года в Петербурге была открыта первая ложа шведской системы, принявшая имя Феникса. Пространную речь на этом торжестве произнес кн. Гагарин.

«Сооружа сей новый храм премудрости и добродетели, — говорил Гагарин членам новой ложи, — поставляю себе должностью изъяснить вам причины, побудившие меня предпочесть новое старому, или лучше сказать — оставя прежние стези, вступить на новый путь. Большая часть из вас составляла уже несколько лет число тех братьев, коих лестная ко мне доверенность избрала меня начальствовать над

вами; взаимность требовала и с моей стороны беспредельного к вам усердия, и неусыпного попечения о благе ордена вообще и той части оного особенно, которая под управлением моим находилась. Сие то усердие побуждало меня вести вас по тем стезям, которые мне лучшими быть казались, пока угодно стало Всевышнему Создателю всех миров озарить меня лучом истинной своей премудрости и самыми неведомыми судьбами наставить меня на путь истинный». Отринув «глупое самолюбие», Гагарин признавался, «что все прежнее — тьма, а новое, ныне вводимое — истинный есть свет».

Главной задачей своей речи Гагарин поставил защиту от клеветы, которую взводят на орден его противники.

«Говорят иногда, что строгое наблюдение таинств ордена сокрывает может быть в себе некоторые непорядки и зловредные намерения, как то: опровержение веры, правительства и прочее сему подобное. На сие мой бы ответ был таков, что подозрение, падающее на тайное сообщество, часто бывает следствием тех же предрассуждений неосновательных, по которым древние христиане претерпевали. Сходбища их были тайны, в ночное время, за крепко заключенными дверьми: из сего однако же не следует, чтоб между ими происходили беспорядки или зловредные намерения были, но напротив того, всем известна чистота и непорочность правил христианской веры».

Только следующей весною (7 мая 1770 года) герцогом Зюдерманландским скреплен был патент, передававший Гагарину верховное управление над всеми русскими ложами шведской системы.

25 мая 1770 года состоялось торжественное открытие в Петербурге Великой Национальной Ложи, по шведскому ритуалу, под председательством Гагарина.

Шведская система насчитывала 10 степеней: три иоанновских (ученика, товарища и мастера), две андреевских (шотландского ученика, или избранного, и шотландского мастера) и пять рыцарских (рыцаря Востока и Иерусалима, рыцаря Ключа, брата белой ленты, брата фиолетовой ленты и брата Розового Креста) [71].

Всеми русскими ложами управляла на основании особых «законов» Великая Национальная Ложа, находившаяся в Петербурге.

«Понеже Великая Национальная Ложа русского государства имеет под своей властью провинции, населенные братьями различных народностей, — гласит § 1 этих законов, — она должна иметь в числе своих великих чиновников по два для замещения некоторых должностей».

В Национальной Ложе были установлены следующие должности:

1) Великого национального мастера[72], 2) двух великих наместных мастеров (один (для русского, другой для немецкого языка, как и ниже), 3); двух великих надзирателей, 4) двух великих секретарей, 5) двух великих риторов, 6) великого казнохранителя, 7) великого хранителя меча, или обрядоначальника, 8) двух великих милостынесобирателей, 9) великого привратника или стража (§ 2 законов).

Кроме перечисленных лиц, членами Великой Ложи считались все мастера, наместные мастера и надзиратели подвластных лож (§ 3).

Шведская система требовала гораздо более строгой подчиненности частных лож Великой, чем это было у Елагина.

«Великий мастер или его наместный мастер, — говорится в § 2 законов, — имеют власть и право не только присутствовать при работах всякой подвластной ложи, но если им заблагорассудится, и руководить работами, имея при этом мастера стула по левую руку».

Поэтому «для национального мастера в каждой работающей ложе должно поставлять кресло по правую руку близ алтаря. Это кресло даже в отсутствие его никто, кроме великого наместного мастера, занять не имеет право».

«Во всех общих собраниях Великой Ложи каждый член имеет один голос, великий же мастер два голоса, если дело не предоставлено благоусмотрению великого мастера» (§ 8).

«Ежели мастер стула [частной ложи] имеет степень не выше иоанновского мастера, он обязан передать молоток шотландскому мастеру, буде тот посетит ложу, а таковой в свою очередь тотчас обязан передать молоток брату высших степеней при входе такового в ложу. Этим братьям самим известно, кому они обязаны передать молоток» (§ 16).

А «поелику некоторым мастерам стула неизвестно, какого рода знаки почитания оказываются братьям высших сте-

пеней при входе их в ложу, то сим предписывается для наблюдения следующее: братья, носящие пурпурную ленту[73], имеют право пройти через ковер, носящие зеленые ленты[74] — идут справа от ковра и занимают места на этой же стороне; шотландские братья идут слева от ковра и садятся на этой же стороне» (§ 18).

Наконец, «для большего порядка и дабы число служащих братьев не умножалось чрезмерно, Великая Национальная Ложа на свой счет будет содержать узаконенное число таковых, кои обязаны, будут присутствовать в ложах при всех работах, и потому ни одна ложа союза не имеет права приводить с собою в Великую Ложу своих служащих братьев, хотя бы братья высших степеней просили привести своих служащих братьев для улучшения услуг» (§ 21).

Строгость организации выражалась, однако, не только в законах Национальной Ложи. Главным образом состояла она в том, что над явной и видимой наружной Национальной Ложей стояло высшее тайное правление, которое и распоряжалось всей «работой» явной ложи.

Еще Кауниц-Ритберг писал Куракину (5 сентября 1777 года) об этом высшем капитуле, про существование которого рядовые братья «ничего не знают и не должны знать».

Гагарин, став великим префектом капитула, вместе с тем принял на себя должность охранения в тайне от масонской толпы учреждения капитула Феникса и сообщения о существовании его лишь надежнейшим приверженцам нововведенной системы, избранными просветленными братьями.

«Невидимый капитул» Феникса даже для братьев должен был быть известен лишь под именем Национальной Ложи. Директория, управлявшая капитулом, скрыта была в Совете Великой Национальной Ложи.

9 июля 1780 года герцог Зюдерманландский подписал «Инструкцию» для этой Директории. Инструкция позволяет хоть немного вникнуть в характер управления шведской системы.

По мысли инструкции Директория «не только наблюдала бы за сохранением законов, статутов и обрядов св. Ордена, но также разрешала бы и судила все несогласия, могущие возникнуть между братьями, как масонами, так и тамплие-

рами, которые работают с целью расширять и поддерживать свет, а потому и не должны подлежать ведению профанских судей, не принадлежа к их области».

Инструкция устанавливает строгую власть Директории над всем вольнокаменщицким обществом России.

«Каждая ложа каменщиков, — говорит ст. 5-я инструкции, — как иоанновских, так и св. Андрея, называемая Шотландской, и каждый капитул, который существует или будет впредь существовать на всем пространстве империи всея России, обязаны во всем и без замедления повиноваться Директории, представлять ей точные донесения о своем состоянии, о способе своих работ, о своих экономических делах, о производимых ими принятиях и о том, как они исполняют приказания Директории или Великого Мастера, которые будут им сообщаемы Директорией, и никому не позволяется делать каких-либо нововведений, приводить в исполнение какой-либо проект без ведома и еще менее против мнения и без одобрения Директории.

В случае нарушения [этой статьи] виновные подвергнутся наказаниям, установленным законами, и будут вычеркнуты и исключены, как отщепенцы, изменники и клятвопреступники, из списка истинных свободных каменщиков и верных рыцарей Храма».

Директория должна была состоять из следующих должностных лиц: 1) великого префекта[75], 2) канцлера[76], 3) вице-канцлера[77], 4) прелата Петербургского капитула, 5) начальника нововступающих, 6) великого хранителя, 7) декана, 8) прокуратора, 9 и 10) двух великих инспекторов храма, 11) великого казнохранителя, 12) великого милостынесобирателя, 13) великого герольда (ст. 2 инструкции).

«Великий префект есть всегда председатель Директории, где он имеет два голоса и при равенстве голосов решает. Он имеет право собирать Директорию так часто, как сочтет это нужным для пользы Ордена, по крайней мере раз в месяц» (§ 1).

«Он имеет также право управлять, открывать и закрывать капитулы, зависящие от его округа», но только «с согласия великого провинциального мастера» (то есть герцога Зюдерманландского) (§ 3 и 5).

«Должность великого префекта пожизненна, если только он ее не оставит добровольно» (§ 4).

«Он должен также смотреть за поведением лож и капитулов своего округа... Но в особенности блюсти за поведением рыцарей (§ 7).

Остальные великие чиновники должны были всячески помогать префекту в его наблюдении за распорядком жизни Национальной Ложи и отдельных лож.

Ярко выделяется только роль «прелата капитула». Должность эта подчеркивала духовно-клерикальный характер дворянской организации шведского рыцарства. По всей вероятности, она и должна была заниматься духовным лицом.

Прелат должен был «иметь попечение о том, чтобы в капитулах, зависящих от Директории, совершаема была божественная служба в первую пятницу каждого месяца по законам Ордена, и все духовные лица ордена должны признавать его власть».

Директория была передаточными звеном для подчинения русского масонства великому провинциальному мастеру, то есть герцогу Зюдерманландскому. В Директории «всегда будет иметь место и голос один из представителей Великого Капитула в Стокгольме, который будет назначен Великим Провинциальным Мастером IX Провинции[78], чтобы чрез это иметь еще более средств к поддержанию тесной связи и доброго согласия между двумя капитулами» (ст. 2 «Инструкции»).

В своей присяге член капитула говорил: «Я обещаюсь блюсти за сохранением прав и законной власти славного и достопочтеного Великого Мастера этой IX провинции, не допускать никогда, чтобы ему нанесен был малейший ущерб, и повиноваться ему во всем, что не противно верности, повиновению и покорности, которыми я обязан моим законным государям и как светским, так и церковным законам этой Империи. Я обещаюсь также употреблять все мои старания к быстрому и немедленному исполнению приказаний и повелений моего Великого Мастера, идут ли эти приказания прямо ко мне, или, от его имени через Великую Директорию Северного Приората».

Статья 4 провозглашала: «Так как Директория России зависит единственно от Великого Провинциального Мастера

IX провинции, она обязана будет строго исполнять все статьи договора 1778 года... Петербургская Директория каждые полгода будет посылать Великой Директории в Стокгольме точный отчет о ложах и капитулах, работающих на всем пространстве Российской империи, и в конце каждого года краткий общий отчет о замечательных событиях, какие произошли в течение года — для доклада о том великому провинциальному мастеру.

Директория проводит через все ложи и капитулы, находящееся в ее зависимости, повеления, эдикты и распоряжения великого провинциального мастера, относящиеся к делам св. Ордена. С этой целью, как скоро дойдут до Директории повеления великого мастера, она рассылает их в ложи и капитулы. Эти последние дают расписку в получении, с означением времени, на той же бумаге и отсылают ее обратно в Директорию для хранения в архиве Директории, которая потом доносит об этом, с приложением копий Великой Директории Северного Приората в Стокгольме» (ст. 6 «Инструкции»).

«Никто не должен быть баллотируем для принятия в рыцари Востока, прежде чем Капитул, где он предлагается, не пошлет предварительно его имени и его качеств в Директорию, для испрошения у великого провинциального мастера согласия на эту баллотировку» (ст. 7).

Связи со Швецией настроили Екатерину подозрительно против всей системы. В 1779 году петербургский полицеймейстер Лопухин по приказанию начальства два раза был в гагаринских ложах «для узнания и донесения Ее Величеству о переписке с герцогом Зюдерманландским».

«Ее Величество почла весьма непристойным столь тесный союз подданных своих с принцем крови шведским. И надлежит признаться, что она имела весьма справедливые причины беспокоиться о сем»[79].

В 1780 году великому национальному мастеру Гагарину пришлось покинуть Петербург и принять службу в Москве. «Работы» Национальной Ложи были прекращены. Тайные действия капитула, однако, продолжались, причем капитул лишь распался на московское и петербургское отделения.

Вместо явно зависимой от Швеции Национальной Ложи Гагариным была открыта в Москве (1780 год) формально са-

мостоятельная Провинциальная Ложа. В речи, произнесенной на открытии этой ложи, ритор призывал воздержаться от несогласий в ордене, чтобы не посрамить на веки имени россиян и тем не «вонзить кинжал в сердце любезного и высоко просвещенного нашего брата Великого Мастера, поручившегося за целое наше общество, что мы просвещения достойны».

«Но ежели (от чего да сохранит нас Всевышняя Десница), — закончил свои слова ритор, — ежели окажется между нами такой изверг, которой, восприяв купно с нами освященную каменщичью работу, возмутит наше Общество; навлечет нечестивыми деяниями позор нашему имени; нарушит святость наших законов; да будет таковой предан Суду Божию, и да отсечется от числа нашего Братства, яко ветвь, вред общий наносящая, к вечному его постыжению. И первый я, ежели недостойным явлюсь имени Свободного Каменщика, первый я да буду истреблен из памяти человеков! Но свет, внезапно озаривший внутренний Храм души моей, сей свет удостоверяет меня, что ни я, никто из нас сему жребию не подвергнется, и каменщичество на Севере процветать будет».

Великим провинциальным мастером, как видно из речи, был кн. Г. П. Гагарин; великими наместным мастером — О. А. Поздеев, 1-м великим надзирателем Алексей Щепотьев, 2-м — кн. Николай Козловский, секретарем — Василий Росляков, ритором Иван Росляков, обрядохранителем — кн. Федор Гагарин*.

Несмотря на ручательство кн. Гагарина перед Екатериной и пожелания ритора, шведская Провинциальная Ложа удержалась, кажется, не более года. Она заменена была ложей Сфинкса, около которой в начале 1780-х годов и сосредоточивалось в Москве шведское масонство.

В Петербурге продолжателем капитула был, вероятно, Бебер в своей ложе Пеликана. Внешней власти у Пеликана, впрочем, не было, и ложа эта вынуждена была примкнуть ко второму Елагиному союзу[80].

Во время своего расцвета в 1780 году шведская система считала в своем составе 14 русских лож: 1) Аполлона в Пе-

---

* Федор Сергеевич Гагарин (1757—1794) — князь, генерал-майор (1794), погиб во время Варшавского восстания.

тербурге, 2) Трех Мечей в Москве, 3) Трех Секир в Ревеле, 4) Феникса в Петербурге, 5) Трех Христианских Добродетелей в Москве, 6) Св. Александра в Петербурге, 7) Аписа в Москве, 8) Блистающей Звезды в Петербурге, 9) Военного Союза в Кинбурне, 10) Пеликана (Благотворительности) — в Петербурге, 11) Горуса в Петербурге, 12) Нептуна в Кронштадте, 13) Озириса в Москве и 14) Союза молодых воинов, на французском наречии говорящих[81].

К этой же системе принадлежала 15) ложа Восходящего Солнца в Казани, основанная в 1776 году и не ранее 1780 года получившая акты от Провинциальной Ложи в Москве[82].

16) От ложи Пеликана или от Св. Александра около 1780 года была основана ложа Дубовой Долины.

17) Вероятно, шведского же масонства держалась и основанная бывшими членами л. Горуса ложа Золотого Ключа в Перми, открытая 24 июня 1783 года[83].

Продолжительность существования всех этих лож неизвестна. Во всяком случае, до 1788 года существовали ложи Нептуна в Кронштадте, Аполлона, Св. Александра и Дубовой Долины в Петербурге; в начале 1790-х годов «работала» еще ложа Пеликана.

Внутренняя жизнь отдельных лож шведской системы носила двойственный характер. С одной стороны, жизнь эта не во всем отличалась от Елагиных обычаев; приемы новых членов, по-видимому, играли в ней видную роль. Так, в пермской ложе Золотого Ключа на каждом заседании (1783 год) происходил прием или посвящение из низшей степени в высшую. Обрядовая пышность, процветавшая в главных ложах системы, требовала устройства таких же торжественных церемоний, к которым чувствовали пристрастие и Елагины братья.

В дни торжеств никакие дела Великой Ложей не принимались к обсуждению. В 1788 году шведские братья настолько торжественно обставили траурную ложу в память адмирала Грейга, члена ложи Нептуна, что дали повод современникам предположить, будто этим ложа Нептуна надеялась дать своей системе известность и приобрести для нее более прочное основание.

Почти Елагиного расцвета достигли и столовые ложи. Законами Национальной Ложи установлено было весьма со-

лидное количество обязательных тостов, за которыми могли следовать и необязательные[84].

Но с другой стороны, в шведских ложах заметна более напряженная умственная деятельность, чем в новоанглийских. В «Уставе или правиле вольных каменщиков» вкратце намечена была нравственная и филантропическая задача масонства. В развитие этого Устава в ложах произносились морально-философские речи; некоторые братья через шведскую систему прошли к розенкрейцерству (Поздеев, кн. Козловский, Походяшин, кн. Н. Н. Трубецкой).

Правительственные гонения на шведскую систему отвечали внутренним сомнениям, которые возникали у многих братьев по поводу Национальной Ложи. Известен ответ Рейхеля Новикову на вопрое последнего: как отличить истинное масонство от ложного. Рейхель сказал: «всякое масонство, имеющее политические виды, есть ложное». После этого Новиков «еще осторожнее сделался» против шведского рыцарства.

Новиков, однако, оставался почти в полном одиночестве, когда пробовал распространять свои опасения со шведской системы на самый принцип рыцарства. Даже Шварц не был его единомышленником. Большинство держалось того убеждения, что, если шведская система оказалась ложной, надо искать другую, но в кругу того же рыцарства. Заподозрен был сперва лишь самый факт политической интриги внутри шведского рыцарства, но не понятие рыцарства вообще. Получить истинную систему надеялись все-таки от «Строгого наблюдения». Доступы к нему существовали для московских братьев и помимо Швеции.

В 1777 году в Москве «работала» тамплиерская ложа Candeur, основанная майором Беннингсеном.

Около 1779 года П. А. Татищев, мастер московской ложи Трех Знамен, достал себе из Берлина через английского купца Тусеня «четыре градуса шведских стрикт-обсерванских». В следующем году новый знакомец московских масонов, Шварц, сообщил братьям, что «в Курляндии есть старое масонство и в великом почтении у дворянства»[85].

Около 1781 года отпавший от шведской системы князь Трубецкой образовал с участием Новикова и Шварца «тай-

ную сиентифическую» ложу Гармонии. Национального мастера Гагарина с его Сфинксом оставили в стороне; сперва побоялись пригласить и Татищева, градусы которого также были заподозрены в сходстве со шведскими.

Ложа Гармонии, по словам Новикова, «формальных собраний не имела еще; а только собирались для советований об ее установлении и как искать вышних градусов; ибо ведали, что Иван Перфильевич больше нашего Рейхелевских градусов не имеет; от барона же Рейхеля получить никакой надежды мы не имели, то предложил, наконец, Шварц, что он знаком с одним из старших курляндских масонов, фамилии его не помню, а знаю только, что он был мастером ложи Курляндской и префектом, помнится, капителя их по рыцарским градусам, который состоит в связи и знаком с некоторыми берлинскими масонами, которые работают по тем же актам, по которым и мы; и что и барон Рейхель с ними был знаком, вероятно, что от них и сам получил, то ежели мы его [Шварца] отправим туда, то он надеется получить сии вышние градусы».

Гармония одобрила предложение Шварца, а вслед за тем последовала и другому его совету — допустила к себе Татищева.

Татищев при этом дал от себя письма к «курляндскому масону» (то есть фон Фирксу) и в Берлин, в ту ложу, откуда сам получил акты[86].

Приехав в Курляндию, Шварц узнал, «что в немецкой земле в целом постановлении масонском делается реформа... и что великим мастером всего масонства избран герцог Брауншвейгский». Курляндские масоны снабдили Шварца рекомендательными письмами к герцогу. 22 октября 1781 года Шварц обратился к герцогу Брауншвейгскому «яко к видимому великому мастеру всех старых шотландских лож с просьбою о милостивейшем признании состоящих уже в высоком ордене братий». Шварц сообщал, что московские братья «вступили в союз с Митавскою старою шотландскою ложею, яко состоящею равным образом под высочайшим вашим ведением, который союз намерены они продолжать, потому наипаче, что он, к положению Курляндии, много способствует к всеобщей связи и корреспонденции».

Шварц просил о предоставлении России особой провинции ордена. Заявление Шварца было встречено благосклон-

но. Оно было подано как раз вовремя, так как предстоящий конвент должен был пересмотреть всю организацию ордена. Главный вопрос, который нужно было обсудить, затрагивал самое существование ордена Тамплиеров. «Должны ли мы орден принимать за нечто условное, или можем мы производить оный от какого-нибудь древнейшего общества и ордена, и какой есть сей орден?» — спрашивал «предварительный циркуляр», разосланный повсеместно герцогом в ожидании конвента в 1780 году[87].

Конвент происходил в Вильгельмсбаде 16—23 августа (н. ст.) 1782 года. На вопрос о зависимости масонства от средневекового Ордена Храма, был дан отрицательный ответ. Рыцарству оставлено лишь «историческое», то есть аллегорическое, значение. Новое масонство должно было сохранить только старые формы и влить в них совершенно иное содержание. Храмовничество было заменено «благотворным рыцарством». Одновременно с этим был утвержден «Устав, или Правило вольных каменщиков», проникнутый вполне тем же сентиментальным пафосом, что и самое название новых рыцарей. Генеральным мастером «благотворных рыцарей» избран был герцог Брауншвейгский.

Конвент оставил в силе прежние названия степеней германского тамплиерства. К трем обычным иоанновским степеням и четвертой шотландской в храмовничестве добавлялись V (новиция) и VI (рыцаря); VII градус («сиантифический») давал теперь историческое толкование рыцарству.

Заново были распределены провинции «Строгого наблюдения»; одна из них (восьмая) досталась теперь на долю России. Швеция вовсе вышла из-под власти герцога Брауншвейгского, так как не согласилась отречься от прежнего понимания тамплиерства[88].

В Москве на основании этих постановлений было организовано управление VIII провинцией. В письме от 14 февраля 1783 года Новиков сообщал А. А. Ржевскому список новых должностных лиц: «1) Провинциального великого мастера место еще вакантное[89]. 2) Приор VIII провинции, в ордене именуемый Петр рыцарь a cygno triumphante, Татищев. 3) Декан провинции, Георгий рыцарь a fortitudine, кн. Ю. Н. Трубецкой. 4) Генеральный визитатор провинции, кн. Николай

рыцарь ab aquila boreali, кн. Н. Н. Трубецкой. 5) Казначей провинции имею честь быть я; в ордене мое имя Николай рыцарь ab ancora. 6) Канцлер провинции, Георгий рыцарь ab aquila crescente, И. Е. Шварц. 7) Генеральный прокуратор, кн. Алексей рыцарь ab aequitate, кн. А. А. Черкасский».

В состав провинциального капителя, кроме этих лиц, входили М. М. Херасков, П. П. Татищев и В. А. Всеволожский.

В директории VIII провинции «присутствуют провинциальные чиновники всегда, когда им угодно, а сверх того, по введенному порядку, назначены для исправления текущих дел президент и члены. Первым имею честь быть я [Новиков], а члены: 1) рыцарь Василий a pila, В. В. Чулков, 2) рыцарь Иван ab aurora boreali, И. П. Тургенев, 3) Jacobus a concordia, господин профессор Шнейдер, 4) рыцарь Федор ab oliva tenebra, Ф. П. Ключарев*, 5) рыцарь Григорий a cuba, Г. П. Крупенников».

Руководители московской директории пытались установить зависимый от себя «приорат» в Петербурге. Желательными кандидатами в петербургский «капитель» Новиков (в том же письме к Ржевскому) называл Елагина, Куракина, Перфильева, Фрезе** и Дмитриевского.

В январе того же 1783 года Трубецкой выражал надежду, что Ржевский возьмет на себя должность префекта в Петербурге и учинится там «центром или орудием ордена, который бы все различные радиусы привел воедино». 26 апреля Новиков дал знать Ржевскому, что ему «вручено достоинство петербургского префекта». Но только в июле Директория сообщила представителю петербургского масонства, кн. А. Н. Засекину, о состоявшемся учреждении префектуры в Петербурге. Префектом назван Алексей, рыцарь a bona spe (А. А. Ржевский). Членами префектуры, вероятно, определены были А. А. Нартов, А. П. Митусов, Г. М. Лукашевич, И. А. Тейльс, С. В. Перфильев.

---

* Федор Петрович Ключарев (1751—1822) — московский почт-директор, действительный тайный советник, сенатор. Сочинитель мистико-религиозных стихов.

** Федор (Фридрих) Петрович Фрезе (1728—1795) — штабс-хирург при Конной гвардии (1768), директор Московского воспитательного дома (1780—1784).

Таким образом лишь почти через год после Вильгельмсбадского конвента Брауншвейгская рыцарская организация дошла до Петербурга. В том же году одна ложа была учреждена новой московской Директорией и в провинции. Это ложа Северной Звезды в Вологде; патент на основание ее был выдан от имени «Директории VIII провинции, именуемой России» за подписями Татищева, Новикова и Шварца.

Подчиненные новому уставу ложи управлялись Директорией через посредство двух «капителей». Один из них (Коронованного Знамени) находился под начальством П. А. Татищева; префектом другого (Латоны) был кн. Н. Н. Трубецкой.

Под главенством этих капителей или одного из них состояли в Москве ложи Девкалиона, Светоносного Треугольника, Астреи и св. Моисея[90].

Внутренняя жизнь отдельных лож Московского масонства в 1782—1783 годах недостаточно ясна. По-видимому, она была далека от блестящей и шумной внешности английской и шведской систем, приближаясь уже к строгой духовной обстановке «теоретических собраний». О направлении деятельности этих лож свидетельствуют, например, речи С. И. Гамалеи, произнесенные им в ложе Девкалиона в 1782—1783 годах.

Увлечение рыцарством, ярко проявившееся в шведской и брауншвейгской системах, охватило большую часть русских масонов конца 70-х и 80-х годов XVIII века, не оставив в стороне ни одной почти ложи.

Но в то время, как первые две системы имели широкие планы и для осуществления их пытались создать всеобъемлющие организации, остальная масонская масса довольствовалась внешним блеском церемоний и не участвовала в решении тревожных политических или моральных вопросов. Удовлетворение себе она нашла во французском и английском рыцарстве.

Французские высшие градусы были введены в России еще при Чуди, а также и в ложе, упомянутой Олсуфьевым. Позже связи русского масонства с Францией никогда не порывались вполне. Заметную роль в делах масонских лож Парижа играл русский посланник при французском дворе гр. А. С. Строганов. В 1773 году он участвовал в комиссии

французского Grand Orient, пересматривавшей устройство высших степеней.

Французское рыцарство не пользовалось авторитетом среди масонов, ставивших для ордена более серьезные задачи. «Французское масонство мы все, так называвшееся тогда Рейхелевские масоны, совершенно презирали и почитали за глупую игру и дурачество», — показывал, например, Новиков.

Несмотря на такое отношение ригористов из кружка Новикова, французское рыцарство имело много приверженцев среди богатых бар и веселящейся молодежи Петербурга. Под влиянием французского ритуала создалась особая система, выработанная блестящим артиллерийским генералом Петром Ив. Мелиссино и примененная им с шумным успехом в ложе Скромности с 1775 года.

Ложа славилась своими концертами, вечерами, блеском убранства и торжественного ритуала. К трем иоанновским степеням Мелиссино добавил градусы: 4) Темного Свода, 5) шотландского мастера и рыцаря, 6) философа и 7) великого жреца (Magnus Sacerdos Templariorum). Седьмой градус имел духовный характер. Собрание его («конклав») начиналось обедней, если был налицо православный или католический священник, или пением духовных песен, если среди участников собрания преобладали протестанты.

«Конклав» являлся венцом Мелиссиновой системы. «В течение своей неусыпной деятельности по занимаемой им в л. должности, Мелиссино, — говорит Л—р, — старался с осторожностью выбирать из братьев высших степеней тех, которые были достойны и способны к воспринятию высших поручений, чтобы составить из них тайный комитет, который он назвали Конклавом, не образуя, впрочем, из него особой VIII степени, так как в сущности VII степень была ею; но числа членов Конклава он не мог довести до 10. С членами этими он теснее сблизился, и вменил в общую их обязанность, чтобы, для достижения высших познаний, каждый из членов без утайки сообщал всем прочим членам о том, что ему удастся открыть, поощряя их вместе с тем быть верными своему призванию и усердно стремиться к достижению истины».

В 1782 году Мелиссино закрыл ложу, опасаясь правительственных гонений на масонство. Весной 1783 года, как сооб-

щено было в Урании, ложа Скромности «почти распалась»[91]. Возобновилась она (опять с участием Мелиссино) при образовании второго Елагина союза в 1786 году[92].

От 1786–1787 годов сохранился длинный список членов ложи («Золотая книга», Das Goldne Buch[93]).

Ложа существовала и в начале 1790-х годов. В 1791 году в нее был принят некто Иван Михель.

22 января 1793 года, согласно письму от ложи Скромности, в ложу Урании был запрещен доступ девяти масонам, исключенным из ложи Скромности.

Вместе с ложей Скромности возобновил «работы» и сам Елагин. «В 1786 году, — писал Иван Перфильевич, — разномысленные братья стали меня просить о соединении их». Елагин был в это время «на острову своем[94], яко Иоанн в пустыни». Однако он «знал царствующий у них [петербургских масонов] непорядок и темный путь, по которому самолюбивая брауншвейгская л. их ведет, и для того принял опять многие лета покоящийся молоток... имея в мыслях соединение братий во едино стадо, и благовестие Истины единой, не людьми вымышленной, но в естестве мира, в человеке и в Боге от вечности пребывающей».

Елагин начал «объяснениями таинственной науки под названием свободных каменщиков, разделенными на вечера и беседы, говоренные в капитуле, или великом училище во граде св. Петра».

«С сердечным восхищением взираю я днесь на ваше, любезные братья, собрание, — открыл беседу Елагин, — ибо через то познаю я в вас тех древних друзей премудрости, которые священные наши работы разделяли со мною и к которым душа моя непрерывным любви братским союзом всегда была привязана. Неприятные обстоятельства хотя на некоторое время и прервали цепь упражнений наших, но кажется, что из усердия и ревности нашей не истребили они памяти тех богоугодных времен, когда мы под сению невоспрещающего правительства беспрепятственно собираться могли. Ваше для сего присутствие доказывает совершенно сию истину, что мы еще единомышленники и к общим паки трудам удобны суть».

Новый союз Елагина имел близкие отношения с Великой Ложей йоркских масонов[95].

В системе по-прежнему было семь степеней — три иоанновских братьев, шотландских мастеров, посвященных и, вероятно, — Royal Arch. VII степень составляла капитул.

Капитул собирался при ложе Скромности. Кроме преобладавших в союзе лож Скромности и Урании (которым были открыты все семь степеней), остальные ложи «работали» только в первых пяти градусах. Капитул VII степени управлял всеми ложами, не образуя особой Великой Ложи. Каждое полугодие все ложи союза сообщали капитулу о своих «работах».

Управлялись ложи на основании «старых основных законов Елагиной системы».

Законы выдвигали на первый план права высших градусов и добивались твердой дисциплины. «Братья высших степеней, — гласил один из пунктов (ст. 2, § 4), — за свое усердие и прилежание, заслуживают почета и уважения».

Отдельная статья обеспечивала «права мастера стула»: «1) Самому избирать должностных лиц, за исключением братьев-судей, которые избираются большинством голосов.

2) Назначать для исполнения особых поручений братьев малой комиссии, за исключением судей.

3) По собственному усмотрению и совести повышать братьев в высшие степени».

Специальная должность «братьев-судей» была установлена, чтобы они следили за «работами» всех лож и препятствовали всякому «пагубному бесчинству» (п. 11).

Особой клятвой обеспечивалось повиновение всех членов ложи мастеру стула: «Мы клянемся Богом и Нашею масонскою честию, что в точности будем соблюдать все наши законы и исполнять требования нашего почтенного мастера стула, которого мы добровольно и единогласно избрали; поэтому мы будем оказывать ему и его должностным лицам подобающее им почтение» и т. д.

Организация союза недолго оставалась неизменной. Уже в следующем году проявилось желание некоторых стоявших во главе братьев образовать еще более тесный кружок в виде капитула VIII степени.

«Более года, — писали Елагину ложи Скромности и Урании 25 февраля 1787 года, — явилось здесь несколько иностранных масонов ["австрийский кавалер, лифляндский дворянин и французский купец"], которые стараются ввести

неизвестные степени искусства... Предложенные ими новые толкования в особенности быстро пустили корни в здешней ложе Конкордии и успели уже там разрастись в ствол и ветви. В этой ложе, к которой присоединились несколько членов ложи Гигеи и других лож, занимаются разрядом работ в так называемых высочайших степенях, который совершенно неизвестен капитулу 7-й степени английской конституции»[96].

«При этих нововведениях, — продолжало письмо, — всего вреднее слухи, уже распространившиеся между здешними масонами, что такие работы происходят вполне с вашего ведома и согласия; что в заключение теперешний наместный мастер ложи Конкордии [К. фон Норден] уже назначен и признан от вас русским наместным великим мастером; что затем вскоре состоится новое учреждение, в силу которого наши обе ложи [Урании и Скромности], хотя они старейше, будут представлять донесения, речи и отчеты о своих работах и предприятиях вновь явившемуся на свет в этой младшей ложе капитулу, одному отныне правильному; причем упомянутый наместный мастер будет облечен в звание генерального викария северных провинций».

Слух оказался верен; возник Высокий капитул VIII степени (Der Hohe Capitul), гроссмейстером которого стал Елагин, а викарием определен был фон Норден. 20 марта 1790 года капитулом утверждена была конституция ложи Малого Света в Риге; от имени капитула происходила инсталляция этой ложи (28 сентября 1791 года).

Образование Высокого капитула сопровождалось внутренней борьбой в союзе. Некоторым отражением этой борьбы явились события 1787 года в ложе Конкордии.

В августе этого года один из членов Конкордии Кампенгаузен прислал в ложу письмо, где предлагал упорядочить «работы» ложи: следить, чтобы за столами не было шума между братьями, раз в месяц читать законы ложи и пр. Мастер стула, К. фон Норден, признал это письмо оскорбительным для себя и передал молоток наместному мастеру Ф. А. Рылееву. По прошествии некоторого времени фон Норден снова принял молоток.

Тогда несколько членов ложи — Кеслер, Грёссер, Рускони и Луджер — стали требовать ответа на письмо Кампенгаузена. В результате все они были исключены из ложи после того, как

от имени комитета ложи барон Унгерн-Штернберг заявил им, что подобный поступок есть подражание республиканцам.

В 1791 году рижские ложи Аполлона, Астреи, Кастора и Меча отказались принять участие в инсталляции Высоким капитулом ложи М. Света.

22 января 1792 года ложа М. Света жаловалась на это Елагину: «здешние ложи привыкли видеть конституции, подписанные лично вами, высокопросвещенный провинциальный великий мастер и гроссмейстер, почему они и считают себя вправе сомневаться в действительности нашей грамоты, тем более что о существовании Высокого Викариального Капитула (des Hohen Vicarirenden Capituls) они не осведомлены».

Высокий капитул объединял в своем непосредственном заведовании ложи Конкордии, Гигеи и Бессмертия в Петербурге и ложу М. Света в Риге. Вероятно, после некоторых колебаний ему подчинились и лл. Скромности и Урании, согласившиеся разделить свои преимущества с Конкордией, чтобы вовсе их не лишиться. Таким образом, в союз входили следующие ложи:

в Петербурге — лл. 1) Скромности, 2) Урании, 3) Гигеи, 4) Конкордии, 5) Бессмертия;

в Риге — 6) л. М. Света;

в Ревеле — лл. 7) Изиды, 8) Братской Любви, 9) Надежды Невинности;

в Архангельске — 10) л. Северной Звезды.

Кроме того, находились в более или менее тесных сношениях с ложами Урании или Скромности, примыкая этим к союзу:

в Петербурге — 11) л. Пеликана (Благотворительности);

в Риге — лл. 12) Аполлона, 13) Астреи, 14) Кастора, 15) Меча[97];

в Ревеле — 16) л. Трех Секир;

в Кронштадте — 17) л. Нептуна;

в Москве — 18) л. Александра[98];

в Могилеве — 19) неизвестная ложа[99].

И три ложи в пределах тогдашнего Польского Королевства:

в Митаве — 20) л. Трех Венчанных Мечей;

в Житомире — 21) л. Рассеянного Мрака;

в Белостоке — 22) л. Золотого Перстня.

Ложи эти имели связи не только между собою, но также с немецкими и английскими организациями.

В ложе Урании был свой постоянный представитель от соединенных гамбургских лож Авессалома, Эммануила, Св. Георгия и Фердинанда (бр. Шубак, Schuback); в свою очередь, Урания уполномочила бр. Келлинггусена (Kellinghusen) представлять ее интересы в Гамбурге. Кроме того, Урания сносилась с л. Royal York de l'Amitié (Берлин), Drei Degen (Галле), Minerva zu den 3 Palmen (Лейпциг), Pilger (Лондон), № 175 (Бирмингем).

Ложа Малого Света охотно принимала в свою среду масонов с рекомендательными дипломами от берлинской ложи Royal York de l'Amitié.

Весной 1790 года Малый Свет принял общее постановление о денежных взносах прибывающих из Германии членов: 1 1/4 рейхсталера они обязаны внести наличными, на остальную же сумму получают отсрочку по соглашению с казначеем ложи.

В 1792 года нормальная жизнь союза была нарушена катастрофой московского розенкрейцерства. Ложа Урании не имела вовсе собраний с 28 июля по 11 декабря 1792 года «по обстоятельствам времени».

Вебер свидетельствует, что московские события «произвели сильное впечатление и на тех братьев, которые не принадлежали к розенкрейцерству».

В следующем году закончил существование и Елагин союз.

«Когда во Франции вспыхнула революция, — объясняет Л—р, — и французские якобинцы, прикрываясь внешними формами лож, стали совершать свои бесчеловечные поступки, то мудрая монархиня сочла за благо прекратить действия лож в своей империи и поручила высокопочтенному брату Мелиссино до времени прекратить все работы лож. Вследствие таковой воли всемилостивейшей монархини все ложи, состоявшие под гросмейстерством Елагина, в 1793 г. единодушно прекратили свои работы».

Внутренняя жизнь капитула и частных лож сильно разнились между собою. Капитул являлся как бы высшей школой масонской мудрости. Подобно тому, как на «теоретических собраниях» изучали «Теоретический градус» — квинтэссенцию розенкрейцерской науки, — так на заседаниях Елагина

капитула сам гроссмейстер читал свое громадное историческое и философское «Учение древнего любомудрия».

В то же время, однако, жизнь отдельных лож Союза во многом походила на далекое от решения всяких философских вопросов мирное существование 1770-х годов: те же экономические заботы, тот же порядок заседаний, те же бесчисленные приемы новых членов.

В Урании по-прежнему было три эконома для заведования хозяйственными делами. Дела эти, видимо, поправились: 8 октября 1782 года происходило торжественное освящение нового дома Урании.

Собственный дом составлял предмет мечтаний и вожделений также и для ложи Малого Света. 8 мая 1790 года член ложи Гурко предложил по выгодной для ложи цене купить его недостроенный дом в рижском предместье. Несмотря на выгодную цену, у ложи не хватило наличных денег, вследствие чего и «был пущен особый подписной лист». В августе деньги еще не были собраны, и трое братьев подписали 35 рублей на достройку дома. В результате ложа прочно связалась с домом, но достроила ли его — неизвестно.

Так же как и в 1770-х годах, блестяще поставлена была в ложах музыкальная часть. В марте 1785 года в Урании при большом стечении народа исполнялась оратория, сочиненная одним из «братьев с талантами». А ложа Малого Света в ознаменование заслуг двух из своих «музыкальных братьев», Гофмана и Брандтвейнера, решила повысить их в степени — и притом даром. Через десять дней одного из них повысили, а другому, правда, дали только денежное вознаграждение.

Так же вели борьбу со служащими братьями за их поступки. В ложе М. Света один из служащих, Теодор Скенс, был «министериал здешнего губернского магистрата», а другой — «домашний гофмейстер» генерал-аншефа фон Эльмпта. Министериал обнаружил неряшливость и охоту к спиртным напиткам, за что и подвергся увещанию. В Урании 1788 года служащий брат Шмидт был исключен вследствие постоянных жалоб на его поведение.

Наконец, так же, как в 70-х годах, не одни служащие братья, но и те, кому они служили, навлекали на себя репрессии.

Ложа Надежды Невинности писала Елагину, что казначей ее Лёв не дает отчета в делах и грозит ей полицией, а два члена ложи говорили неприличные вредные для ордена речи и совершали дурные поступки. 13 ноября 1789 года новый мастер стула сообщал что бывший наместный мастер Стехбан забрал конституцию ложи, большую печать и другие предметы и грозится уничтожить ложу. Ложа просила Елагина принять нужные меры.

В начале 1793 года исключено было девять братьев из ложи Скромности: восемь человек за долги, а один — аптекарь Бартельс — «за неподобающие выражения и бранные речи».

В ноябре 1790 года четверых своих членов удалила ложа Урании за беспорядок а заседании: одного на три месяца, одного на два и двух — на месяц.

5. Розенкрейцерство

Розенкрейцерство не было открыто Шварцем во время его заграничной поездки: русские братья слыхали о нем и раньше. В 1776 или 1777 году (как раз когда шли поиски высших степеней в Швеции) Новиков виделся с кн. П. И. Репниным. Князь рассказал, «что он в разных государствах бывши искал [истинного] масонства, и что, не жалея денег, старался он доставать всевозможные градусы, но всегда находил ложные; но наконец познакомился с одним человеком, а где не сказал, который дал ему понятие такое, что истинное масонство скрывается у истинных Розенкрейцеров, что их весьма трудно найти, а вступление в их общество еще труднее, что у них скрываются великие таинства; что учение их просто и клонится к познанию Бога, натуры и себя; что много ложных обществ, называющихся сем именем, и потому-то весьма трудно найти истинных; и многое говоря заключил, что счастлив тот, кто найдет истинных».

Во время своей заграничной поездки 1781–1782 годов Шварц завязал отношения не только с герцогом Брауншвейгским, но и с берлинскими розенкрейцерами Вёльнером[100] и Теденом.

Вернувшись в Россию, он и привез акты от тех и других; «благотворных рыцарей» — от герцога, «теоретического градуса» — от Тедена.

Вторая связь с самого начала была для руководящих братьев более привлекательной, чем первая. Тургенев говорил об этом в своем показании: «Герцогу Брауншвейгскому неограниченного повиновения я не обещал никогда, а в зависимости его были на некоторое время и здешние тож некоторые ложи, а та ложа, к которой я принадлежал, и не была... В сей связи не находил я ничего, до учености касающегося, то вместе и с согласия прочих мы оставили, а вошли в знакомство с Вёльнером».

«Герцогу мы, и я в том числе, присяги не делали, — показывал в другом пункте Тургенев, — да и связь сию не уважали... а держались связи Вёльнеровской, считая ее полезною и удаленною от политических видов».

«Вёльнеров же круг, — доносил Екатерине Прозоровский на основании сведений, почерпнутых им из бумаг ордена и из “конфиденции” Гагарина, — или ложа в Берлине розенкрейцеров и разных систем с кругом герцога Брауншвейгского и между собою не в согласии».

Несогласие это наконец было закреплено и на бумаге: 11 ноября 1783 года Вёльнерова ложа Трех Глобусов в Берлине сообщила всем ложам, находящимся с нею в дружеском союзе, о следующем своем твердом намерении:

«1) Объявляем себя совершенно свободными и независящими от всякой масонской зависимости, какого бы звания ни была оная; напротив же сего,

2) предлагаем всем масонским ложам, внутри и вне Германии находящимся, какой бы они системы ни были, масонское дружество наше и сердце искреннейших братьев и просим их о равномерном воздаянии».

Письмо это получено было в московской ложе Трех Знамен в начале 1784 года. Оно и определило собою окончательный поворот московских масонов от «благотворного рыцарства» к розенкрейцерству.

Уже с конца июля 1783 года, имея, вероятно, внутренние сведения от Тедена или Вёльнера, главари московских масонов начали подготовлять этот поворот.

23 июля кн. Н. Трубецкой советовал Ржевскому войти «в переписку с герцогом Брауншвейгским и с секретарем генерального ордена Шварцем»; при этом он, видимо, страшно гордился своими внутренними познаниями. «Я расхохотался, — писал он, — когда увидел, мой друг, из твоего письма, что Рибас принимает Р. К. за градус».

Через неделю, 30 июля, Трубецкой сообщал своему корреспонденту: «Мы не думаем по брауншвейгскому ритуалу работать, а будем работать в четвертом градусе по тому ритуалу, который тебе сообщим».

Наконец, 19 августа Трубецкой наставлял Ржевского «об устроении теоретического градуса». «Спешите открыть градус, — торопил Трубецкой, — дабы оным могли воспользоваться достойные...»

Временной организацией, которою московские братья заменили рыцарство, был союз четырех «матерей лож»: Трех Знамен (Татищева), Озириса (Трубецкого), Латоны (Новикова) и Сфинкса (Гагарина).

«Советую открыть для себя ложу из избранных братий... — писал тому же корреспонденту Трубецкой 5 сентября 1783 года, — о усыновлении которой напиши в мать-ложу письмо, которая, ложу твою приняв, дозволит ей работать в четырех степенях. И через то ты совершенно от рыцарства уклонисся, ибо в теоретическую степень чтоб войти, нет нужды быть рыцарем, но достойные входят прямо из екоссов».

В 1784 году (вероятно, после получения упомянутого письма от ложи Трех Глобусов) на место четверного союза поставлена была единая Провинциальная Ложа. Чиновниками ее состояли: 1) великий мастер — кн. Ю. В. Долгорукий*, 2) наместный мастер — кн. Н. Н. Трубецкой, 3) 1-й надзиратель — кн. Н. И. Одоевский, 4) 2-й надзиратель — кн. В. В. Долгорукий, 5) секретарь — А. Я. Клейн, 6) ритор — М. М. Херасков, 7) казначей — А. Н. Щепотьев, 8) обрядоначальник — Б. А. Загряжский, 9) 1-й собиратель милостыни — кн. Г. А. Щербатов, 11) великий придверник — Н. С. Лаптев.

---

* Юрий Владимирович Долгоруков (Долгорукий) (1740—1830) — князь, генерал-аншеф, главнокомандующий в Москве (1797).

В капитуле, который, должно быть, явно управлял делами организации, участвовали: кн. Ю. В. Долгорукий (предстоятель капитула), кн. В. В. Долгорукий, кн. Н. Н. Трубецкой, М. М. Херасков, кн. Н. И. Трубецкой, Н. И. Новиков, кн. Н. И. Одоевский, А. Н. Щепотьев, кн. Г. А. Щербатов, кн. И. Н. Гагарин, О. А. Поздеев.

В ведении Провинциальной Ложи, кроме четырех «ложматерей», находились:

в Москве: лл. 1) Светоносного Треугольника, 2) Девкалиона, 3) Св. Моисея, 4) Блистающей Звезды, 5) Гермеса; 6) неизвестная ложа под управлением Е. Е. Гине; 7) л. Астреи;

в Казани 8) л. Восходящего Светила (или Солнца);

в Могилеве 9) л. Геркулеса в Колыбели (или в Пеленках);

в Симбирске 10) л. Златого Венца[101].

Все эти ложи просуществовали недолго.

«В 1786 году, — показывал Новиков, — все масонские ложи, сколько их было с нами в связи, уничтожены, и собрания быть перестали и члены из нашего знакомства вышли». Устраивались с тех пор только тайные собрания «теоретических братьев». Причиной были те систематические со стороны правительства гонения, которые начиная с 1784 года обрушились на новиковский кружок.

Московские ложи, по словам Елагина, едва не навлекли на себя в это время «громовые тучи», и только благодаря закрытию явных лож отодвинут был на шесть лет момент, когда «мрачного негодования дворского туча на всю братию, особливо на собор московский гром запрещения тайных собраний испустила».

Не все члены Провинциальной Ложи участвовали в московском капитуле 1784 года. Зато все правление «теоретического градуса» полностью входило в состав капитула (в том числе, кроме чиновников Провинциальной Ложи, еще Н. И. Новиков и О. А. Поздеев, в Ложе не несшие никаких обязанностей). «Теоретический градус» был как бы тайным высшим центром подобно Директории шведского капитула.

Акты «теоретического градуса» Теден передал Шварцу в Берлине 1 октября 1781 года.

«Имея полную доверенность к честности и верности бр. Шварца, силою данной мне братской власти, сим назначает-

ся он верховным предстоятелем сей степени во всем Императорско-Российском государстве и его землях с тем, чтоб он ежегодно присылал ко мне именной список принятых по удостоверению его братьев, дабы они могли быть вносимы в орденскую цепь теоретических братьев. Также обязывается брат Шварц за каждого принятого брата ежегодно переводить хорошими векселями в пользу нашей кассы для бедных по одному червонцу. Каждый брат платит перед принятием семь талеров, из которых четыре талера остаются в распоряжении брата верховного предстоятеля Шварца для приобретения нужных снарядов и пр., и он в них никому, кроме меня, отчетом не обязан».

«Верховный предстоятель» Шварц уполномочен был назначить от себя «главного предстоятеля» для ближайшего управления братьями, именно Н.И.Новикова. Вероятно, впрочем, Новиков не завязал более тесных отношений с Теденом. По крайней мере, получив известие о смерти Шварца (17 февраля 1784 года), Теден обратился не к Новикову, а к Татищеву (письмом от 9 апреля 1784 года), предлагая ему образовать для управления «градусом» Директорию из трех лиц: себя, Новикова и Н.Трубецкого.

«Каждый из сих трех в. д. братьев выбирает по одному секретарю из теоретических братьев, о коих скромности они удостоверены»; «для в. д. брата Татищева» Теден предложил в секретари барона Шрёдера[102].

Получив письмо Тедена, Татищев, Новиков и Трубецкой 30 апреля 1784 года, собравшись вместе и взяв друг друга в руки, поклялись в верности к ордену и, по приношении с коленопреклонением молитвы Триединому Богу, учредили Директорию для «теоретического градуса».

Татищев пробыл членом Директории, вероятно, очень недолго; его имени уже нет в том списке правления «теоретического градуса», который Трубецким послан был Ржевскому в середине или конце 1784 года.

Список содержит следующие имена: 1) великий мастер кн. Ю.В.Долгорукий, 2) наместный мастер — кн. В.В.Долгорукий, 3) 1-й надзиратель — кн. Н.Н.Трубецкой, 4) 2-й надзиратель — кн. Н.И.Одоевский, 5) секретарь — А.Н.Щепотьев, 6) ритор — Н.И.Новиков, 7) обрядоначальник — О.А.Поздеев. Впоследствии Гаупт-Директорию над «градусом» составляли: 1) барон Шрёдер, 2) А.М.Кутузов,

3) кн. Н. Н. Трубецкой, 4) Н. И. Новиков, 5) кн. Ю. Н. Трубецкой, 6) И. В. Лопухин, 7) И. П. Тургенев, 8) С. И. Гамалея.

«Теоретических братьев» в показаниях Новикова означено более 60 человек. Главными надзирателями «градуса» были: в Москве — И. В. Лопухин, И. П. Тургенев, О. А. Поздеев, С. И. Гамалея[103]; в Петербурге — доктор Е. Ф. Зверака*, а с 1788 г. — А. А. Ленивцов; в Вологде — В. И. Остолопов; в Орле — З. Я. Карнеев. Кроме того, главным надзирателем для Кременчуга предполагался И. Ф. Белоусов.

«Теоретические собрания» носили совершенно иной характер, чем все другие ложи. Обстановка их была простая и строгая. Все затянуто было черным атласным покровом: жертвенник, треугольные столы для секретаря и ритора, кресло для надзирателя. Простое и мрачное тапи, четыре светильника (один из них седмиручный), на жертвеннике и четыре — по углам тапи: вот все, что должно было находиться в ложе. При вступлении в «градус», новый «теоретический брат» произносил короткую и строгую формулу присяги: «Я NN свободно и по добром размышлении обещаюсь: 1) во всю мою жизнь поклоняться вечному, всемогущему Иегове духом и истиною; 2) по возможности моей стараться всемогущество Его и премудрость чрез натуру познавать; 3) сует мира отрещися; 4) сколько в моей возможности есть, стараться о благе моих братьев, любить их и помогать им и советом и делом во всех их нуждах; и наконец 5) ненарушимую молчаливость соблюдать так истинно, как Бог есть бессмертен».

Столовые собрания носили также совершенно особый отпечаток. «Все столовые собрания, бывающие при принятии масонов и многими яствами изобилующие, от коих деньги расточаются, должны вовсе уничтожены быть, и все братья довольствоваться будут хлебом и вином. Только три праздника орденские: день Святого Иоанна Крестителя, день Святого Иоанна Евангелиста, и чертверток после Духова дня — должны торжественно собранием празднуемы быть с подобающею скромностью, дабы столовые собрания наши не уподоблялись Бахусовым пиршествам, как то во многих масонских ложах по злоупотреблению завелось».

---

* Евстафий Федорович Зверака (1751—1829) — доктор медицины.

Во время столового собрания главный надзиратель спрашивал секретаря: «Достойный брат, для чего мы здесь собрались?» Секретарь отвечал: «Дабы тело укрепить пищею и питием, а душу назидательным поучением насытить и друг другу подать все знаки братской любви».

После этого происходили обряды, составлявшие основное содержание столового собрания «теоретических братьев».

«Достопочтенный Главный Председатель отламывает частицу хлеба и остаток отдает братьям, дабы каждый от него взял частицу, и говорит: "Бог да благословит нам хлеб сей!"

Потом Д. Г. П., испив немного вина, говорит: "Бог да благословит нам вино сие" и велит чашу вкруг подавать, сказав: "Да будет сие нам воспоминанием союза неразрывной верности и любви к братьям нашим!"».

Сложных церемоний в «теоретических собраниях» не употреблялось; длинные «катехизирования» оставались за чертою внутреннего ордена. На собраниях читался обыкновенно отрывок из «Инструкции теоретическим братьям», в котором заключена была преимущественно алхимическая сторона розенкрейцерского учения[104].

Кроме этого надзирателем или по его приказанию братьями произносились речи, обычно представлявшие толкование какого-либо из вопросов, затронутых в мистической литературе. Речи составлены были на основании этой литературы, иногда являлись почти выписками или кратким изложением какой-нибудь книги.

«Теоретический градус» не был последним достижением московских розенкрейцеров. Он подготовлял искателей мудрости к сокровенным святилищам главного храма — высшим степеням ордена Злато-Розового Креста.

Показания Новикова дают повод думать, что градус есть нечто отдельное от ордена Злато-Розового Креста («теоретический градус к ордену не принадлежал»); про Репнина Новиков говорил, что в градусе он состоит даже «с правом главного надзирателя», а «в орден еще не принят»[105].

На самом деле, однако, несомненно, что «теоретический градус» был одной из степеней розенкрейцерства. Вероятно, Новиков в своих показаниях выражался осторожно, желая

спасти от обнаружения орден, который должен был остаться тайной для следователей.

Первая степень Злато-Розового Креста, или юниорат, должна была идти за четвертым градусом обыкновенного масонства (шотландских мастеров); однако ее часто опускали вовсе. «Степень сия, — сказано в актах юниората, — иногда, смотря по свойствам и пропускается, и дают прямо теоретическую». Иногда все же русские розенкрейцеры проходили и через первый градус ордена. Так, П. Я. Титов (в конце 1788 или начале 1789 года) принят был в юниоратскую степень.

Второй степенью Розового Креста были «теоретики». «Теоретический градус» и был, конечно, этой второй степенью. Всякий, кто был принят в «теоретические братья», тем самым делался розенкрейцером.

«Теоретический градус», как можно судить даже по показаниям Новикова, раскинул сравнительно широкую организацию. Но управляло им несколько человек, те, про которых Новиков показал, что они были приняты в орден и которые на самом деле были лишь возведены в дальнейшие степени.

Степеней этих было семь: III) практика, IV) философа, V) минора, VI) майора, VII) Adeptus exemptus, VIII) магистра и IX) мага.

Неизвестно, до какой из них возвысились московские члены ордена. Далее всех шагнули, вероятно, немцы — устроители ордена в Москве, Шварц и Шрёдер[106].

Из русских братьев — Кутузов в Берлине дошел до III степени «практика». Тургенев, по его собственному показанию, был принят в IV степень Розового Креста, то есть философа. Можно думать, что более высоких градусов достигли Новиков и Трубецкой.

Розенкрейцеров высших степеней было всего в России немногим более двадцати человек. Из Берлина с высшими степенями приехали: 1) Шварц и позже 2) Шрёдер; в 1782 году были приняты: 3) Новиков, 4) Тургенев, 5) Кутузов, 6) Гамалея, 7) Чулков, 8) А. Новиков, 9) Лопухин.

«После смерти Шварца», то есть в 1784 году, Новиков «узнал принятыми в орден»: 10–11) двух Трубецких, 12) Черкасского, 13) Хераскова, 14) Енгалычева, 15) Френкеля и 16) Поздеева; дополнительно Новиков показал об уча-

стии в ордене — 17) Чеботарева*, 18) Багрянского**, 19) Туcеня; кроме того, во второй половине 1784 года были взяты «петиты», то есть прошения о принятии в орден, от шести лиц: 20) А. Лодыженского, 21) П. Лопухина, 22) А. Веревкина, 23) В. Колокольникова***, 24) М. Невзорова**** и 25) В. Баженова.

Оригинальной московской степенью розенкрейцерства был градус «духовного Рыцаря», сочиненный Лопухиным (не позднее 1791 года). Степень эта давалась братьям после теоретической; П. Я. Титову, например, в 1791 году «сообщен» был сперва «теоретический градус», а затем — «градус духовного рыцаря».

Московские розенкрейцеры имели от себя в Берлине специального делегата, который должен был держать их в курсе новостей алхимической науки. Таковым был Кутузов, выехавший в Берлин весною 1787 года[107]. Время это не могло, однако, благоприятствовать его орденским занятиям, так как в 1787 году «высшие работы» ордена в Германии приостановились. «В конце, кажется, 1786 года, — показывал Новиков, — объявил барон Шрёдер, что он получил приказание объявить тем, у кого есть другие под начальством, чтобы прервать с наступлением 1787 года все орденские собрания и переписки и сношения, и отнюдь не иметь до того времени, пока дано будет знать, что и исполнено».

Причины «силанума», или «бездействия», высших степеней ордена неизвестны. Официальным поводом были «про-

---

* Харитон Андреевич Чеботарев (1746—1815) — ректор Московского университета (1803—1805), первый председатель Московского общества истории и древностей российских.

** Михаил Иванович Багрянский (1762—1813) — переводчик, доктор медицины. После разгрома московского масонства в 1792 г. содержался в Шлиссельбургской крепости в одном каземате с Н. И. Новиковым.

*** Василий Яковлевич Колокольников (1758—1792) — переводчик, доктор медицины; после возвращения из Франции вместе с М. И. Невзоровым был арестован как агент мартинистов, допрашивался С. И. Шешковским, затем был помещен в сумасшедший дом, где вскоре умер.

**** Максим Иванович Невзоров (1762/1763—1827) — поэт, публицист, доктор медицины.

нырства иллюминатов». Сообразно с этим московские братья получили (около 1787 года) особое послание Вёльнера[108], обращенное ко всем подлежащим его ведению директорам округов.

«Иллюминаты, во многих странах Европы рассеявшиеся, — писал Вёльнер, — суть весьма вредоносная секта, враждующая на царство Иисусово и на истинный орден... Внемлите же, принадлежащие к Богом посвященному собратству истинных Р.К. и к кровавому знамени Агнца. Внемлите, именующие имя Иисуса и любящие Господа и Мастера своего: внемлите, братья!.. Станем на пролом и не пропустим ни малейшего случая противустать врагу».

Иллюминаты рассеялись по Европе еще в 1785 году, когда орден их был разрушен эдиктами баварского курфюрста Карла-Теодора. Почему сделались они особенно опасны братству розенкрейцеров лишь с конца 1786 года?

В это время в Берлине совершилось событие первостепенной важности для братьев Розового Креста: 17 августа 1786 года скончался Фридрих II. Со вступлением на престол его наследника Фридриха-Вильгельма II, розенкрейцерский орден становился почти официально во главе всей политики Пруссии. Новый король сам принадлежал к ордену; розенкрейцерские светила Вёльнер и Бишофсвердер сделались прусскими министрами. При таком положении дел орденские связи могли уже стать неудобными для прежних руководителей. Интриганы и карьеристы пользовались орденом, пока он был нужен им как путь к власти. Раз власть была у них в руках — стоило ли дальше играть в алхимию? Отречься от ордена или вовсе его распустить — значило бы слишком большое число прежних сторонников превратить во врагов; но вполне возможно было объявить как временную меру силанум под предлогом борьбы с иллюминатами и, кстати, этим путем, зачислив в иллюминаты, набросить тень подозрения на всех нежелательных для себя лиц. Таков, кажется, был смысл силанума. Он скрывал не орденские тайны от профанов, а мерзость запустения ордена от своих же братьев. «За занавесом [силанума] все спокойно, и как я думаю — совершенно пусто», — говорил один из этих братьев, начиная что-то подозревать.

Силанум действовал с 1787 года во все время существования розенкрейцерского братства в Москве. В письме от 8 октября 1791 года Кутузов писал Трубецкому, что силанум еще продолжается, но что «чрез год наверно все решится»[109].

Менее чем через год решилась судьба — не силанума, однако, а новиковского кружка в Москве.

Разгром Екатериной розенкрейцерского братства объясняется, конечно, такими же политическими ее подозрениями против Злато-Розового Креста, какие сказались и в ее мерах против шведского масонства в начале 1780-х годов.

Действия правительства Екатерины находили, однако, себе в данном случае полное одобрение в петербургской среде Елагина масонства.

Рядовые масоны были глубоко оскорблены той замкнутостью, с которой держало себя братство Злато-Розового Креста.

Еще в 1786 году, жалуясь своему капитулу на Шварцеву «карлсбадскую систему», Елагин говорил: «по сей системе запрещали они вход в ложи свои прочих масонов и перестали как тамо [в Москве], так и в С.-Петербурге под их капитулом состоящие ложи признавать прочих ложами масонскими»[110].

Раздражение Елагина сказалось также в той насмешливой «грамотке», с которой он обратился «к высокопочтенным неизвестным неизвестной свободных каменщиков системы»[111].

Резко нападал Елагин на всю организацию розенкрейцерства, строгое подчинение низших братьев высшим «неизвестным начальникам».

«Не сущее ли сие учение истребленного иезуитского ордена? — спрашивал Иван Перфильевич своих собеседников-капитуляров. — В нем сказуется беспредельная, но скрытая от знания братьев власть, подобно иезуитскому генералу, в Риме седалище имевшему, но во всех концах земли орденом управлявшему и фанатизмою, ко вреду рода человеческого повсюду действовавшего».

Картине Елагина отвечало действительное устройство розенкрейцерского ордена. В нем господствовала строжайшая дисциплина. Высшие начальники ордена — «маги» — оставались неизвестными для других орденских братьев; самое их местопребывание было скрыто[112].

По учению ордена маги (братья IX степени) обладали величайшей степенью власти и знания. «Magus Magorum видит Христа так, как я Вёльнера», — записал в своем дневнике Шрёдер со слов самого Вёльнера.

«Ты всем обладаешь, всем, что временно и вечно может тебя учинить блаженным! — рисовал один из розенкрейцерских риторов образ Истинного Начальника. — Тебе повинуется без принуждения послушная природа. Твое чистое око, созерцая внутреннее ее, открывает столь глубоко сокровенные ее законы; она предлагает тебе свои силы и только там совершенно деятельна, где служение ее для прочих смертных ею отказано. Ты имеешь познание, силу и право вызвать паки, чрез проклятие греха превращенный свет, отнять сгущение, очистить тела от твердой их покрышки, сделать их прозрачными и привести на высочайшую степень совершенства. Мощная рука твоя объемлет все стихии, располагает ими по произволению и производит из них то, что ей угодно».

Благодаря алхимическому составу Урим начальникам ордена «видимо бывает все, что братья делают на земле, как они действуют и где и с кем обращаются. Видно, ежели они находятся в опасности, ежели живут в страха Господнем, или пьянствуют, объедаются, блудодействуют, играют, или подобные сему грехи содевают; видно, в каких обществах они бывают; явно или сокровенно и в какой материи именно работают: удаляются ли они всякой человеческой злобы, провождают ли тихую и богоугодную жизнь, имеют ли жен и детей и удаляются ли они от всякой роскоши и расточительности. Исполняют ли обязанность отца, действуют ли на жен и детей добрым примером, берут ли их на свою душу и приносят ли Господу в жертву: содержат ли они жен своих в любви, благочестии и чистоте и поступают ли с ними яко Глава с Церковью, поспешают ли они на помощь слабым и бедным и подкрепляют ли их и словом и делом, не ищут ли своей собственной пользы или забывают оную для пользы страждущих; посещают ли больных, заключенных в темнице, одевают ли нагих, утешают ли печальных и оставленных от всего сердца: словом, исполняют ли все деяния любви в точности; никого не злословят, ниже судят, но о всяком говорят добро и все вещи стараются обратить в добрую сторону,

не мстительны, но кротко и любовно со всеми обращаются, благословляют клянущих и благотворят гонителям своим». В согласии с этим говорил Захар Карнеев в своей Орловской ложе: «Св. Ордену и поставленным над нами начальникам все и малейшее движение сердца нашего известно, открыто и несравненно яснее видно, нежели самим нам».

Если через Урим начальниками усмотрено будет, что какие-либо братья «ведут жизнь развратную», то они подвергаются наказанию: в души их «вливают гнев Божий».

Неизвестные начальники могли видеть таким образом душу каждого брата. Начальникам отдельных округов ордена братья сами должны были открывать свою душу: «дух Христа» живет ведь и в «каждом директоре округа».

«Все братья под присягою верности обязаны [были] все оригинальные письма, которые они от братьев во время квартального течения [то есть за четверть года] получили, и все другие писания, сказующие о вещах, до Ордена относящихся, иметь при себе [во время] квартал-конвенции и директору предъявить. Из сих и всех таковых и к самому директору вступивших бумаг должно все то, что не заслуживает быть в тайном сохранении, сожжено быть в виду всех братий»[113].

«Повиноваться есть наивеличайшая добродетель между добродетелями», — поучал Захар Карнеев в Орловской ложе. Следуя св. Бернарду, Карнеев говорил о семи степенях повиновения: 1) «повиноваться без противоборствия и охотно»; 2) «повиноваться без всякого объяснения и просто»; 3) «повиноваться с радостью и без досады»; 4) «повиноваться не откладывая и спешно»; 5) «повиноваться без всякого страха и мужественно»; 6) «повиноваться без всякого благоугождения самому себе и смиренно»; 7) «повиноваться непрестанно и постоянно».

«Отречемся всех мыслей, вожделений и деяний естественной воли своей, — взывал в другой речи Карнеев, — принесем ее в жертву Единому великому Пастырю и Учителю нашему Иисусу Христу. По заклании же испросим на место оной Его Божественной воли».

Согласно мнению розенкрейцера старой системы, «ученики [ордена] не только должны [были] прилежно заниматься ежедневным испытанием и познанием коренных причин

и источников — добрых и худых его пожеланий, мыслей истинных и ложных воображений, слов, деяний и самых чувствий, не только сим заниматься паче всего, но и всегда иметь грудь и сердце свое открытыми руководителю своему во всех сделанных замечаниях над собою: нравственных, умственных и даже физических».

Каждую четверть года подчиненные должны были доставлять начальникам подробные отчеты о своей жизни, даже о самых скрытых движениях души.

Три квартальных отчета, которые доставил о себе Новиков барону Шрёдеру, сохранились в позднейшей копии Ланского: «письма Коловиона к Начальнику» — настоящая исповедь, раскрывающая все трепетания души Новикова перед случайно попавшимся ему на жизненном пути мекленбургским поручиком, с которым вскоре вышли у него крупные денежные недоразумения.

«Повеления ваши и волю высших наших высокославных начальников с истинною покорностью исполнять во всю жизнь мою буду», — обещал Новиков в первом из этих писем.

«Спаситель наш в божественном слове своем изъясняет нам, что больше сей любви нет, да кто положит душу свою за други своя... но коль чужд еще я сей божественной любви! Часто еще, весьма часто и рано встать и поздно лечь, и в слякоть пойти для друга своего не хочется. С пролитием слез пишу я сии строки... Сколь сладостно, радостно и восхитительно ощущение смирения, за которым следует любовь».

«Относительно же к братьям, а наипаче к брр. Филусу [Лопухину] и Виваксу [А. Новикову], я неоднократно беседовал с каждым из них в рассуждении насмешек их о бр. Татищеве. Сильный Бог даровал мне на то время и силу, и кажется мне, что в бр. Филусе открыл предубеждение против бр. Татищева; но он столь был тронут сим, что с того времени ни одного раза не приметил я в нем сего поступка».

Открываясь во всем начальнику своему Шрёдеру, Новиков требовал сам точно такого же неукоснительного и мелочного отчета от братьев, ему подчиненных!.. Руф Степанов так вспоминал об этом: «Каждый может чувствовать, что в нем есть добро и зло, для сего-то наука самопознания и полезна, а то мы весьма способны заключать, что в нас нет зла. Со

мной однажды таковая беда случилась: как-то проговорился Н. И. Новикову, который был моим наставником, а он всем брр. рассказал. В. М. при работах в л. говорит: — вот, любезные бр., есть между нами и такие, которые не признают в себе зла; тут я хвать себя за бороду».

Подобного же рода исповедь находим в одной речи Пиуса (Поздеева) на собрании «теоретических братьев» 10 сентября 1791 года: «Я самый болящий между вами, достойные и любезные брр.! Одержим грехом, прикован к нему самолюбием, сладострастием, гордостию моею, нелюбовью моею к вам, между коими святейший Орден меня еще терпит... Я пребываю еще в одной неисправленной натуре, в которой есть токмо возможность к добру... Я есть тварь погибшая, аще не придет благодать».

6. Новый Израиль

Орден Злато-Розового Креста был главными источником мистической мудрости для русских братьев; другой источник имел меньше организационного значения, но в духовном отношения не был слабее. Областью его деятельности была Юго-Восточная Франция — Лион, Авиньон, Монпелье.

Около 1766 года в Авиньоне бенедиктинским монахом Пернети было основано герметическое общество с масонскими обрядами, принявшее имя «Академии истинных масонов» (Académie des Vrais Maçons). Через десять лет, в 1776 году, подобное же общество возникло в Монпелье под именем «Академии мудрых» (Académie des Sages). Там же, в Монпелье, с 1778 года открылась и своя «Академия истинных масонов», которая вскоре стала называться Русско-шведской академией благодаря своим связям со Швецией и Россией.

В Лионе действовал врач Виллермоз, приверженец тех же идей высшей масонской мудрости, которая способна была, по его мнению, принести действительное счастье людям. Кроме Виллермоза, особым авторитетом среди членов всех этих полуалхимических и полумагических «академий» пользовались Сен-Мартен и Сведенборг[114].

В Россию влияние академии доходило, вероятно, двумя путями. Один вел через Швецию (так как Виллермоз был в сношениях со «Строгим наблюдением»)[115]. Другой прямо соединял Южную Францию с Россией, точнее, с Павловском. В 1776 году совершилось второе бракосочетание цесаревича. Новая супруга его Мария Федоровна привезла с собой вкусы и привычки своего сентиментально-уютного сельского гнезда. По образцу ее родного Этюпа возник в 1777 году Павловск[116].

Вместе с устройством и расположением построек заимствованы были, конечно, и начала духовной жизни Этюпа, в которой не малую роль играл сентиментализм; вероятно также, в Этюп проникали и настроения французских «истинных масонов». Учитель последних Сен-Мартен бывал в Этюпе. Возможно, что именно в связи с этим книгой Сен-Мартена заинтересовался (около 1777 года) близкий цесаревичу и Марии Федоровне Панин.

В 1782 году система южнофранцузских масонов получила торжественное признание. Вильгельмсбадский конвент утвердил предложенный Виллермозом «Устав вольных каменщиков» и принял его же «Благотворное Рыцарство». Московские масоны, успевшие помимо Петербурга завязать отношения с герцогом Брауншвейгским, получили в свое ведение организацию VIII провинции в России. Петербургские масоны обиделись и попытались обратиться прямо в Лион, системе которого подчинился герцог. Замысел, однако, не удался.

«Есть еще партия в Петербурге, — писал Трубецкой Ржевскому, — в которой и бр. Нартов, которая адресовалась было в Лион во II провинцию и искала актов и пр., но когда получили в ответ, что в России, кроме Провинциального Капителя, который в Москве, никто ничего учредить не может, то адресовались к нам».

Герцог Брауншвейгский был менее строг, чем московские розенкрейцеры, и сам направлял в Лион тех, кто искали у него масонских знаний. В 1784 году В. Н. Зиновьев, отправившись путешествовать по Западной Европе, посетил Брауншвейг и воспользовался аудиенцией у герцога, чтобы испросить его покровительства в масонстве. «Герцог Брауншвейгский снабдил меня очень важным понятием об этом

ордене, — писал Зиновьев, — наделив многими рекомендательными письмами к разным его членам, рассеянным частью по Франции, частью по Италии, объяснив вместе с тем, что наиуспешнее в деле этого общества я могу преуспеть в Лионе — месте, которое было главным его центром и куда я был также рекомендован».

В Лионе Зиновьев вступил в тесную дружескую связь с Виллермозом и познакомился с Сен-Мартеном, с которым даже вместе ехал из Лиона в Париж. В 1787 году Сен-Мартен, в бытность Зиновьева в Англии, приезжал туда и виделся также с русским посланником гр. С. Р. Воронцовым[117]. Зиновьев отнесся к Сен-Мартену почтительно, но осторожно. Гораздо более ревностно чтили учение Сен-Мартена и Сведенборга лица, близкие цесаревичу.

Друзья Павла Петровича, быть может, по прямому желанию его, во всяком случае — с его ведома — старались вступить в сношения с «истинными масонами». Кн. Н. В. Репнин дружил с магнетизером Тиманом, который вращался в среде французских «академиков», являясь как бы представителем цесаревичева круга у своих учителей, подобно тому, как представителем москвичей в Берлине был Кутузов.

В 1788 году отправлен был с каким-то служебным поручением в Южную Францию адмирал С. И. Плещеев. В дневнике его путешествия записана на отдельном листке памятка — с кем повидаться. Названы, между прочими, Виллермоз и Милане в Лионе, Сен-Мартен и Тиман в Страсбурге. Плещеев побывал в Лионе, Монпелье, Авиньоне, а на обратном пути долго гостил в Монбельяре и Этюпе (с 4 сент. 1788 года по 4 января 1789 года н. ст.). Именно из этого путешествия он и привез увлечение свое авиньонским мистическим обществом «Народа Божия» или «Нового Израиля». Кроме самого Плещеева в общество вступили кн. Н. В. Репнин, П. И. Озеров-Дерябин, А. А. и М. А. Ленивцовы.

«Новый Израиль» (хилиастическая секта, руководимая польским гр. Грабянкой) был преемником упомянутой Académie des Vrais Maçons в Авиньоне. Организация и ритуал этой секты совершенно неизвестны, задачи же ее видны из составленного в XIX веке «Краткого известия о новооткрывшемся обществе».

Согласно «Известию», общество Народа Божия «учреждено не человеками, а самим Богом, благоволившим открыть изволения и планы свои о нынешних последних временах людям, наименее ожидавшим тех милостей и даров, коими беспредельное милосердие Его облагодетельствовало их. Таким образом, быв избраны и учреждены самим небом, они не могут инако почитать себя, как его народом, Новым Израилем, и само небо всегда их так называет» (п. 4).

«Под словом Небо разумеют они все царствие небесное, все посредствующие существа между человеком и Богом, ангелов, архангелов и святых (кроме стихийных и астральных духов, кои сюда не входят), которые находятся в сношении с ними и сообщают им определения небесные» (п. 5).

«Сие сношение или сообщение называют они корреспонденцией с небом, которая состоит в слове или голосе ясном и внятном, как внутреннем, так и наружном, и в видениях, и откровениях пророческих» (п. 6).

Особого развития в России XVIII века секта не получила. Известную роль, однако, она играла, благодаря высокому положению своих главных приверженцев — Репнина и Плещеева, — приближенных цесаревича Павла.

7. Распространенность масонства

По состоянию материала неизбежно отрывочный и набросанный лишь в общих чертах очерк развития и смены отдельных масонских организаций требует одного дополнительного разъяснения. Каково было реальное значение всех этих организаций, их распространенность, их удельный вес в русском обществе?

Прежде всего, конечно, подлежит выяснению самое количество масонов. Мы знаем, несомненно, гораздо меньшее число лож и лиц в масонстве, чем их было в действительности. Такой случайный документ, как дневник масона Ильина, который вовсе не есть дневник масонский (масонству в нем уделено очень мало места) и который обнимает собою неполных два года, — сообщает очень много неизвестных прежде

имен отдельных масонов и даже целых лож. Нужно думать, что из таких же случайных документов, которые открыты будут впоследствии, можно будет почерпнуть еще немало фактических указаний; многих имен мы, вероятно, никогда не узнаем. Во всяком случае, все, что мы знаем теперь, есть лишь часть (и, может быть, далеко небольшая) того, что было.

Одна немецкая газета в 1787 году насчитывала в России 145 масонских лож; нам известно из них (для того же года) не более 30. Известное до сего времени число лож может быть для разных моментов екатерининского царствования определено следующими цифрами:

а) середина 1770-х годов, примерно 1775 год: 13 лож первого Елагина союза и 8 Рейхелевых лож;

б) 1777 год: 18 лож Елагино-Рейхелева союза;

в) 1780 год: 14 лож шведской системы;

г) 1783–1786 годы: 14 явных лож берлинской (розенкрейцерской) системы;

д) 1787–1790 годы: до 22 лож второго Елагина союза и не менее 8 тайных розенкрейцерских лож («теоретических собраний»).

Число членов каждой ложи сильно колебалось. Меньше всего их было в розенкрейцерских тайных ложах — не более девяти человек в каждом «собрании»[118]. Прозоровский в 1792 году считал, что в московском масонстве было до 800 человек. Зато явные ложи отличались иногда большими многолюдством. Число членов их (не считая постоянных посетителей) колебалось от десятка до полусотни, если не бывало еще больше.

Ложа Урании в 1774 году на празднике, устраиваемом Провинциальной Ложей в честь Иоанна Крестителя, заказала, как мы видели выше, 55 мест своим членам и постоянным посетителям. Эти 55 человек внесли в качестве своей доли расхода 220 рублей. За два года перед тем Великая Провинциальная Ложа истратила всего на тот же предмет 1000 рублей: можно думать, что в празднике участвовало до 250 братьев. На торжественном вечере самой ложи Урании, где присутствовал Ильин, гостей было 100 человек.

В той же Урании в 1781–1790 годах было почти на каждом заседании 20–25 членов и столько же посетителей; да-

же в тяжелые для масонства 1792 и 1793 годы в ложе бывало почти всегда более 10–15 членов (и не менее посетителей). Иногда число тех и других заметно повышалось: так, 8 октября 1782 года при торжественном освящении нового дома Урании было 29 членов и 41 посетитель, 8 марта 1785 года — 49 членов и 72 посетителя, 19 сентября 1790 года — 30 членов и 85 посетителей. Траурная ложа памяти Г. В. Геннингса 4 марта 1786 года привлекла к себе 31 члена и 90 посетителей. До 300 братьев, желающих почтить память Геннингса, присутствовало в траурной ложе, устроенной непосредственно после его кончины.

Принимая в среднем по 25 человек на ложу[119], получаем для сотни лож, какую, вероятно, можно было насчитать в годы масонского расцвета (конец 1770-х — начало 1780-х годов), — не менее 2500 человек[120].

Масонство проявляло себя особенно деятельным в столицах — Петербурге и Москве. Наибольшее количество лож устроено было именно в этих городах[121].

Из провинциальных городов особенно заметно было масонство в городах Остзейского края (Риге, Ревеле, Дерпте). Масонские ложи были также (в екатерининское время) в следующих русских городах: Архангельске, Владимире, Вологде, Казани, Киеве, Кременчуге, Кронштадте, Могилеве, Нижнем Новгороде, Орле, Пензе, Перми, Рязани, Симбирске, Харькове, Ярославле.

Внедрение масонства в русскую провинцию (преимущественно в чиновничий и помещичий ее слои) не ограничивалось, однако, формально зарегистрированными ложами в городах. Масонство проникало и в сельские помещичьи усадьбы. Так, одним из сельских центров масонства было Тихвинское-Авдотьино — усадьба Новикова. Переписка владельца с Сафоновыми показывает, что Новиков не упускал в деревне нитей розенкрейцерского движения.

Влияние масонства сказывалось даже в самых захолустных уголках. Был в XVIII веке мелкопоместный владелец Петр Осипович Яковлев в Ростовском уезде Ярославской губернии. Жил он тихо и безмятежно, волнуясь лишь будничными деревенскими впечатлениями. Но масонство захватило и его в свою сеть: в числе его знакомых был друг Сен-Мартена,

В. Н. Зиновьев; племянниками Яковлеву приходились Ильины. С братом знакомого нам Ильина, Петром Яковлевичем (тоже масоном), дядюшка вел переписку, причем кроме писем шел обмен и масонскими книгами: 27 марта 1794 года Яковлев отдал посланному в обмен на письмо Ильина «книжку катехизис».

При значительной распространенности масонства и при участии в русских ложах преимущественно лиц дворянского круга не будет неожиданным встретить среди масонов многих офицеров армии и флота или гражданских чиновников, вплоть до самых высших. Масонами, по выражению Новикова, было «не малое число знатнейших особ в государстве».

Некоторые правительственные учреждения были заметно пропитаны масонством. В этом можно убедиться, просматривая «Адрес-календари» или «Месяцесловы» с росписью чиновных особ за любой год царствования Екатерины. Возьмем для примера месяцесловы на 1778 и 1788 годы. В них помещены списки чинов за 1777 и 1787 годы (первый — год появления шведской системы, второй — расцвета нового Елагина союза). Просмотрим одно учреждение за другим — найдем среди «чиновных особ» немало лиц, известных участием в масонстве.

1) Императорский совет. В 1777 году из 11 членов четверо — масоны (гр. Н. И. Панин, гр. З. Г. Чернышев, гр. Г. Г. Орлов, гр. И. Г. Чернышев); в 1787 году из 15 членов — трое (гр. И. Чернышев, гр. А. П. Шувалов, гр. А. Р. Воронцов).

2) В придворном штате Ее Величества: гофмейстер И. П. Елагин; кроме того, в 1777 году из 31 действительного камергера — одиннадцать (гр. А. П. Шувалов, гр. А. С. Строганов, гр. А. Р. Воронцов, В. А. Всеволожский, В. И. Бибиков, кн. И. В. Несвицкий, А. Ю. Нелединский, кн. А. М. Белосельский, кн. М. М. Щербатов, А. А. Ржевский, А. С. Мусин-Пушкин); в 1787 году из 22 действительных камергеров — шесть (кн. И. В. Несвицкий, А. Ю. Нелединский-Мелецкий, кн. А. Б. Куракин, П. С. Валуев, гр. Г. И. Чернышев, В. Н. Зиновьев.

3) Сенат в 1777 году: в первом департаменте из пяти сенаторов — двое (И. П. Елагин и Д. В. Волков); из трех — два обер-

секретаря (А. И. Васильев* и А. В. Храповицкий**); во втором департаменте — секретарь А. А. Лангль[122]; в третьем департаменте: из четырех сенаторов — один (Т. И. Остервальд), обер-прокурор кн. А. Б. Куракин, обер-секретарь И. А. Артемьев; в четвертом департаменте: из пяти сенаторов — один (гр. Р. Л. Воронцов), экзекутор О. П. Козодавлев; в пятом департаменте: из пяти сенаторов один (В. А. Всеволожский), обер-прокурор П. С. Валуев; герольдмейстерская контора: герольдмейстер — вакансия (был до этого кн. М. М. Щербатов), секретарь Л. В. Тредьяковский[123].

Сенат в 1787 году: в первом департаменте из 13 сенаторов — четверо (гр. И. Г. Чернышев, А. П. Мельгунов, И. П. Елагин, гр. А. П. Шувалов), за обер-прокурорским столом — В. Н. Зиновьев, экзекутор П. С. Пасевьев; во втором департаменте из 8 сенаторов трое (Ф. И. Глебов, А. Л. Щербачев и, вероятно, А. В. Нарышкин); в третьем департаменте из семи сенаторов — четверо (Т. И. Остервальд, гр. А. С. Строганов, гр. А. Р. Воронцов, гр. А. С. Мусин-Пушкин); в четвертом департаменте из семи сенаторов — один (А. А. Ржевский); в пятом департаменте из восьми сенаторов двое (В. А. Всеволожский и кн. М. М. Щербатов); в шестом департаменте все 6 сенаторов неизвестны как масоны, но зато обер-прокурор — кн. Г. П. Гагарин. Герольдмейстерская контора: и. д. герольдмейстера Л. И. Талызин, коллежский советник Л. В. Тредьяковский, секретарь — И. А. Петров.

4) Государственная Коллегия иностранных дел: в 1777 году из пяти «присутствующих» — двое (гр. Н. И. Панин и гр. А. С. Строганов); в 1787 году, вероятно, вице-канцлер И. А. Остерман.

5) Военная коллегия — в 1777 году нет лиц известных по масонству[124]; в 1787 году — может быть, вице-президент гр. В. П. Мусин-Пушкин; секретарь счетной экспедиции П. Я. Титов.

---

* Алексей Иванович Васильев (1742—1807) — барон, первый министр финансов Российской империи (1802—1807), почетный член Академии наук (1796), член Российской академии (1801).

** Александр Васильевич Храповицкий (1749—1801) — сенатор, кабинет-секретарь императрицы Екатерины II, писатель, переводчик.

6) Сухопутный Шляхетный кадетский корпус: в 1777 году из пяти членов совета, может быть, только один (И. И. Меллер), но «при оном совете» секретарь И. А. де Тейльс, при корпусе майор и цензор О. М. де Рибас да при ротах капитаны: Я. И. Вейраух и А. Я. Будберг; в 1787 году штаб-офицер подполковник К. П. Ридингер.

7) Адмиралтейская коллегия: в 1777 и в 1787 годах президент генерал-адмирал цесаревич Павел Петрович, вице-президент гр. И. Г. Чернышев, а из пяти членов коллегии по крайней мере один (И. Л. Голенищев-Кутузов); кроме того, в 1777 году — обер-секретарь Н. Н. Антропов[125].

8) Камер-коллегия: в 1777 году — президент кн. М. М. Щербатов.

9) Ревизион-коллегия: в 1777 году главный директор гр. А. Р. Воронцов; в 1787 году надворный советник II департамента Н. Г. Петелин.

10) Коммерц-коллегия: в 1777 и 1787 годах президент гр. А. Р. Воронцов; в 1777 году за прокурорским столом В. И. Бибиков.

11) Берг-коллегия (1777 год): и. д. вице-президента А. А. Нартов, прокурор Н. И. Бутурлин.

12) Российская академия (1787 год): из 60 членов — тринадцать (И. П. Елагин, гр. А. С. Строганов, кн. М. М. Щербатов, И. И. Мелиссино, М. М. Херасков, А. А. Ржевский, И. Н. Болтин, А. В. Храповицкий, О. П. Козодавлев, В. И. Баженов и, вероятно, И. Л. Голенищев-Кутузов, М. И. Веревкин, А. В. Нарышкин).

13) Государственная медицинская коллегия: в 1777 году президент А. А. Ржевский; в 1787 году из восьми членов по крайней мере один (И. Б. Дольст); в экспедиции о доходах — доктор С. С. Эли.

14) Московский университет: в 1777 году профессора Х. Ф. Маттеи, Х. А. Чеботарев, вероятно — Д. С. Аничков; в 1787 году из троих кураторов двое (М. М. Херасков и И. И. Мелиссино); профессора Х. А. Чеботарев, П. И. Страхов, И. Гейм, Я. Шнейдер и, вероятно, — Д. С. Аничков, Ф. Баузе; в канцелярии университета — надворный советник Г. П. Крупенников[126].

15) Академия художеств: в 1787 году директор бар. П. Ф. Мальтиц.

16) Главная дворцовая канцелярия: в 1777 году гофмейстер И. П. Елагин, коллежский советник В. И. Лукин, надворный советник Е. В. Разнотовский; в 1787 году — В. И. Лукин, И. А. Алексеев.

17) Правление Государственного ассигнационного банка: в 1777 и 1787 годах главный директор гр. А. П. Шувалов; кроме того, в 1777 году, вероятно, статский советник В. Г. Елагин; в 1787 году среди советников правления В. И. Остафьев.

18) Государственный заемный банк: в 1787 году в числе советников, может быть, П. П. Митусов и В. Н. Курманалеев; директор II экспедиции — П. А. Вельяминов, бухгалтер К. П. Книпер.

19) Главная полиция: в 1777 году и. д. ген.-полицеймейстера Д. В. Волков.

20) Комиссия о коммерции (1787 год): гр. А. Р. Воронцов, кн. М. М. Щербатов.

21) Комиссия о учреждении народных училищ (1787 год): из 5 членов один (А. В. Храповицкий); «в ведомстве оной комиссии»: Ф. П. Фрезе, О. П. Козодавлев, Е. Б. Сырейщиков.

22) Губернии и наместничества: Белгородская: 1777 год — ген.-губ. кн. Н. В. Репнин; Белорусская губ.: 1777 год — ген.-губ. гр. З. Г. Чернышев, при нем правитель канцелярии С. И. Гамалея; Владимирское нам.: 1778–1783 годы — наместник гр. Р. Л. Воронцов, в 1787 году советником гражданского суда продолжает быть секретарь графа П. И. Берг[127]; Вологодское нам.: 1787 год — ген.-губ. А. П. Мельгунов; Калужское нам.: 1777 и 1787 годы — секретарь наместника С. Н. Веницеев; Костромское нам.: 1787 год — правитель наместничества И. В. Ламб; Московская губ.: 1788 год — в казенной палате В. Я. Карачинский; Нижегородское нам.: 1788 год — и. д. ген.-губ. ген.-поручик И. М. Ребиндер; Новгородское нам.: 1777 год — наместник Я. Е. Сиверс, из двух советников, вероятно, один (М. И. Веревкин); Орловское нам.: 1788 год — правитель наместничества С. А. Неплюев; асессор палаты угол. суда Н. А. Краевич, прав. каз. пал. З. Я. Карнеев, советник счетной экспедиции Г. Н. Нелединский, асессор ее же В. М. Милонов, совестный судья Д. Л. Боборыкин[128]; Пензен-

ское нам.: 1788 год — и. д. ген.-губ., ген.-поручик И. М. Ребиндер; Полоцкое нам.: 1788 год — правитель наместничества ген.-майор А. М. Лунин; Псковское нам.: 1777 год — наместник гр. Я. Е. Сиверс, 1787 год — ген.-губ. кн. Н. В. Репнин; Санкт-Петербургская губ.: 1777 год — вероятно, губернатор бар. ф. Унгерн-Штернберг; Симбирское нам.: 1787 год — может быть, правитель наместничества кн. П. М. Баратаев[129]; Смоленское нам.: 1777 и 1787 годы — ген.-губ. кн. Н. В. Репнин; Тверское нам.: 1777 год — наместник Я. Е. Сиверс. Тобольское нам.: 1787 год — поручик правителя И. О. Селифонтов; Ярославское нам.: 1777 и I787 годы — наместник А. П. Мельгунов[130]; Тульское нам.: 1777 и 1787 годы — секретарь наместника С. Н. Веницеев[131].

Всего чиновников первых восьми классов (помещенных в месяцесловах) было в 1777 году не более 6 тысяч, а в 1787 году — до 12 тысяч. Так как в конце 1770-х годов масонов было свыше 2 тысяч, то можно с полным вероятием предположить, что в ложах участвовало от 1/3 до 1/6 части чиновничества. Уменьшим вдвое эти дроби и возьмем вторую из них; все же получится очень высокий процент, если сопоставить организацию даже 1/12 части чиновничества и нестройную массу остальных лиц. Кроме того, за прямыми участниками лож стояли, конечно, их знакомые и близкие им лица.

Глава вторая
Идеология масонства

1. Рационализм 1770-х годов

Литература рационалистического масонства

Масонская литература, находившаяся в распоряжении русских «братьев» 1770-х годов, была весьма скудной. У них не было ни своего книжного издательства, ни какого-либо периодического органа[132]. Печатные книги масонского содержания выходили в России в эти годы и ранее почти исключительно на немецком языке. Но их также было немного. Наиболее раннее издание появилось еще в елизаветинские времена. Это — речь, сказанная в 1758 году в масонской ложе (какой именно — неизвестно) в Петербурге. Для 1760-х годов известно издание рижской ложи — речь, произнесенная знаменитым Гердером. К 1770-м годам относится одна речь в ложе Урании и одна в ложе Скромности.

Более часты были, по-видимому, не только на немецком, но и на русском языке — сборники песен. Ни один сборник от 1770-х годов, кажется, не сохранился, но что вообще

они были — в этом сомневаться нельзя. А. Я. Ильину, который по-немецки не знал, в марте 1776 года Новиков подарил «песни масонские»[133], очевидно, на русском языке. Через день Я. Ф. Дубянский на память о закрывшейся ложе Астреи, поднес Ильину «книжку-песни» в красном кожаном переплете[134].

Из рукописной литературы в обращении несомненно были масонские «катехизисы», обрядники масонских лож. Описание убранства ложи, объяснение ковра и клейнодов, вопросы и ответы при посвящении, речи ритора и мастера ложи в виде готовых ритуальных формул — все это было не только справочником для заседания ложи, но и произведением литературы. В то время как братья, для которых масонство было лишь модой, зевали на собраниях при бесчисленном повторении все тех же обрядов, другие — искавшие в масонстве нравственной философии — старались вникнуть в священные формулы катехизисов, читали и перечитывали их. Списывали их для своего чтения и столичный канцелярист Ильин, и захолустный захудалый помещик Яковлев...

При скудном числе специально масонских произведений можно, однако, указать довольно обширный круг печатных изданий, вполне способных дать понятие о духовной пище «братьев». Это сочинения философско-нравственного характера, обычно проповедующие естественную мораль, иногда носящие оттенок сентиментализма. Такая литература на русском языке создана была масонами или при участии масонов; это источник, из которого черпали живую воду мудрости «братья» 1770-х годов.

Журналы

1) Многие статьи в «Ежемесячных сочинениях» к пользе и увеселению служащих, 1755–1764 годы[135] (особенно за первые их годы)[136], проводят один и тот же взгляд на жизнь — она есть только тлен и суета; в смертном теле есть, однако, вечная душа, которую надо укреплять и воспитывать принципами неуклонной морали. Этою мыслью проникнуты и духовные оды (частью переложения псалмов), и нравоучи-

тельные басни. Весь строй таких мыслей, несомненно, близок философии рационалистического масонства. Но в этом не только идейная близость — тут и личная связь. Авторы од и басен — А. П. Сумароков и М. М. Херасков. Первый как раз в конце 1750-х годов состоял в масонстве; второй был деятельным масоном в 1770-х и в 1780 годах[137]. Авторы и переводчики нравственных повестей и рассуждений — А. А. Нартов, кн. М. М. Щербатов, гр. А. Р. Воронцов. Все это лица, причастные к братству[138].

2) «Праздное время в пользу употребленное», 1759–1760 годы. Начиная именно с этих лет, в «Ежемесячных сочинениях» постепенно убывают произведения морализующей литературы. В «Праздном времени» сотрудничали Нартов и Сумароков; вероятно, первому принадлежат переводы нравственно-философских произведений[139].

3) «Трудолюбивая пчела», издававшаяся Сумароковым в 1759 году. Здесь, кроме самого Сумарокова и Нартова, писали в том же направлении Алексей и Семен Нарышкины.

4) «Полезное увеселение», 1760–1762 годы; выходило в Москве, издателем его был М. М. Херасков. Это наиболее живой из доновиковских журналов. Хераскову удалось объединить тесный круг постоянных сотрудников. Сам он и в стихах и в прозе постоянно затрагивал вопросы моральной философии; то же можно сказать и о ближайших его сотрудниках, таких, как А. и С. Нарышкины, А. А. Ржевский, Д. Аничков, Я. И. Булгаков*.

Неизвестно, в чьем переводе (не Нарышкина ли Алексея?) было помещено в V книжке журнала «Устроение жизни человеческой, перевод с индейского на французский, а потом на русский язык». Это — примечательная «Экономия жизни человеческой» Додсли.

5) «Невинное упражнение», которое печаталось в Москве в первой половине того же 1763 года; издателем его был поэт И. Ф. Богданович, тогда служивший переводчиком в штате П. И. Панина. Некоторые статьи заслуживают быть отмеченными[140].

---

* Яков Иванович Булгаков (1743—1809) — дипломат, внес значительный вклад в присоединение Крыма к России.

6) «Доброе намерение» Санковского*, которое выходило тоже в Москве, в 1764 году. В нем любопытны переводы С. Н. Веницеева[141].

7) За «Добрым намерением» следует волна сатирических журналов, и лишь через полтора десятка лет прежнее морализующее направление всецело восстанавливается в известном «Утреннем свете», который начал издаваться Новиковым в 1777 году. Мелкие ручьи масонской мысли слились теперь в одно широкое русло.

Отдельные издания

1) Почетное место среди них принадлежит сочинению английского поэта и известного книгопродавца XVIII века Роберта Додсли (1703—1764), выдержавшему у нас более десяти изданий в разных переводах. Все последние — в XVIII столетии — появились без имени автора. Лишь в одном (1786 год) переводчик В. С. Подшивалов** указывает на возможное авторство гр. Честерфильда[142].

«Economy of humain life» издана была анонимно в Лондоне в 1750 году. Первый раз на русском языке сочинение Додсли напечатано было в «Полезном увеселении» в 1752 году.

Другой перевод вышел отдельной книгой в Москве в 1765 году — «Экономия жизни человеческой, или Сокращение Индейского нравоучения, сочиненное некоторым древним Брамином и обнародованное чрез одного славного Бонза Пекинского на Китайском языке, с которого во-первых на Аглинской, а потом на Французской, а с сего ныне на Российской язык переведено Преображенского полку бомбардирами князь Егором и Павлом Цициановыми***»[143].

---

* Василий Демьянович Санковский (1741—?) — писатель, переводчик, журналист.

** Василий Сергеевич Подшивалов (1765—1813) — писатель, поэт, переводчик.

*** Егор Павлович Цицианов (? — после 1793) — князь, писатель и переводчик; происходил из древнего грузинского рода. Павел Дмитриевич Цицианов (1754—1806) — князь, генерал от инфантерии (1804), племянник Е. П. Цицианова.

Третий перевод был издан в свет В. Г. Рубаном*, который нашел рукопись его «в книгохранилище любопытного собирателя сочиненных и переведенных Российских рукописей, Г. Гвардии Капитана Саблукова**». Рубан «получил дозволение оную списать для себя и по прочтении, увидев полезное ее содержание, витиеватый, важный, плавный и чистый Российский перевод, за достойное почел, исправив ошибки переписчика, издать ее в свете».

Книга получила при этом опять новое заглавие: «Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе, состоящая в нравоучительных наставлениях, сочиненных древним Восточным Брамином, с дополнением рассуждений о христианском законе Европейского мудреца».

Забегая в следующие десятилетия, увидим неменьший успех сочинения. Четвертый перевод его (на этот раз уже с немецкого языка) появился в Университетской типографии у Новикова в 1786 году. Названо оно было теперь: «Книга Премудрости и Добродетели»[144].

Наконец, три перевода вышли в начале XIX века.

Книга Додсли была как бы сжатой энциклопедией нравственности, изложенной необычайно легко и изящно. Этим объясняется ее успех. «Великая слава, простота и чистота нравоучения является в сем древнем монументе премудрости восточной, — писали в своем предисловии к “благосклонному читателю” князья Цициановы. — Падши на колена, житель земли в молчании и с благоговением приими наставление Всевышнего, — так начиналась книга: — чтоб везде, где только солнце светит или ветер веет, где уши к слышанию и разум к понятию есть, законы жизни введены и правила правды почитаемы и последуемы были».

Первая часть книги говорила «о рассмотрении самого себя» (о смиренномудрии, упражнении, подражании, благо-

---

* Василий Григорьевич Рубан (1742—1795) — писатель, поэт, переводчик Вергилия и Овидия. Издатель первого путеводителя по Москве: «Описание Императорского столичного города Москвы».

** Александр Александрович Саблуков (1746—1828) — сенатор, член Государственного совета, президент Мануфактур-коллегии. В гвардии капитаны был произведен в 1771 г. за участие в усмирении беспорядков во время свирепствовавшей в Мокве моровой язвы.

разумии, постоянстве, удовольствии и умеренности); вторая — «о страстях» (надежде и страхе, радости и печали, сожалении, желании и любви); третья — «о жене»; четвертая — «о свойстве и родстве»; пятая — «о провидении, или случайной разности людей» (об умном и невеже, богатом и убогом, господине и служителе, государе и подданных); шестая — «о должностях сообщества», седьмая — «о законе».

Уже из этого краткого перечня содержания видно, что «Экономия жизни человеческой» касалась тех же вопросов, какие ставились обыкновенно и масонами в их речах, изъяснениях к актам и катехизисах. Сочинение Додсли было как бы «ручной» или «карманной» книжкой нравственности. И действительно, «Экономия жизни человеческой» в переводе, отличном от упомянутых выше, и с некоторыми сокращениями целиком была включена в состав «Карманной книжки для В*** К***», изданной Новиковым в Университетской типографии в 1783 году.

2) Наряду с книгой Додсли можно назвать еще несколько сочинений того же типа — карманных или ручных книг морали — различного удельного веса по внутреннему своему содержанию. В 1763 году в Москве издана была «Энциклопедия, или Собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материях, сочиненная по алфавиту и с французского языка на российской переведенная коллежским асессором Ив. Приклонским». В книге помещены объяснения таких слов, как «Бог», «благо», «добродетель», «несчастье», «печаль», «самолюбие», «спокойствие», «тайна» и пр. — заимствованные большею частью из Эпиктета, Сенеки, М. Аврелия, Бельгарда, Оксенстерна и других писателей-моралистов. В 1768 году типографией Морского шляхетского корпуса был напечатан «Путеводитель к премудрости» Вивеса, в переводе С. И. Гамалеи*. В Петербурге в 1771 году появились (в переводе с французского П. Нечаева; посвящение — гр. Г. Г. Орлову) «Размышления и нравоучительные правила» гр. Оксенстерна: некоторые из них в другом переводе были уже ранее использованы в «Ежемесячных сочинениях» и «Трудолюбивой пчеле».

---

* И. Л. Вивес (1492–1540) — испанский философ, просветитель.

К названным изданиям следует присоединить:

3) Переводы С. Волчкова*: книгу Гофмана «О спокойствии и удовольствии человеческом» (первое издание — СПб., 1762–1763, второе — 1770; третье — М., 1780) и сочинение аббата Бельгарда «Истинный христианин и честный человек» (первое издание — СПб., 1762, второе — 1770, третье — 1780).

4) Сборники сочинений и переводов А. Олешева**. В 1774 году в Петербурге вышло «Начертание благоденственной жизни, состоящее в размышлении Шпалдинга об определении человека, в мыслях Дю Мулина о спокойствии духа и удовольствии сердца и 50-ти статьях нравоучительных рассуждений». В 1778 году там же изданы им «Цветы Любомудрия, или Философические рассуждения: о том, что нет спокойствия злым, каков есть человек в естественном состоянии, и о жизни, смерти и бессмертии человеков».

5) Сочинения участника «Полезного увеселения» В. Золотницкого***. Первым из них вышел сборник «Состояние человеческой жизни, заключенное в некоторых нравоучительных примечаниях, касающихся до натуральных человеческих склонностей» (СПб., т. Сухоп. шлях. кадет. корп., 1763); те же «нравоучительные примечания» использованы были автором в «Сокращении естественного права» (СПб., 1764), три первые главы которого были посвящены «должностям человеческим к Богу», «должностям к самому себе» и «должностям к ближнему». В 1776 году в Петербурге вышла посвященная П. И. Панину книга В. Золотницкого «Общество разновидных лиц, или Рассуждение о действиях и нравах человеческих», где общие положения разумной морали доказывались рядом примеров. Все эти труды Золотницкого заключены были его «Рассуждением о бессмертии человеческой души,

---

* Сергей Саввич Волчков (1707—1773) — дипломат, писатель, переводчик, секретарь Академии наук, директор Сенатской типографии.

** Алексей Васильевич Олешев (1724—1788) — писатель и переводчик.

*** Владимир Трофимович Золотницкий (1743 или 1741 — после 1797) — философ, поэт, переводчик; в годы учебы в Московском университете тесно сотрудничал с профессором университета И. Г. Рейхелем.

которое утверждается особливо чрез доказательство Божьего бытия, открывающегося нам из многочисленных созданий» (СПб., 1768); вместе с последним на стр. 23–40 этого издания напечатано его же сочинение «О исполнении своего назначения, или О последовании Богу».

Масонство и вольтерьянство

Мировоззрение русских масонов 1770-х годов вполне может быть названо «философским» — в смысле философии XVIII века. Постичь «законы разума» и на основании этих законов построить жизнь своего духа и тела — такова цель, стремление к которой проповедовалось в масонских организациях.

«Все, что разум человеческий благого постигнуть может, подлежит твоей деятельности», — говорилось в шведском Уставе 1777 года.

«Люди одарены разумом, — ответствовал согласно ритуалу новопринимаемый мастер Елагиной ложи, — который поучает, что делать и как поступать нам; а потому и имеем общий естества закон».

«Не найдешь ты здесь ничего, что бы разум твой поразило, — говорит мастер ложи принятому ученику, — не найдешь ничего, кроме простоты естественной, кроме любви, союзом братским утвержденной».

В таком понимании смысла человеческой деятельности русское масонство 1770-х годов совпадало с «вольтерьянством».

Взаимные отношения масонства и вольтерьянства до сих пор недостаточно ясно оценены. В определении того и другого расходятся терминологии — старинная обиходная и современная научная. Обиходный язык второй половины XVIII — начала XIX веков смешивал оба явления в одно: «вольтерьянец» и «фармазон» были синонимами. Наука XIX века резко разделила эти понятия. Вольтерьянство стали рисовать совершенно противоположным масонству течением. Обе точки зрения по-своему правы, но обе и ошибочны, если ими ограничиться. Ни вольтерьянство, ни масонство в действительности не отвечали тому представлению о них, которое создавалось в разные времена и в применении к разным людям.

Масонство не было вовсе единым умственным течением. Новоанглийское масонство 1770-х годов и розенкрейцерство 1780-х не имеют между собою почти ничего общего. Одно насквозь проникнуто рационализмом; другое носит черты подлинной мистики.

Вольтерьянство также не все на одно лицо. Обычный тип «вольтерьянца», проступающий в русской изящной литературе XVIII века, далеко не покрывает собою всех действительных вольтерьянцев[145].

Вольтерьянство становилось иногда синонимом морального нигилизма и распущенности; но это было исключение, а не правило. Как правило, вольтерьянство пыталось создать, наоборот, новую мораль, и люди, искренне ей преданные, могли быть (и бывали в жизни) не хуже в нравственном отношении, чем не вольтерьянцы. Эта новая мораль опиралась не на авторитет религии, а на главенство разума, но от того она не превращалась в «развращение нравов», а продолжала оставаться моралью и силилась поставить преграды «развращению».

Верным показателем является литература, которую создавали и читали русские вольтерьянцы. В списке переводов сочинений Вольтера или приписывавшихся Вольтеру находим произведения, которые по своему нравственно-философскому характеру всецело могут быть отнесены к вышеназванным масонским проповедям естественной морали.

Таков, например, «Путь счастия человеческого» (СПб., 1772 год) — собрание 67 нравоучительных правил. Вот некоторые из них: «Воздавай своему создателю должное», «Уступай благопристойным образом, когда кто на тебя нападает», «Храни нерушимо данное тобой слово», «Будь услужлив, скромен, учтив и приветлив», «Будь покорен начальникам без раболепства», «Подай руку помощи бедному утесняемому», «Бегай как роскоши, так глупости», «Берегись лишнего пития и пищи», «Будь добрым гражданином», «Готовься всегда умереть, как надлежит христианину».

Другой стороной примыкали к моральной масонской литературе скептические повести Вольтера. Вольтерьянство в этом сливалось с целым потоком таких сочинений, которые рассматривали жизнь и ее блага с точки зрения ничтожества человеческого существования. Вольтеровы произведения,

как «Микромегас» (перевод А. Р. Воронцова в «Ежемесячных сочинениях», 1756, т. III; перевод Сумарокова в «Трудолюбивой пчеле», 1759) и «Кандид» (перевод С. Башилова*, СПб., 1769; второе издание — СПб., 1779), подходили по своему существу к тому же направлению русской мысли, которому служили переводы Монтеня или Фонтенеля из новых писателей, Лукиана — из древних.

Лукиан переводился в нескольких доекатерининских журналах: «Ежемесячных сочинениях», «Праздном времени», «Трудолюбивой пчеле», «Полезном увеселении». В 1773 году в Москве вышли «Разговоры между мертвыми, выбранные из Лукиана Самосатского». Несколько позже изданы были в двух частях «Разговоры Лукиана Самосатского, переложенные с греческого языка священником Ив. Сидоровским и коллежским регистратором Матвеем Пахомовым». «Разговоры о множестве миров г. Фонтенеля» переведены были еще в 1730 году кн. Антиохом Кантемиром**[146]. «Разговоры по подобию Лукиановых» Фонтенеля помещались также в «Ежемесячных сочинениях» и «Праздном времени». «Михаила Монтаниевы опыты» в переводе Волчкова изданы были в Петербурге в 1762 году.

«Великолепие света вдруг в ничто обращается, — все в свете есть суета». Так выражает смысл скептического направления «разговор в царствии мертвых между Александром Великим и Геростратом».

Мотив этот излюблен был журналами 1760-х годов В 1761 году, например, писало «Полезное увеселение»:

Не постоянен свет, все в свете суета,
Проходит все как дым, сон краткий и мечта.
Нет в свет ничего, чтоб было непременно,
Нет постоянного на свете совершенно.

Скептицизм тесными узами сплетался с новой моралью разумной философии. Если телесная жизнь человеческая —

---

* Семен Сергеевич Башилов (1741—1770) — историк, археограф, один из первых издателей древнерусских памятников.

** Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744) — князь, поэт-сатирик, дипломат. Сын молдавского господаря Д. К. Кантемира.

тлен и суета, то не в ней надо искать руководящего начала: воспитание души, спокойствие духа — вот с какой стороны сияет свет истинной мудрости.

«Человек благополучие свое во внешних обстоятельствах никогда полагать не должен», — говорилось в «Ежемесячных сочинениях». Это «одно из главнейших преданий стоической философии, предлагаемое сею высокопарящею сектою о состоянии жизни человеческой».

Предания «стоической философии» и были «разумной моралью» русских вольтерьянцев. Учение древних стоиков усиленно привлекало к себе внимание образованных дворянских кругов. Книги, излагавшие это учение, далеко не всегда были прямыми переводами с античных подлинников, а подчас даже и вовсе не были переводами, лишь пересказывая — и очень отдаленно — оригинал; важно не это, а то, что они вообще появлялись в печати, притом в большом количестве, следовательно, на них был спрос.

В 1754 году вышли «Епиктита Стоического философа Евхидрион и Апофегмы» в переводе с греческого Григория Полетики*. Тогда же в «Ежемесячных сочинениях» печатаны были переведенные Щербатовым «Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплиция и Арриана». В 1765 году был издан «Дух Сенеки, или Изрядные нравоучительные рассуждения сего великого философа» в переводе В. Золотницкого. «Нравоучения Сенекины»[147] печатались еще прежде в журналах. Доступ к русскому обществу получил и Цицерон. В 1752 году изданы его «Мнения из разных сочинений, собранные для наставления юношества аббатом Оливетом» (перев. Ив. Шишкина**). В самом конце елизаветинского царствования вышли в переводе Б. Волкова «О должностях три книги». При Екатерине появились «Двенадцать отборных речей» в переводе К. Кондратовича***, «Раз-

---

* Григорий Андреевич Полетика (1725—1784) — писатель, переводчик с немецкого и латинского в Петербургской АН.

** Иван Васильевич Шишкин (1722—1770) — офицер, поэт и писатель.

*** Кирьяк Андреевич Кондратович (1703 — после 1790) — переводчик, носил шутовской титул «придворного философа» при Анне Иоанновне.

мышления о совершенном добре и крайнем зле» в переводе Ив. Посникова и «О утешении». Марку Аврелию менее посчастливилось на переводы: русские читатели получили взамен лишь переложения его мыслей. В «Добром намерении» напечатаны были «Речь Пануция Секретаря к Императору Марку Аврелию при его кончине» и «Речь Марка Аврелия Императора Римского, говоренная им самим при его кончине, к сыну своему и наследнику престола Коммоду» — обе в переводе с латинского А. Вершницкого. В библиотеке кн. М. М. Щербатова была книга «Житие и дела Марка Аврелия» (СПб., 1740). В 1773–1774 годах трудами Общества, старающегося о напечатании иностранных книг (в котором принимал близкое участие Новиков), изданы «Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия».

Опираясь на стоицизм, размышляя о ничтожестве и суете человеческой жизни, русский вольтерьянец сворачивал на дорогу иного миропонимания, начиная искать нетленных ценностей вне материального мира.

Одна лишь красота телесна,
Приятность и очам прелестна.
Не может вечно нас зажечь;
Что в членах льстит и нас пленяет,
То наглость времени съедает,
И может вскоре все пресечь, —

поучали своего читателя «Ежемесячные сочинения». И там же, в «Одах Духовных», пел Сумароков:

Колико будешь вознесен,
Толико будешь ты смирен;
Бог души горды ненавидит,
И зря с небесной высоты,
Все действо здешне ясно видит.

Опровергая мнение Лукреция, студент Дмитрий Аничков[148] писал в «Полезном увеселении»: «Душа человеческая есть подлинно бессмертная».

«Смерть, где твое жало? — спрашивал на страницах того же издания Алексей Нарышкин. — Живущая искра небесного пламени, оставь, оставь сие смертное тело. Дрожать, на-

деяться, трепетать, лететь, — какое мучение! Какое блаженство в смерти!»

Нартов в своих «Рассуждениях о смерти» исходил из положения, «что вечное блаженство смертных не может быть не естественно, но должно соответствовать естеству, одаренному изобильно разумом и волею». Это естественное блаженство не может заключаться в материальной жизни, так как она не вечна: следовательно, оно — в жизни духа, которую смерть не прекращает. Поэтому человек «должен привесть свою волю и желания в порядок целомудрием, обузданием своих страстей и всеми прочими добродетелями».

Стоическая мораль и основанный на познании естества идеализм приводили русских «философов» XVIII века к гармоническому слиянию мудрости разума с учением Св. Писания. «Сто четыре священные истории» одновременно с Вольтером читал русский вольнодумец 1770-х годов. Ильин был поклонником французского философа. Он даже табакерку себе купил «с изображением портрета г. Волтера». Но тот же самый Ильин старательно посещал московские церкви и составил подробный их реестр.

Переложение Херасковым Вольтеровых «Мыслей, почерпнутых из Екклезиаста» как бы закрепляло эту связь между разумом и Св. Писанием. На философском языке та же связь была выражена понятием о божественности разума: всю жизнь надо строить по велениям естества, но сам разум только искра «небесного пламени», зажигающая душу человека.

Новая мораль, которой требовало вольтерьянство, была непосильна для одного человека. Шум мирских соблазнов заглушал начала добродетели. Выход и спасение были в том, чтобы люди новой морали соединилась вместе — образовали сообщество. Организация его должна, очевидно, быть замкнутой. Широко раскрытых дверей боялся и учитель русских вольнодумцев Вольтер; известны его слова: «Когда чернь примется рассуждать — все погибло». Толанд*, провозглашавший новую рациональную религию, вместе с тем оговаривал, что это — религия для немногих. В соответствии

* Джон Толанд (1670—1722) — англиский философ-рационалист.

со словом вождей и русские вольнодумцы стремились оградить свое учение от широкой огласки.

Тот только знает истинное сообщество, «который бегает от шуму и довольствуется малым числом людей, которые между собою только обходятся». Так писал в «Ежемесячных сочинениях» молодой философ, будущий приятель Вольтера, успевший уже и теперь его начитаться, гр. А. Р. Воронцов. Такое тесное общество русские вольтерьянцы и нашли себе в масонских ложах первого Елагина союза. «Фармазоны» этих лож почти сплошь вольтерьянцы; обратно, среди русских поклонников Вольтера едва ли не все в 1770-е годы были масонами.

Одним из наиболее ревностных вольтерьянцев в русской литературе был «дворянин-философ» Ф. И. Дмитриев-Мамонов. Его аллегория 1769 года, изображающая людей со всеми их усилиями в виде муравьев, копошащихся на жалкой земле, — проникнута вся духом «Микромегаса», насмешкой разума над неустройствами земной жизни. Но Дмитриев-Мамонов был в то же время и масоном.

Просматривая далее список переводчиков Вольтера, все время находим среди них лиц, заметных по своему участию в масонских организациях. Масонами были, например, А. Р. Воронцов и А. П. Сумароков — переводчики «Микромегаса» (1759); вероятно — Ив. Л. Голенищев-Кутузов, переводчик «Задига»; Ал. Спиридов (член л. Нептуна) — переводчик «Скармантадовых путешествий» (1773); М. М. Херасков — переводчик «Мыслей, почерпнутых из Екклезиаста» (1764; 2-е изд., 1779; 3-е изд., 1786); Е. В. Рознотовский* (член л. Урании) — переводчик «Истории сокращенной о смерти Каласа» (1788). Среди тех лиц, которым посвящены переводы Вольтера, находим также масонов: «История о крестовых походах» (1772) посвящена гр. З. Г. Чернышеву; «Уборный стол г-жи Маркизши Помпадур» (1777) посвящен О. П. Козодавлеву (члену л. Равенства); «Сочинения г. Вольтера» (1784) и «Политическое завещание г. Вольтера» (1785), посвящены И. И. Михельсону (члену л. Благотворительности, ок. 1785).

---

* Ефим Васильевич Рознотовский (1737—1792) — писатель, переводчик, член Главной Дворцовой Канцелярии (1777).

Несколько известных литературных предприятий XVIII века, носивших ярко выраженный «философский» характер, налажены были почти исключительно при участии масонов. В 1767 году «при Императорском Московском университете» напечатаны были «Переводы из Энциклопедии», ч. I–III. Редактором издания, как видно из предисловия к I части, был М. М. Херасков. В этом же предисловии означены были «имена трудящихся в переводе, с показанием взятых ими материй». Среди них находим следующие, по большей части знакомые уже нам имена: А. И. Бибиков, гр. А. П. Шувалов, М. М. Херасков, кн. Ф. А. Козловский, С. В. и А. В. Нарышкины, А. А. Ржевский, А. П. Мельгунов, Д. В. Волков, кн. Н. Н. Трубецкой. В 1768 году по инициативе Екатерины издан был «Велизер, сочинение г. Мармонтеля, переведенный с французского на Волге разными знатными особами». Переводом Велизера, путешествуя по Волге, занималась сама Екатерина II с некоторыми лицами своей светы: первую главу перевел И. П. Елагин, вторую — гр. З. Г. Чернышев, третью — С. М. Кузмин, четвертую — И. П. Елагин, пятую — гр. Г. Г. Орлов, шестую — Д. В. Волков, седьмую и восьмую — Алексей Вас. Нарышкин, девятую — Екатерина, десятую, одиннадцатую, двенадцатую — Д. В. Волков, тринадцатую — А. И. Бибиков, четырнадцатую — гр. В. Г. Орлов, пятнадцатую — Г. В. Козицкий[149]. Тогда же императрицею учреждено было «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг». Почину собрания более всего обязаны появлением своим в русском переводе Вольтер и французские энциклопедисты. Труды их не только продавались в лавках; была даже попытка наладить разносную продажу философских сочинений по улицам Петербурга. В числе участников этого вольнодумного предприятия было много масонов или лиц, вступивших позднее в масонство: И. А. Алексеев, С. И. Гамалея, И. А. Дмитриевский, А. М. Кутузов, В. А. Левшин, М. И. Попов, А. Н. Радищев, И. А. де Тейльс и др.

Обратное увидим, присмотревшись к составу Елагиных лож: многие из членов их — несомненные вольтерьянцы. Не случайны были сетования архимандрита Гедеона на то, что «секта оных масонов умножается, и философы Вольтер и Руссо величаются». Участие в масонских ложах не толь-

ко деистов-вольтерьянцев, но и атеистов засвидетельствовано самим Елагиным. «Единому молотка удару», по его словам, покорны были одинаково «богопочитающие и атеисты». «Вольтер и ему собразные, — сколько было известно Елагину, — находились в обществе свободных каменщиков»[150]. Ложа Урании давала у себя приют многим поклонникам рационалистической философии. В ней принимали участие бывшие лейпцигские студенты Радищев, Рубановский, Челищев; знатные ценители Вольтера Бибиков и Волков. В ложе Равенства состояли Козодавлев, известный esprit fort; кн. Щербатов — приверженец энциклопедистов; Ильин, который покупал себе и книги соответствующего духа, например «Задиг» Вольтера и «Велизер» Мармонтеля.

Мораль и религия, которым подчинялись в своих ложах русские масоны 1770-х — начала 1780-х годов, для новоанглийских лож первого Елагина союза могут быть восстановлены лишь отчасти.

Можно только сказать с уверенностью, что вопросы новой религии и морали серьезно занимали адептов Елагина масонства, несмотря на всю внешнюю пустоту собраний лож, несмотря на подчас ироническое отношение братьев к ритуалу. Даже в дневнике беззаботного Ильина виден иногда этот серьезный интерес Елагиных масонов к существу своего учения. 1 мая 1776 года записывает, например, Ильин: «Я пошел к Алексею Петровичу [Прончищеву] у коего были Юрий Александрович Нелединский и братец, это был первый час пополуночи в начале, где просидел до трех часов, а потом с братцем поехал к нему ночевать. Застал я у Алексея Петровича материи, чрезвычайно рассуждением наполненные умным, или по крайней мери мне такими казались, которые больше происходили от Нелединского или же совсем от него, потому что почти никто против него не говорил, да и не осмелились никто. Рассуждения его и доказательства из головы брались, как река течет, и на все ответ короткий. Кажется, многие человеческие большие умы вселились к нему в голову вместе с памятью».

Отрывочные сведения Елагиных ритуалов могут быть дополнены на основании современных им актов иного направ-

ления. Без боязни ошибиться мы можем некоторые формулы рейхелевского или шведского масонства приблизить к масонству Елагина.

Весь ритуал собственно Елагиных лож приспособлен был к понятиям рационалистической религии, основанной на морали. Масон признавал разумное Высшее Существо, которое руководит добродетельными движениями его сердца. По окончании приемной ученической ложи читалась особая молитва этому Высшему Существу: «Великий, всесильный архитектор, Боже Преблагий, подавший нам днесь силы к трудам нашим, приими благодарение сердец, истинны Твоея коснувшихся, и сотвори, да все мы везде о ней размышляя, пойдем путем, Тебе благоприятным».

Сообразно с этим 6-я статья Рейхелевых «Всеобщих положений» масонства гласила: «Истинному свободному каменщику подобает со всяким усердием чтить и любить Всевышнего, Всесвятейшего, Великого Зиждителя Вселенной». Подробнее определялось отношение масонов к Божеству в шведском «Уставе или правиле свободных каменщиков» (1777); первое отделение его составляли «Должности к Богу и к религии», второе говорило о «Бессмертии души». В предисловии к «Уставу» так было выражено это Первое отделение: «Храни благоговение к существу исполненному Величества, действием воли своея сотворшему Вселенну, и сохраняющему ее непрерывным своим деянием. Повергни себя пред Словом воплощенным, и благословляй Провидение, произведшее тебя в свет между христианами. Исповедуй Божеский закон сей на всяком месте и исполняй все нравственные должности, в нем предписанные. Во всех твоих деяниях яви разумное благочестие без лицемерия и лжесвятости или фанатизма».

Такие же мысли высказывались в карманной книжке масона — «Экономии жизни человеческой». «Все происходит от Бога, — учила эта книжка, — власть Его не имеет пределов, премудрость Его предвечна, и благость Его бесконечно долготерпелива».

Религия рационалистического масонства была тесно связана с моралью, насквозь пропитана ею. Главные «работы» каменщика 1770-х годов (как и низших трех степеней позднейшего масонства) посвящены были упражнению в морали. От

вступающего в братство прежде всего требовалось добродетельное и твердое поведение. Новопринимаемый в Елагину ложу ученик произносил так первые слова своей присяги:

«Клянусь честию моею, перед всевышним Создателем света, что вступив я по искреннему моему желанно, в добродетельное общество масонов, пребуду навсегда, честным и скромным человеком, добрым послушливым и миролюбивым оного членом, непоколебимым исповедателем величества и премудрости всевышнего Творца, верным милосердому Государю своему подданным, прямым и достойным сыном любезного Отечества моего, мирным и добрым гражданином. Что я в сея минуты изжену из сердца моего не только мщение, но и всякое негодование на оскорбивших и обидевших меня в житии моем, что всегда и властью и собственным моим имением, потщуся помогать бедным, утешать несчастных, защищать гонимых, не только братию мою масонов, но и всякого звания достойных».

«Семь должностей», о которых упоминал в своей речи мастер ложи, были те же самые моральные правила, которые и позже сохранялись для иоанновских степеней. Это — 1) скромность, 2) повиновение, 3) добронравие, 4) любовь к отечеству, а паче к братии, 5) постоянство, 6) щедрость и 7) любовь к смерти[151].

Масонские добродетели всецело были основаны на требованиях рассудка.

Лишь должно гнусну злость из мысли истреблять,
И надобно во всем рассудку подвергаться,
Мы можем в свете сем довольно утешаться, —

советовал Ржевский Нарышкину.

Опыт применения новой рациональной религии к жизни целого государства нарисовал кн. Щербатов в своем «Путешествии в землю Офирскую» (1784).

Щербатов пытается поставить религию исключительно на рационалистических основах. «Мы люди, а потому суть твари, одаренный рассудком», — объясняет путешественнику офирянин принципы религиозного быта своей страны.

Общественная молитва совершается в храме, вся обстановка которого заимствована из масонских лож. Храм «по-

строен из дикого камня». Посредине его находится солнце (= блистающей звезде масонских лож); «на серебряном кругу голубою финифтью была изображена цифирная литера, знаменующая единакость».

Священник — «в длинном белом платье, имеющий род нагрудника [соответствует масонскому переднику, или запону], на коем находилось выкованное такое же солнце... взошед на возвышенное место, сказал: вознесите мысли свои к Вышнему. А потом, став на колени, с частым преклонением читал молитву, и все, бывшие тут, в глубоком молчании и с потупленными очами, также стоя на коленях, и с преклонением на землю, приносили молитву в молчании. Молитва сия не долее двух минут продолжалась, когда восстал священник и обратясь к народу, сказал: да услышана будет молитва ваша перед Господом, и после сего начали расходиться».

Священник по выходе из храма оказывается офицером полиции: «понеже, что полиция у них есть для сохранения нравов, то из граждан и выбираются те, которых они достойнейшими почитают, в главные надзиратели частей по три человека, которые тогда же определяются быть священниками единого Бога». Эти три человека «по очереди исправляют молитву в храме, наблюдают о нравах гражданских и о всем, что касается до тягости народа; прочие же должности исправляются другими определенными; многие из них и другие места имеют». Тот, с которым познакомился путешественник, состоял также начальником высшего земского суда.

Священники не получают дохода ни от храма («приносить мольбы Вышнему — сия есть должность каждого человека, то какому и доходу за сие быть?»), ни по должности полицейской («ибо первое, она весьма не трудна, а второе, она есть такая, которая защищает жителей от всякого притеснения, то и в сем случае одной довольно чести»). Жертв офиряне никаких не приносят, «ибо лучшая жертва Вышнему существу есть сердце чистое, а для сего каждый офирянин имеет должность, под опасением немалой пени, кто бы он ни был, прийти единожды в неделю в храм Божий и Ему краткую молитву принести».

Молитвы «весьма кратки... и их весьма немного, а именно: 1) ежедневные, 2) на рождение младенца, 3) на бракосочетание и 4) на погребение».

Таинств в религии офирян нет: брак, например, «не есть дело, касающееся до веры, но до гражданских законов, а благословение, чинимое браком во храме, есть токмо дабы оные учинить тверже и непоколебимее».

Дела по разводу рассматривает «главный трибунал благочестия».

Религия, полиция, суд и санитария совершенно переплетаются между собою: все основано на доводах рассудка, чувству или откровению нет доступа к духовным делам Офирской земли.

2. Разложение рационализма

В 1782 году в известном своем курсе «О трех познаниях — любопытном, приятном и полезном» московский профессор Шварц разделил на три степени всю душевную жизнь человека. В первой главенствует разум, во второй — чувство, в третьей — откровение. Сообразно этим степеням делится и все познание человека. Для того чтобы достигнуть высшей, он должен непременно перейти через две первые.

Слова Шварца не противоречили тому пути, который действительно проходили многие русские масоны от Елагиных лож до розенкрейцерства. С другой стороны, слова эти отвечали обычному порядку многоярусных систем масонства. Все, чему учили на низших иоанновских степенях, было лишь символом; толкование давалось последующими градусами.

На пути к откровению надо было предварительно воспитать разум и чувства, проведя свое «я» через горнило самопознания и морали. Для новоанглийских лож 1770-х годов существенный смысл масонства заключался как раз в разумной морали. Для розенкрейцеров следующего десятилетия, наоборот, установилось правило, что «мораль не есть еще каменщичество, а только необходимое преддверие оного».

Подобно морали, промежуточной степенью был и разум.

«Многие, устремясь к единой благодати, не брегут о разуме, — говорил Поздеев своему ученику Римскому-Корсако-

ву*, — но сие не так. Разум есть необходимое звено к благополучию человека, от Бога пожалованное. Так точно многие желали бы иметь дело с ангелами, минуя человеков; но вопрос: сообразны ли им? Многие братья хотели бы иметь дело с вышними начальниками, но вопрос: сообразны ли им? А сии имеют ли время ими заниматься? И так сообразность и посредствующие звенья составляют порядок».

«Я не отвергаю совершенно наук, преподаваемых человеками, — заявлял Шварц своим слушателям, — хотя они и не служат к сооружению блаженства нашего: они суть также дары, происходящие от Бога, и человек, преданный Богу и для ближнего стремящийся к наукам сим, учиняется способнейшим орудием, чрез которое Бог, помощью самых сих наук, падших человеков к себе привлекает».

В одной из своих лекций Шварц говорил: «Никакой злодей не может вредить никому, кроме подобных же ему злодеев; Вольтер во всех своих сочинениях учит добродетели: но имевши несчастье быть воспитану в таком круге, где те, кои должны были защищать свою религию, ее посрамляли и опорачивали, вздумал он, что все такие священнослужители обманщики и плуты, и, вступив в ученый свет еще в малолетстве, заблудился своею остротою и так сказать, побежав, прошагался».

«Разве разум не дар Божий? — спрашивал в одной своей речи 1785 года Поздеев. — Да, он дар; но грехом развращен и от света удален».

«Разум есть дар Божий, который мы должны воспитывать и приводить в большее совершенство», — записывал А. П. Римский-Корсаков поучение Поздеева.

«Наши разумы, — писал Поздеев другому своему ученику, — должны черпать из всеобщего разума; мало-помалу все сделается ясно, надобно только в простоте просить и немедля благодарить».

Символическое понимание было удобной щелью, через которую до высших степеней новиковского кружка прони-

---

* Андрей Петрович Римский-Корсаков (1784—1862) — гражданский губернатор Волынской губернии, отец композитора Н. А. Римского-Корсакова.

кал рационализм раннего русского масонства. «Доказать скоро можно, что не должно пренебрегать мыслями, — говорил Поздеев, — ибо всякое дело доброе и злое начинается в нас первоначально мыслями. Все, что произошло в свете: перевороты, войны, основание государств и их разорение, заблуждения и все, что ни делалось, первоначально было мыслями тех людей, которые похотели что-нибудь в свете произвесть, потом мысли превращались в слова, а наконец следовало и произведение в дело того, что они прежде в мыслях расположили».

Типичный образец применения разума как служебного орудия на пути к откровению находим в посвященном Татищеву «Рассуждении о истинном человеческом благе» ученика Шварца — Лаврентия Давыдовского (напечатано в I части «Вечерней зари», а затем отдельно — в Университетской типографии у Новикова в 1782 году).

Давыдовский начал свое рассуждение с рационалистического обоснования идеализма. «Последуя здравому рассудку, — говорил он, — непременно надо положить, что истинное благо должно быть одно общее всему человеческому роду. Следовательно, из бесчисленных путей, по которым смертные к нему текут, один только должен быть прямой, ведущий к желаемому их предмету, прочие же кривые и ведущие в противную сторону. Из сего явствует, сколь важное, спасительное и нужное есть изыскание сего пути. Последуя законам здравого разума, которые толико одобряют размышление, изыскивал я, в чем состоит сие истинное благо и какими средствами оного можно достигнуть». Тленность дает лишь временное благо, — она обманывает доверившегося ей. Единственное прочное благо — «совершенство нашего духа». Следовательно, источник истинного нашего удовольствия и блаженства должен быть «прощение и добродетель».

Заканчивал Давыдовский призывом — «при блистающей звезде разума» — «положить в скинии сердца нашего скрижали заповедей Божиих, и тогда воссияет на нем свет истинный».

Такой же смысл имели переводы и сочинения товарищей Давыдовского по «Переводческой семинарии» в журналах

Новикова «Утренний свет» (1777—1780), «Московское издание» (1781) и «Покоющийся трудолюбец» (1784) [152].

Новиковскими типографиями было издано (особенно в начале 1780-х годов) несколько и отдельных произведений, в которых проповедовались разумные законы естества. Такова, например, «Апология, или Защитительное рассуждение о роде человеческом», посвященный Хераскову перевод французской книги д'Арка (издан был «иждивением Н. Новикова и Компании», 1782 год). Кроме того, «иждивением Н. Новикова и Компании» напечатаны были в Университетской типографии: в 1783 году — «Брут трагедия» Вольтера (перевод В. Иевлева*) и «Дух Бюффона» (перевод А. Малиновского**); в 1784 году — «Сатирические и философские сочинения г. Волтера»[153]; в 1785 году — «Велизер» Мармонтеля (третьим тиснением).

Второй ступенью человеческого познания по Шварцу было чувство. Действительно, «религия чувства» многим русским вольнодумцам послужила мостом для перехода от «религии разума» к «религии откровения».

«Религия чувства» начала развиваться в кругах масонства в те же 1770-е годы, когда еще так прочно было убеждение в неколебимой силе разума естества.

В 1776 году, «пробуя перо» в гостях у Ильина, друг его и тоже масон И. А. Петров написал на клочке бумага: «Что я чувствую, то мой закон; ибо склонности есть необходимость: следовательно, и правила, взятые из оных, неопровергательны». Тот же Петров писал Ильину длинные письма о своих душевных переживаниях по поводу безнадежной любви к одной богатой московской княжне[154]. Письма эти Петров писал не потому, что отделен был от Ильина далеким расстоянием:

---

* Василий Трофимович Иевлев (годы рождения и смерти неизвестны) — переводчик, драматург, гвардии капитан, происходил из старинного дворянского рода.

** Алексей Федорович Малиновский (1762—1840) — переводчик, археограф, драматург; сенатор, главный управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел. Брат первого директора Царскосельского лицея — В. Ф. Малиновского.

оба они тогда (в 1775 году) жили в Москве; Петров одно из своих писем лично даже передал приятелю. Пером его двигало желание подробно описать тот «чувствительный удар», те «воздыхания» и «мучительные чувства», которые вселила в его душу княжна.

К 1780-м годам сентиментализм постепенно овладевает душою русского масона, занимая место рационализма. Иван Андреевич Петров — знакомый Карамзина и брат его близкого друга — Александра Андреевича Петрова*. В кругу Карамзина, Петровых и другого карамзинского приятеля А. М. Кутузова находила себе культ «религия чувства». Карамзин близко прошел в своем развитии около розенкрейцерского мистицизма. Оба друга его, А. А. Петров и А. М. Кутузов, подпали этому последнему настроению. Видный член новиковского кружка И. В. Лопухин до конца дней своих был почитателем одного из столпов сентиментализма — Руссо.

Другой центр «религии чувства» среди людей, близких масонству и мистицизму, был в Павловске в резиденциях великокняжеской четы. Роман Павла Петровича с фрейлиной Нелидовой, письма последней, первоначальное отношение к ней Марии Федоровны — все построено на основе сентиментализма. Восторженное почитание Руссо Мария Федоровна привезла с собой из Этюпа в 1776 году. В ее детской и девичьей жизни культ Руссо занимал первенствующее место.

Этот культ Руссо продолжался в близких масонству кругах как прочная традиция русского масонства и в XIX веке. В Румянцевском музее хранится один позднейший сборник выписок из уважаемых масонами сочинений: наряду с изречениями Эккартсгаузена, Лабзина, Лопухина, Павла Голенищева-Кутузова, он заключает в себе и мысли Руссо.

Переводы Руссо находили себе читателя в России уже в 1770-х годах. Друг И. А. Петрова — Ильин, например, в ап-

* Александр Андреевич Петров (ок. 1763–1793) — переводчик, сотрудничал в журналах «Утренний свет», «Детское чтение», «Беседы с Богом», «Размышления о делах Божьих», в «Московском журнале». Оказал влияние на формирование личности и творчества Н. М. Карамзина.

реле 1776 года купил себе у книгопродавца Миллера «Господина Жанжак Руссо о науках и художествах рассуждение».

Число изданных русских переводов из Руссо было вообще довольно значительным. В 1770 году без означения места и времени издания напечатаны были «Размышления о величестве Божии, о Его промысле и человеке господина Ж.Ж. Руссо» (переведены Сем. Башиловым в 1769 и 1770 годах). Тогда же в Москве появились и переводы Павла Потемкина: 1) «Рассуждение Ж.Ж. Руссо на вопрос: какая добродетель есть самонужнейшая героям, и которые суть те герои, кто оной добродетели не имели?»; 2) «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми».

Другой выразитель сентиментального направления, Геллерт, также ценился в России 1770-х годов. В Москве напечатаны были в 1773 году его «Утешительные рассуждения против немощной и болезненной жизни» (перевод А. Шумлянского), а в 1775 и 1777 годах — его «Нравоучение» в двух частях. В Петербурге в 1775 году вышли его «Басни и сказки» (две части, в переводе М. Матинского).

В конце 1770-х и в 1780-х годах издательским центром для печатания произведений, носящих больший или меньший оттенок сентиментализма, явились новиковские предприятия (особенно Университетская типография в начале 1780-х годов).

Из творений Ж.Ж. Руссо было напечатано в 1781 году «О блаженстве» (перевод И.Л. «Члена Вольного Российского Собрания», то есть, конечно, И.В. Лопухина), а в следующем году (вторым изданием) «Рассуждение о начале и основании неравенства».

Переводы из Э. Юнга помещались в Утреннем Свете еще до переезда Новикова в Москву («Гимн на правосудие Божие» в III части 1778 года, первые три «Ночи» — в IV и V частях 1778–1779 годов); в Москве в «Утреннем свете» напечатаны остальные «Ночи» (в VI и VII частях 1779 года); «Плач Юнга, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» в переводе А.М. Кутузова издан был и отдельно в 1780 году (второе издание в тип. Лопухина в 1785 году). Тогда же вышло «Торжество веры над любовью», перевод с французского И.В. Лопухина (2-е издание, в Компанейской типографии, 1787 год).

Некоторые басни Х. Ф. Геллерта находим в VIII части (1780 год) «Утреннего света»; его «Примечания на Священное Писание» — в III части московского издания (1781 год). В 1782 году в стихотворном переложении старца Аполлоса напечатаны «Песни духовные славнейшего Х. Ф. Геллерта». В 1786 году Компанейской типографией выпущено было второе издание его же «Утешительных рассуждений».

В 1778 году в переводе И. Захарова*, сперва в «Утреннем свете» (III и IV части) вышла «Авелева смерть» С. Геснера (перевод позже был издан отдельно, М., 1780); вероятно, в переводе того же Захарова, в III части «Утреннего света» (1778 год) напечатана была идиллия Геснера «В часы приятного Аврорина восхода». (Кроме того, в 1783 году в Санкт-Петербурге, в типографии Брейткопфа, была издана «Деревянная нога, швейцарская идиллия», перевод Карамзина; в 1786 года в Москве в Театральной типографии — «Идиллии и пастушьи поэмы», перевод В. А. Левшина.)

Х. М. Виланда «Симпатии» и «Видения Мира невинных человеков» были напечатаны во II части «Утреннего света» (1778 год). В 1782 году появился его «Новый Дон Кишот» (перевод Ф. Сапожникова**, издан «иждивением Новикова и Компании»); в 1783 году вышел его же «Комбаб».

В 1783 году вышла «поэма великого Галлера» — «О происхождении зла» (перевод Н. М. Карамзина).

3. Мистическая литература

Если для масонства рационалистического приходится искусственно воссоздавать книжный фонд, как бы из обломков идей строить целостное здание духовной жизни, то для масонства мистического задача гораздо проще. Масон-

* Иван Семенович Захаров (1754–1816) — писатель, переводчик, председатель Беседы любителей российской словесности и член Российской академии (1786), сенатор.

** Федор Исаевич Сапожников (1749–1789) — дипломат, переводчик, преподаватель немецкого языка и словесности в Московском университете.

ство это само думало и заботилось о таком здании. Организация мысли была основной целью московских розенкрейцеров.

Две главные задачи стояли перед ними: 1) создать самое литературу, то есть озаботиться сочинением и переводом подходящих книг, обеспечить рукописные копии их или печатные издания и 2) открыть этой литературе путь к душе читателя, то есть подготовить этого последнего, дать ему в руки книгу, растолковать мысли, в ней заключающиеся.

Разрешение этих задач и взял на себя новиковский кружок. Из среды его выходили авторы и переводчики мистических книг. Для подготовки их кружком была создана при Московском университете особая «Переводческая семинария».

Часть книг распространялась в рукописных копиях, но очень многие были напечатаны. Центром, вокруг которого вращалась вся литературная работа кружка, было новиковское издательство, типографии Новикова, его деятельная, никогда не успокаивающаяся, вечно ищущая себе проявления личность. Новиков более других членов кружка имел дело с литературными работниками, заказывал самые переводы, иногда — чтобы впредь не отвращать людей от этого дела — покупал по два или три перевода одной и той же книги, печатая лучший из них и уничтожая остальные; рукописи вредных или безнравственных, по его мнению, книг Новиков иногда покупал, а затем сжигал, чтобы не распространялся соблазн.

В отношениях с литературными тружениками Новиков старался быть всегда справедлив и доступен, ведя для этого постоянную борьбу с оберегавшими его покой «домашними». Кроме Новикова, принимали участие в заведовании переводами Тургенев и Кутузов, которые исполняли обязанности редакторов по отношению к переводам А. А. Петрова, Д. И. Дмитриевского* и др.

«Всех посторонних, имеющих до меня дело, — писал Новиков бар. Шрёдеру, — [я] во всякое время к себе пускал и пу-

---

* Дмитрий Иванович Дмитриевский (1758 (63?) — 1848) — писатель, переводчик, философ, директор училищ Владимирской губернии.

скаю и деньги сам платил, и весьма часто подтверждал, чтобы ни одному человеку не отказывали, но тотчас бы пускали ко мне или сказывали, когда я в кабинете».

Предания, идущие от большинства работников кружка, говорят о чрезвычайной щедрости Новикова, платившего небывалый цены за переводы. Иного мнения держался Болотов. Он сам получал от Новикова за издание «Экономического магазина» сперва 400 рублей в год, а с 1781 года — 500 рублей. Прежний его издатель Ридигер платил ему за «Сельский вестник» всего 200 рублей в год. Гонорар, получавшийся Болотовым от Новикова, никак нельзя признать недобросовестно низким. Тем не менее Болотов уверен был в корыстных намерениях Новикова. Болотов думал, что, получая большие доходы от своих типографий, Новиков держит в черном теле своих литературных работников. Одного из последних — убежденного ученика розенкрейцеров В. А. Левшина — Болотов называл «таким же трудолюбцем», как он сам. «Оба мы с ним были в сие время [1788 год] — черкасские волы и трудились над сочинениями и переводами без отдыха. Г. Новиков отдавал ему тогда переводить ту огромную немецкую книгу, которая напечатана потом под заглавием "Хозяин и хозяйка" и состояла в 12 томах. И я рад был, что от труда сего избавился, ибо сперва хотел было г. Новиков на меня сей страшный и скучный труд навалить».

Первоначальным орудием Новикова была типография Московского университета. Новиков взял ее в аренду (с 1779 года) при посредничестве университетского куратора Хераскова. Контракт заключен был на десять лет (с 1 мая 1779 года по 1 мая 1789 года), причем все типографские служители должны были получать жалованье от Новикова; арендная плата была определена в 4500 рублей.

Новиков привлек к себе для денежной поддержки двух компаньонов. Несмотря на это, распоряжался типографией он первое время вполне самостоятельно. «При начале заведения сих дел, — каялся он позже бар. Шрёдеру, — я многое делал по умственности».

Однако уже с начала 1780-х годов Новиков не всегда является единоличным издателем; из университетской типогра-

фии часто выходят книги, на которых значится, что они напечатаны «иждивением Н. Новикова и Компании».

С такой пометой в 1782 году, например, изданы были «Беседы святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийского, на Шестоднев», «Духовные преполезные беседы преподобного отца нашего Макария Египетского, нареченного Великим», «Вера, надежда, любовь, учения богословского состав», сочиненный иеромонахом Аполлосом, и др. Компания, с которой разделил типографское дело Новиков, состояла исключительно из розенкрейцеров. Московский округ ордена, давая средства, брал на себя и все направление дела.

Орденским начальникам Новиков во всем должен был давать отчет. «Письма Коловиона к начальнику»[155] заполнены делами типографии. Новиков посылает Шрёдеру требуемые им росписи «1) книгам, которые [у него] есть; 2) актам, кем которые переведены и переводятся кем именно; 4) книгам, которые в публичной типографии напечатаны, на отечественном и на иностранных языках; 5) книгам, которые в тайной типографии напечатаны и печатаются»[156].

Желая поставить Алексеева (вероятно, И. А.) во главе конторы, «для смотрения за типографическими делами», Новиков испрашивает на это повеления начальника и, согласно указаниям последнего, ведет переговоры с Алексеевым, назначает ему 250 рублей «годового жалованья, комнату и стол, чем он совершенно доволен».

Новиков обращается к своему орденскому начальнику за повседневными советами, например, можно ли ему иметь «строгое смотрение» за типографскими «рабочими людьми», большая часть которых, «по прежнему за ними несмотрению, избалованы и пьяницы».

Университетская типография, носившая полуофициальный характер с ее казенным оборудованием, представляла, однако, значительные неудобства: в качестве орденского предприятия она была вынуждена часто производить работы, вовсе чуждые целям ордена, в видах коммерческих — для уплаты аренды или по казенной надобности.

В этих затруднениях московским розенкрейцерам весьма кстати пришел на помощь указ 15 января 1783 года «о вольных типографиях».

На основании указа розенкрейцеры начали выпускать часть своих изданий под фирмой «вольной типографии И. В. Лопухина». Распоряжался всеми делами ее тот же Новиков[157].

Вероятно, это не была особая типография, а именно только особая фирма. К такому выводу приводят следующие соображения: 1) Некоторые издания Лопухина появлялись одновременно и в Университетской типографии; 2) «Хризомандер» (М., 1783), изданный с пометою типографии Лопухина, одновременно, в том же формате, с тем же количеством страниц, появился и под фирмою Университетской типографии.

Некоторые книги типографии Лопухина появлялись с тем же постраничным расположением, тою же печатью, но под другою пометою: такова «Апология, или Защищение ордена вольных каменщиков» (Штарка), вышедшая в 1784 году под фирмами Лопухина и Рассказова, причем оба издания совершенно одинаковы, но в последнем из них титульный лист — вклеенный.

С 1783 года наиболее секретные орденские книги печатались не для продажи, а только для употребления братьев, без означения места и года издания (почти все — сплошь курсивом); типография, назначенная для них, «состояла из двух только станов» и «считалась под именем Лопухина». Можно, однако, сомневаться в том, что она была «отделена» от лопухинской, как говорит Новиков. Курсивом, присущим «тайной типографии», напечатана, например, «Колыбель камня мудрых, описанная неизвестным Шевалье», вышедшая в 1783 году под фирмою Лопухина; с другой стороны, несомненным шрифтом лопухинской типографии напечатано «Простосердечное Наставление о молитве» («тайная типография», около 1783 года).

В доме, бывшем Шварца, в так называемой Меньшиковой башне, устроена была и совершенно отдельная тайная типография, специально предназначенная для печатания немецких орденских книг. Все рабочие этой типографии были немцы и получили особое содержание. Дела ее шли плохо. Об этом, по крайней мере, свидетельствует Шрёдер для 1785 года.

Издания, вышедшие из типографии Лопухина или «тайной», были собственностью не лично Новикова, но всего ро-

зенкрейцерского кружка. Неопределенные юридически отношения членов кружка сильно тяготили Новикова.

«Наиискреннейше признаваясь» Шрёдеру, «что сие страдание, как наказание [он] действительно заслужил» своей первоначальной типографской самодеятельностью, Новиков вместе с тем оговаривал, что типографское дело кружка «распространилось весьма обширно» и «силы одного человека не могут объимать его». «Свидетельствуюсь совестью, — писал Новиков своему начальнику, — что сие бремя удручает меня, и я с крайним нетерпением ожидаю того, чтобы я при сем деле был только поверенный, что по действительному учреждению Компании исполниться может».

«Типографическая Компания в Москве» официально была «составлена» 1 сентября 1784 года. Учредителями ее были исключительно розенкрейцеры. При этом в капитал Компании двое братьев Новиковых внесли свой пай «на несколько тысяч книгами и дом, что в 5-й части» (на Никольской ул.); двое братьев кн. Трубецких, А. М. Кутузов, бар. Шрёдер, А. Ф. Лодыженский, двое братьев Лопухиных, кн. А. А. Черкасский, И. П. Тургенев и В. В. Чулков — вложили в Компанию различные денежные суммы (от 3 до 10 тысяч каждый); С. И. Гамалея и кн. К. М. Енгалычев приняты были «без капитала».

В 1785 году некоторые книги, изданные «иждивением Компании», печатались еще в Университетской типографии (например, «Новая Киропедия» Рамсея), другие — в типографии Лопухина («О заблуждениях и истине» Сен-Мартена) и лишь меньшая часть — в компанейской («Начальные основания деятельного христианства... для детского чтения»), которая, очевидно, не вполне была оборудована. Начиная с 1786 года издания Компании сосредоточиваются в ее собственной типографии в 20 станов, в доме Гендрикова (ныне Спасские казармы). Гендриковский дом послужил поводом к значительным недоразумениям в среде членов Компании.

В 1785 году Шрёдер приторговал этот дом для нужд ордена, дал задаток и уехал за остальными деньгами в Мекленбург, получать наследство «от весьма богатого дяди». Надежда на дядю не оправдалась; Шрёдер вместо денег прислал

в Москву письмо с советом продать дом. Так как в доме уже произведена была значительная перестройка и затрачены немалые суммы на оборудование аптеки, то по настоянию Новикова «сей бедственный дом» не продали, а взяли в собственность Типографической Компании. Шрёдер, вернувшись в Москву, выдал на имя Компании и купчую.

Вслед за тем он пожелал выделиться из Компании и потребовал немедленной выдачи наличными деньгами не только внесенной части стоимости дома, но и всего капитала, положенного им в общую кассу. Это притязание Шрёдера было отвергнуто вследствие доводов Новикова, указавшего, что общее имущество Компании состояло не в деньгах только, а в товарах, книгах, домах и что барон может получить не то, что он когда-то вносил, а лишь пропорциональную этому сумму из всего имущества Компании. Получив пропорциональную сумму вместо реальной, Шрёдер с тех пор возненавидел Новикова.

«В начале следующего [1786] года, — показывал Новиков, — барон Шрёдер, быв недоволен мною за то, что я по беспрестанным почти моим болезненным припадкам и по типографским делам и заботам давно уже не делал собраний с порученными моему начальству, и, подозревая меня в холодности и нехотении, взял из-под моего начальства (под тем видом, что он сам с ними будет упражняться) Тургенева, Кутузова, Гамалею; у меня остались Багрянский, находившийся в Лейпциге, и брат мой».

К внутренним неурядицам присоединились внешние. Типографическая Компания ордена, служившая внешним проявлением, как бы юридическим лицом розенкрейцерского ордена, неминуемо подвергалась преследованиям, которые сыпались Екатериной на московский масонский кружок с конца 1784 года.

23 декабря 1785 года Екатерина подписала указы архиепископу Платону и Московскому главнокомандующему гр. Брюсу — «как самого Новикова испытать в законе нашем, так и книги его типографии освидетельствовать». Уже 31 декабря московский губернский прокурор А. А. Тейльс составил роспись книг, продававшихся у Новикова, и отослал ее к архиепископу.

После первого ознакомления с книгами Платон разделил их все на три разряда: 1) собственно литературные, 2) мистические («которых не понимаю, а потому не могу судить оных», — добавлял архиепископ) и 3) «гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов»[158].

По получении письма Платона императрица 23 января 1786 года подписала указ о воспрещении печатать в светских типографиях книги, «до святости касающиеся». Тогда же повелено было гр. Брюсу объявить Новикову, что типографии заведены для печатания полезных книг, а не сочинений, «наполненных новым расколом, для обмана и уловления невежд».

В феврале московскому губернатору Лопухину предписано было запечатать в типографии и книжной лавке Новикова книги, находящиеся на рассмотрении архиепископа Платона.

К концу февраля Платон составил список новиковских книг, по его мнению «сумнительных и могущих служить к разным вольным мудрованиям, а потому к заблуждениям и разгорячению умов». После этого Новиков обратился к гр. Безбородко с ходатайством о разрешении торговать теми книгами, которые не попали в список «сумнительных».

27 марта, указом на имя Брюса, Екатерина согласилась распечатать и пустить в продажу все книги, кроме шести. Подвергшиеся запрету шесть книг выбраны были из реестра Платона (куда всего вошло 22 названия): 1) «Апология, или Защищение ордена вольных каменщиков», 1784 год; 2) «Братские увещания», 1784 год; 3) «Карманная книжка для В. К.», 1783 год; 4) «О заблуждениях и истине», 1785 год; 5) «Химическая псалтырь», 1784 год; 6) «Хризомандер», 1783 год.

Взятые при следствии экземпляры этих шести книг были переданы в Московскую управу благочиния и впоследствии сожжены. Те же экземпляры, которые следствием обнаружены не были, Новиков, невзирая на запрещение, сталь продавать через Кольчугина.

27 июля 1787 года разразился главный удар над издательской работой Новикова и Компании. Подтверждая свое запрещение (от 23 января 1786 года) печатать в светских типографиях духовные книги, Екатерина, указом на имя нового московского главнокомандующего Еропкина, распростра-

нила запрет на духовные книги, ранее уже изданные: с этого числа нельзя было не только печатать, но и продавать все книги, «до святости относящиеся, кроме тех, которые напечатаны в синодской или других духовных типографиях, под ведомством синода состоящих, или же от комиссии народных училищ с дозволения высочайшего изданы или впредь издаваемы будут».

Так как подавляющее большинство продававшихся Новиковым и Компанией мистических книг несомненно «относилось до святости», то указ 27 июля 1787 года приостанавливал всю деятельность Компании. После его появления ей почти невозможно было продолжать существование. Список ее изданий с 1787 года заполнен преимущественно книгами исторического характера (в числе которых второе издание «Древней российской вивлиофики»*).

1 мая 1789 года была утеряна розенкрейцерами Университетская типография; Екатерина заблаговременно известила кураторов университета о своем несогласии на возобновление контракта с Новиковым.

Издательская деятельность кружка постепенно замирала. «Книги печатаются только такие, — писал в ноябре 1790 года Лопухин, — и не могу сказать, какие, ибо такая дрянь, что я и не интересуюсь ныне знать о типографской работе. Сказки да побаски, только для выручки денег на содержание».

В ноябре 1791 года Компания была уничтожена и все имущество ее передано Новикову.

Усилиями новиковского кружка была создана обширная мистическая литература, частью печатная, частью рукописная.

«Богомудрые» труды, распространявшиеся московскими розенкрейцерами, по большей части были сочинения западноевропейских мистиков, преимущественно XVI–XVIII веков, но также и более ранних.

Обильно представлены были «герметические» писатели, обещавшие своим последователям тайное алхимическое

---

* «Древняя российская вивлиофика» — первое крупное издание письменных источников по истории России, предпринятое Н. И. Новиковым (первое издание вышло в 1773–1775 гг.).

знание натуры и человека: помимо родоначальника их, обозначаемого вымышленным именем Гермеса Трисмегиста (сочинения его имени восходят к III веку по Р.Хр.), и средневекового философа Раймунда Люллия, находим в литературе новиковского кружка многих алхимиков XVI–XVIII веков. В числе их были: Г. Веллинг («Сочинение маго-кабалистическое»), А. И. Кирхвегер («Кольцо Платоново, или Гомерова золотая цепь»), Б. Г. Пено («Химическая псалтырь Парацельса»), Сетоний Космополит («Новое химическое светило Сендивогия»), Р. Флюдд («История микрокосма»). К ним примыкают писатели теософического направления: «тевтонический философ» Яков Бём (громадное число трудов), предшественник его Валентин Вейгель («Небесная манна») и разноязычные последователи — И. Гихтель («Краткое открытие и показание трех миров в человеке), А. Франкенберг («Теология мистика — о тройственном пути души»), И. Пордеч («Божественная и истинная метафизика»), Л. К. Сен-Мартен («О заблуждениях и истине»).

Особую группу составляют христианские мистики, как ранней эпохи (Дионисий Ареопагит, Лактанций Фирмиан, Макарий Египетский, Бл. Августин), так и XV–XVIII веков: Фома Кемпийский («О последовании Христу»); Лоренцо Скуполи («Брань духовная»); Иоанн Арндт («О истинном христианстве»); квиетисты* Михаил Молинос («Духовный путеуказатель») и Ж. М. Гюйон («Соборное послание С. А. Иакова»)[159]. Наконец, особо должны быть названы собственно масонские писатели: англичанин В. Гучинсон («Дух масонства»); полушотландский француз Рамсей («Новая Киропедия»); полурусские немцы Штарк («Апология») и Эли («Братские увещания») и подлинные немцы — Гаугвиц («Пастырское послание»), Гёрунг («Должности, говоренные Хризофироном»), Шлейс фон Лёвенфельд («Во свете истины сияющий розенкрейцер»), Эккер («Вольнокаменщические речи»), присяжные литераторы ордена розенкрейцеров.

---

* Квиетизм — течение в католицизме, культивирующее мистико-созерцательный взгляд на мир и непротивленческую покорность божественной воле.

Среди отдельных членов новиковского кружка можно различить неодинаковое отношение ко всем группам этих сочинений. Одних больше привлекает пиетизм* и квиетизм. Таковы — Лопухин, Краевич, Карнеев; их любимые авторы, сверх Бёма, — Иоанн Арндт, Фома Кемпийский, г-жа Гюйон.

Другое направление — герметическое; к нему принадлежал Новиков, близкий ученик которого Багрянский перевел «Платоново кольцо»[160]; одних вкусов с Новиковым были: А. М. Кутузов, который перевел сам псевдо-Парацельсову «Химическую псалтырь» (Пено) и редактировал перевод А. А. Петрова — «Хризомандер»; И. П. Тургенев — соредактор «Хризомандера»; кн. Н. Н. Трубецкой, который так интересовался в переписке с Кутузовым алхимическими лекарствами («тайные знания» прельщали его, вероятно, преимущественно в практических видах). Гамалея обнимал в своем лице оба течения: так же интимно, как Краевичу, был близок ему Бём; вместе с Новиковым он составлял в селе Титхвинском «Библиотеку герметическую».

Обилие мистической литературы заставляло распорядителей кружка делать выбор произведений, наиболее пригодных для чтения рядовых братьев. Понемногу вырабатывался определенный «круг» такого чтения.

Божественное Писание — так определялась отправная точка этого круга.

«Во всех мистических книгах весьма много натуры, но в Св. Писании одна чистая благодать», — поучал Краевич Дмитриевского.

«Коли будете чувствовать хладность к религии, то читать Евангелие и Св. Писание... Венец всего — Св. Писание», — заметил себе Ланской (в 1818 году) слова Поздеева.

«Читая другие книги, — писал тот же Поздеев Остолопову, — не должно забывать книгу всех книг, то есть Священное Писание; прочие книги, как звезды, а Святое Писание — это солнце, им живет мир нравственный, а солнцем чувственный».

---

* Пиетизм — движение в лютеранстве, характеризующееся приданием особой значимости личному благочестию, ощущению постоянного нахождения под строгим и бдительным «Божьим оком».

В одной из масонских речей XVIII века ритор говорил ученику: «Советую вам читать чаще Священное Писание, дабы беспрестанно обращалось в памяти вашей то благо, которое дает уразуметь, какая разность между Духа и Материи».

«Да будет библиотекою твоею великая четвертная книга, — писал Эли, — повсюду тебе сопутствующая натура. Толкователем же избери себе полезнейшее, все изъясняющее, все понятным делающее и научающее Священное Писание. В нем воистину можешь ты все найти, все, могущее соделать нас мудрыми, добродетельными, счастливыми и блаженными».

Но для того чтобы служить «толкователем» на книгу натуры, Библия сама должна была быть тщательно истолкована. Когда Нартов испытывал мудрость розенкрейцерских учителей (в 1783 году), он поставил им в числе главных вопросов такой: «Имеют ли ключ на Библию?»

«Ключ на Библию! — ответил ему Шварц. — Это нам точно так кажется, как когда бы хотел кто заказать на стеклянном заводе чашку для вмещения в нее океана. Однако ж малые познания, нам данные, сделали для нас чтение Библии сладким, утешительным и довольно просвещающим, и многие места, при коих знахари умствуют или кощунствуют, суть для нас предмет высочайшего удивления и довод к возвышающим размышлениям».

Вероятно, именно в качестве подобного «ключа» розенкрейцерами употреблялась особая «ручная Библия», — собрание текстов из Свешенного Писания, расположенных систематически по разным вопросам. «Paracelsi Handbibel» в 1784 году была напечатана на русском языке «иждивением Н. Новикова и Компании» под заглавием «Избранные места из Священного Писания».

Вслед за Священным Писанием рекомендовались Бём и Арндт.

Для чтения Бёма переведен был особый «экстракт», или сборник, под названием «Серафимский цветник».

Книга Арндта «О истинном христианстве» производила громадное впечатление на своих читателей. Перелом от безбожия к вере, который вызывался этой книгой, засвидетельствован записками Лопухина и сочинением неизвестного масона «Из работ моих над диким камнем».

Главными орденскими книгами были «Пастырское послание» и список «Теоретического градуса». Последний должен был отдельными главами читаться на «теоретических собраниях».

«Пастырское послание» советовал читать Ланскому Поздеев в случае, если он приметит в себе «холодность к ордену».

Из «Пастырского послания», так же как из сочинений Бёма, сделан был «экстракт» для употребления братьев. Сохранился и систематический список особенно рекомендуемых орденскими надзирателями книг.

В этот список вошли книги, частью напечатанные Новиковым, частью рукописные:

а) для учеников — Иоанна Масона «О самопознании», «Брань духовная» Скуполи, «Обращение с самим собою» Иоанна Арндта, «Карманная книжка для В. К.», «Устав свободных каменщиков», «Катехизис».

б) для товарищей — «Размышления о делах Божиих», «Боннетовы размышления или сочинения»[161], «Химия, какая-нибудь правильная», «Физика, основанная на истине Креста», «Апология вольных каменщиков» Штарка; «Хризомандер»; «Катехизис товарищеский».

в) для мастеров — по теософии Фома Кемпийский; Августин; Бёма «Путь ко Христу», «Таинство Креста» Дузетана, «Денница премудрости» Бёма, «Таинство творения» Ретцеля, «О возрождения» Бёма (?); по алхимии Теофраст Парацельс, Василий Валентин, Бёма «О камне», «Великая книга Природы»; «Лествица мудрых»; «Платоново кольцо» Кирхвегера; «Свет светов»; по ордену «Пастырское послание» Гаугвица, «Сильное увещание» изд. Боде, «Братские увещания» Эли, «О древних мистериях» Штарка, «Дух каменщичества» Гучинсона и т д.

Мало перевести или издать подходящее сочинение; нужно было еще создать ему читателя. Мистические книги имели против себя общественное мнение, воспитанное на французской просветительной философии.

Елагин, сам еще (в 1786 году) не очень давний поклонник мистической философии, так рисовал это обществен-

ное мнение: «Кто токмо ныне, при так называемых новых философах или при мнимо умных и ученых людях напомянет токмо таинство Божественного Писания, или магию и теософию или Erreurs et Verités[162], Tabula naturae[163] и прочие им подобные сочинения, тот не только смешным, но и дураком почтется, по глаголу Апостольскому: они бо мудры, мы же буи Христа ради».

«Какие книги скорее покупаются? Лечебники и поваренные, и театральные — или проповеди?» — задавал Гамалея риторический вопрос членам ложи Девкалиона.

Известен рассказ Лабзина о том, как стремился навязать мистические книги своим покупателям Новиков: покупатель потребовал Клевеландова «Маркиза Глаголя» и сожалел об отсутствии этой книги. Новиков попросил взамен принять в дар то, что у него есть, и отпустил покупателя со связкою даровых книг духовно-нравственного содержания.

Когда читатель найден (добровольно или полунасильственно), нужно лишь с большой осторожностью и постепенностью давать ему вкушать духовной пищи. По словами Гамалеи, мудрые мастера, «даже когда дадут какую тетрадь для переписки, или для чтения, то не всю пиесу вдруг, а понемногу, даже по местечкам, чтобы не причинять вреда от неумеренного просвещения».

«Книги иметь надобно избранные для своей библиотеки, — советовал Поздеев Остолопову, — а читать надобно одну до тех пор, пока большую часть соку из нее извлечешь, а до тех пор за другую не приниматься».

«Читайте Святое Писание и Арндта, — говорил он в другом письме, — а многие книги опасайтесь читать, для того, чтобы не рассеяться, ибо много книг, так как много людей весьма могут рассеять». Но и мудрое, медленное вчитывание в мистические книги лишь тогда приведет к цели, если предварительно подготовить себя к их восприятию.

Читатель то вычитает из книги, что у него самого в душе. «Читать, значить сосать (не только одну письменную книгу, но и натуру) — говорил Руф Степанов, — и если ты паук, то яд сосешь, а есть ли ты пчела, то мед сосешь».

Таким образом, читателя нужно еще надлежащим образом подготовить, чтобы слишком яркий свет истины его не осле-

пил и чтобы он нашел то драгоценное, что содержится в премудрых книгах. Эту задачу — подготовку читателя, или полирование «дикого камня» его души, и брали на себя главные надзиратели «теоретических округов».

«Верховным предстоятелем» их при установлении Градуса в Москве был Шварц. Его лекции, пользовавшиеся таким длительным успехом, служили как бы введением ко всем речам «теоретического градуса».

Речи других теоретических надзирателей, произнесенные в «училищах Ордена» на «теоретических собраниях», — настоящие проповеди герметической науки или религиозной философии. Иногда главный надзиратель поручал кому-нибудь из своих слушателей приготовить речь на определенную тему; речь произносилась в одном из следующих заседаний. Так было, например, в Орле в 1789–1791 годах; главным надзирателем там состоял в это время З. Я. Карнеев, братьями И. Я. Карнеев, Г. Н. Нелединский, В. М. Милонов, В. М. Ржевский, Д. Л. Боборыкин и др.

Надзиратель мог задавать нескольким братьям ту же тему рассуждения, на которую поучал и сам. Так, «О разности человека, ищущего царствия Божия внутри себя и человека, ищущего царствия мира вне; себя» говорили сам З. Я. Карнеев, И. Я. Карнеев, Г. Н. Нелединский, В. М. Милонов; «О вере, надежде и любви» говорили З. Я. Карнеев, Г. Н. Нелединский, В. М. Милонов.

Все речи, как самого Карнеева, так и его учеников, насквозь пропитаны мыслями Бёма, «Пастырского послания», «Теоретического градуса», г-жи Гюйон. Заимствованы самые темы и целые выражения.

«Теоретический градус» Карнеев читал на собраниях, пояснял его в некоторых своих речах и заставлял братьев вновь повторять его откровения. Больше всего в речах Карнеева заимствований из «Пастырского послания». Не подлежит спору также влияние Бёма. Ссылки на Бёма делаются самим Карнеевым.

Одна из речей Нелединского написана под несомненным влиянием «Брани духовной». Подобные, заимствованные из розенкрейцерской литературы, темы не были присущи лишь одной Орловской ложе. Те же речи «О познании самого се-

бя» и «Где мы, откуда и как сюда пришли», которые говорил Карнеев в 1790 году, были (им же или другим розенкрейцером) прочтены 3 сентября 1783 года и 4 февраля 1784 года — вероятно, в другой ложе, так как, кажется, в Орле в это время ложи не было. Речь, разделенная на два или три заседания, отвечала на вопрос «Кто я? Зачем я?» и «Чем я буду?».

Прямые заимствования тем или самих речей были вполне понятны, так как речи отвечали одной и той же задаче: довести до внутреннего сознания слушателей ту мистическую литературу, которая изготовлялась в Москве руководящими братьями (а им, конечно, присылалась из Берлина) [164].

Все это дает возможность представить себе сложный механизм «работ» «теоретического градуса». Выработанная в Москве философская литература благодаря орденским связям расходилась во все города, где были теоретические округа[165], и там, на месте, путем настойчивых усилий надзирателя, внедрялась в души братьев.

Таким образом, деятельность московского розенкрейцерского центра — новиковского кружка — не висела в воздухе. Издательское предприятие кружка, руководимое непосредственно орденскими начальниками, стремилось к постоянному осуществлению орденских целей. Издания кружка — рукописные и печатные — по каналам «теоретического градуса» растекались во все города, где только происходили его «работы».

Количественно чрезвычайно тесный, круг братьев Злато-Розового Креста приобретал при помощи законченного механизма своей строгой организации огромное влияние на весь ход духовного развития русского общества.

Другой, совершенно независимый от первого, кружок, ценивший мистико-герметическую литературу, находился в Петербурге и сосредоточен был около Елагина. Выше было замечено, что Елагин скоро перестал быть удовлетворен рационалистическим новоанглийским масонством. Этим подготовлен был союз его с Рейхелем 1776 года. Но низшие степени Рейхелевой системы так же ненадолго удовлетворили Елагина. В 1777 году он вел переговоры с депутатами шведского масонства; к этому же времени относится его увлечение Сен-Мартеном.

Это был лишь первый шаг, за которым последовали другие. Два человека руководили Елагиным в его масонских исканиях. В конце 1770-х годов Елагин, как он пишет, «познакомился и в истинное вступил дружество с собратом NN, которого имя скрываю в удовлетворение желанию его. Сей почтенный брат посвященный в истинные масоны, беседуя часто о обществе нашем со мною и познав усердное мое домогательство и прямую ревность, решился наконец не только постановить меня на путь истинный, но и доставить мне посвящение».

«Почтенный брат» этот есть, конечно, тот же Рейхель[166]; на путь истинный Елагин был поставлен им еще 3 сентября 1776 года; но программа этим не исчерпывалась. Рейхель обещал ему дальнейшее движение вперед.

«Получив чрез некоторое время от старшин дозволение, — пишет Елагин про брата NN, — начал [он] просвещать меня, во-первых, объявлением, что масонство есть древнейшая таинственная наука, святою премудростью называемая; что она все прочие науки и художества в себе содержит, как в ветхом нашем аглицком катехизисе, Локком изданном, сказано, что она ради некоторых неудобь сказуемых народу важностей темными иероглифами, иносказаниями и символами закрытая от начала веков существует, никогда в забвение не придет, ниже изменению, а тем меньше конечному истреблению подвергнется».

Далее, брат NN объяснил, что масонство — «та самая премудрость, которая от начала мира у патриархов и от них преданная, в тайне священной хранилась в храмах халдейских, египетских, персидских, финикийских, иудейских, греческих и римских и во всех мистериях или посвящениях еллинских; в училищах Соломоновых, Елейском, Синайском, Иоанновом, в пустыне и в Иерусалиме, новою благодатию в откровении Спасителя преподавалась; и что она же в ложах или училищах Фалеевом, Пифагоровом, Платоновом и у любомудрцев индийских, китайских, арабских, друидских и у прочих, науками славящихся народов пребывала». Сообразно с этим намечен был и круг чтения Елагина. «Ветхий и Новый Завет были и еще суть [в 1786 году] приятнейшие мои учители. Отцы церковные, яко то: Ориген, Евсевий, Иустин, Кирилл Александрийский, Григорий Назианин, Ва-

силий Великий, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, преподобный Макарий и прочие обще с церковного Флёриевою повестью[167] стали толкователи невразумению моему. Пифагор, Анаксагор, Сократ, Епиктет, Платон, Ермий Трисмегист и сам Орфей, Гомер[168] и Зороастр с помощью Геродота, Диодора Сицилийского, Плутарха, Цицерона, Плиния и многих сим подобных влияли в душу мою новые и спасительные размышления».

Брат NN, сам присутствовал иногда при чтении Елагина и толковал ему все «иносказания». Пять лет (то есть приблизительно 1777–1782 годы) провел Елагин в чтении назначенных ему наставником книг.

Но и после этого он не считал себя еще достаточно подготовленным по незнанию им древнееврейского и греческого языков. «Конечно б сего несчастия моего ради, шествуя и самым вернейшим путем, не достигнул и до воззрения на отдаленное храма премудрости знание; если б благоволящему о мне Всевышнему архитектору не соизволися даровать мне еще другого просвещеннейшего учителя и друга совершенного, а что паче, от смертного одра меня воздвигшего». Это был доктор Эли — брат «в науке нашей, в науке врачебной совершенный, в знании языка еврейского и кабалы превосходный, в теософии, в физике и химии глубокий, в нравственном обхождении приятный». «Сей препочтеннейший брат преподал мне, — говорит Елагин, — многое или паче сказать и ныне [1786 год] продолжает преподавать все, что к разумению таинственного смысла и речений инозначущих, чем Моисеевы и пророков писания преисполнены, нужно, потребно и необходимо»[169].

Рейхель заставил Елагина «читать такие книги, которые прежде, яко бестолковые» были им «презираемы». Эли помог Елагину окончательно «проразуметь предания «египетские, писания творцов Des Erreurs et la Merité, Tableaux naturels, Веллинга, Роберта Флуктиба [Флюдда], Елиас артиста в его истине и заблуждениях и прочих таинственными называемых». В бумагах Елагина сохранились рукописи или переводы некоторых этих «таинственных» книг — Гермеса Трисмегиста, Фиктульда, Гучинсона и пр.

Впитав в себя всю мудрость названных книг, Елагин попытался свести в одно целое ее выводы в громадном тру-

де «Учение древнего любомудрия и богомудрия, или Наука свободных каменщиков из разных творцов светских, духовных и мистических собранная и в пяти частях, предложенная И. Е[лагиным], великим Российским Провинциальной Ложи мастером. Начато в MDCCLXXXVI»[170].

Согласно плану автора, I книга содержала историческое обозрение масонства от Адама, Ноя, Авраама до рыцарских орденов Средневековья и различных «систем и училищ» Нового времени; II книга должна была рассматривать Талмуд, кабалистику, учение о Зефиротах и именах Божиих; III книга — объяснение первых четырех степеней масонства[171]; IV — объяснения пятой, шестой и седьмой степени; V книга должна была содержать «доказательство, что есть Бог», тайну творения, Воплощение Слова и падение человека.

В заключение обещано было «показание» о Суде, Воскресении и Новом Иерусалиме. Сочинение свое Елагин начал читать избранным братьям второго союза на заседаниях «Капитула или великого училища во граде Св. Петра на Востоке Российском» в 1736 году.

Можно думать, что одним из внутренних побуждений Елагина при чтении курса этих лекций было желание затмить ими славу московского курса, читанного Шварцем. На больное отношение Елагина к Шварцу указывают резкие отзывы и презрительные выходки первого против «странника» и «германского студента».

«Нас ли, в просвещении уже давно бывших, удобны они, наложив мрачную на глаза наши повязку, водить из одного в другое неведомое место?» — спрашивал своих слушателей с глубокою обидою провинциальный мастер российский.

4. «Внутренний человек»

Отношение розенкрейцеров к разуму и рационализму развертывается вполне лишь на пятой степени их масонства — в «теоретическом градусе». Там открываются символы иоанновских степеней, отбрасываются временные и условные попустительства, которые до тех пор оказывались разуму.

Гневным пафосом против «измышлений слепотствующего разума», против «лжемудрований Волтеровой шайки» дышат речи главных надзирателей «теоретического градуса». Разум и грех становятся в их устах почти синонимами: «грех есть разумная сила сатаны», — говорил впоследствии Руф Степанов.

Пример такого отношения к разуму показал первый учитель «теоретических братьев» — Шварц, опровергавший в своих лекциях теории «модных философов».

«Никакое умствование человеческое и никакая мудрость века сего неудобны, — говорит Шварц, — без истинного упования на Бога и предания Ему себя совершенно довести нас до истинных познаний, но слепоту и единственные сомнения вкореняют в сердца наши: ибо не быв от Бога, а от человеков, они суть ложь».

«Простое слово Шварца, — вспоминал впоследствии один из его слушателей, Лабзин, — исторгало из рук многих соблазнительные и безбожные книги и поместило на их место Святую Библию».

Другой его слушатель (вероятно, Н.Я.Свербеев) так записал одну из лекций Шварца о Гельвеции (17 июля 1782 года): «Извлечение его [Гельвеция] писаний есть то, что люди суть машины, действуемые наружностью и внутренней силы не имущие. Он лишает нас внутреннего, не допускает бытие морального человека, а знает и держится одного физикального: кто войдет в подробнейшее о самом себе рассмотрение и кинет взор в самого себя, тот увидит, правду ли говорит Гелвеций. Я чувствую сожаление о бедном, имею понятие о духовных существах, представляю будущее, которое еще не имело случая действовать на мою наружность. Откуда ж все сие? Как зашло в меня понятие о духовном, о справедливости и любви и пр.? Я никогда всего оного не видывал, не ел, не слышал, не осязал. Следовательно, каким-нибудь другим способом зашло в нас то, что мы имеем! Обратимся к Г [оспо] д [и] ну Гелвецию и посмотрим, какие бы были причины его заблуждения? Ибо я смею сказать, что его положения не суть истинны. По моему мнению, причиною его заблуждения был круг, в коем он жил. К сему принадлежит: a) воспитание, b) учение, c) род жизни, d) умство-

вание, рождающее гордость, следовательно, страсть на все отвечать, все знать... Живучи так, как жил Гелвеций, в довольном состоянии, в изобилии, в употреблении единственно только ума своего и пресыщении желудка (все сие беру я из его Истории или из слов тех, кои или его персонально знали или верно о нем слышали от его знакомцев), не можно и подозревать о бытии ментального человека...; вышедши же из чувственного или, попросту сказать, из брюховного мира и обратясь к ощущению внутреннего морального человека, нельзя не признать ошибок — и грубых ошибок — французского философа: понеже, как скоро вознесемся мы выше нашего брюха, то войдем в мир спекулятивный, где представляется к рассуждению нашему всяческое, вокруг нас находящееся».

Шварц касался системы Гельвеция не только в этой своей лекции. Из других записей лекций его видно, что на ту же тему были произнесены лекции и 19 июня, 26 июня и 3 июля 1782 года.

«19 июня. На третий разговор Гелвеция о разуме. 9-я глава о начале или происхождении страстей. 26 июня... Кратко — система Гелвециева.

Человек есть махина подобная часам. Сему противоречат всегда опыты действий всегда деятельных сил. Разум. Воля».

3 июля. «Какие читатели Гелвецию последуют?

1) Те, которые сами не размышляют — из лености;

2) Те, которые живут в непрестанном рассеянии;

3) Управляемые страстями. В страстях человек не видит, он пьян».

Отрицательное отношение к разуму проповедовалось и в орденских книгах, пускавшихся в оборот в виде рукописей или печатно издававшихся Новиковым и Компанией.

«Теоретический градус», например, в отделе «о болезнях ума» наряду с такими пороками, как «вожделение жить, есть, пить, размножаться, иметь и великую честь приобретать» ставит стремление «много знать» («суемудрие»).

За «Градусом» шло «Пастырское послание», так говорившее читателями: «Но нередко судите вы несравненно дерзостнее и попускаете идолу ума вашего совращать вас на распутия и к произношению таких слов, которые заставля-

ют нас всего за вас опасаться от Бога, хотя долготерпеливого, но и толико ж о чести своей ревнительного...

О дети! О достойные сожаления сыны оной зловоздающей Мудрости, которая пред Богом есть детство».

«Братские увещания» доктора Эли советовали мудрому брату читать «Священное Писание по внутреннему, истинному его смыслу, а не по Волтерски. Пусть он смеется! Смейся и ты и сожалей о смешном насмешнике».

«Читал книгу о Таинстве Креста, — записывал в своем дневнике П.Л.Сафонов*, — в гл. 2-й о Кресте вообще и о причинах его, на 50 странице говорит: к умножению крестов мы имеем еще змеиный, в себе, который пригожий, тонок и маленек, который всюду вкрадывается, который всюду управляет всеми называющимися учеными; это разум, сей маленький ядовитый запазушный змий есть явный враг Креста, сей льстец и обманщик... хочет господствовать над самым духом».

Подробно рассматривала вопрос о рационалистском отношении к миру и религии книга, изданная в 1785 году в типографии Лопухина иждивением Типографической Компании под заглавием «Истина религии вообще, в двух частях, из которых в первой доказывается истина религии вообще противу неверия вольнодумцев и натуралистов; а во второй утверждается истина христианской религии, следуя Священному Писанию противу неверия натуралистов»[172].

«Материализм есть любимая и главнейшая наука вольнодумцев, — говорит книга, — в нем находят они убежище всем своим удовольствиям. Ибо ежели душа материальна и гиблюща, то по смерти нет и ответа. Чем более учение сие льстит их скотским желаниям, чтобы не быть вечным, тем более украсили они оное вероятнейшими основаниями».

Первое отделение книги — «Что есть вольнодумцы?» — начинается так:

«Вольнодумцами, или деистами, называют обыкновенно тех, которые представляют себе Божество от мира отдаленное и о человеках не пекущееся и посему почитают себя

---

* Петр Ларионович Сафонов (ум. в 1828) — масон, библиофил.

освобожденными всякого повиновения религии. Их называют еще и любимым их именованием: крепкими умами; потому что мнения свои почитают они непобедимыми. Но мнимая сия крепость состоит в одном гордом воображении их, тем более ожесточающемся, чем более боятся беспокойства сердечного при помышлении о важной вечности. Они имеют место между богоотступниками и натуралистами, однако ж подходят ближе к первым.

Атеист, или безбожник, приписывает все мироздание и перемены, в оном случающиеся, слепому случаю, нечаянности, мечте. Он, уничтожая Божество, уничтожает всю премудрость в мироправлении, и всякую религию, и нравственность. Таковой безумных дома кандидат не достоин быть между человеками, и яко в уме повредившийся, достоин презрения...

Грубый епикуреец хотя верует в Бога, однако ж живет так, как будто бы Его не бывало. Необузданно следует он свирепым похотям своим. Он атеист практический, скот в виде человеческом, и достоин удерживаем быть телесными наказаниями.

Деист или вольнодумец, хотя верует Божеству и единому всеобщему Божественному промыслу, но отрицает особливый промысел Божий, бдящий о каждом особенно, и чрез сие, подобно атеисту, уничтожает всякую религию. Отдаляя от мира Божество, отдаляет и всякое будущей жизни чаяние, и колеблет, сколько может, столбы правления. Вольнодумческое хуление на святилище человечества заслуживает противу них более ревнования, нежели упущения. И для того намерены мы, ежели они не совсем еще ожесточились, стараться вывести их из заблуждения, прежде нежели отяготится на них рука Божия»[173].

Все наставления орденских книг относительно человеческого разума тщательно запоминались надзирателями «теоретических собраний». Протоколы Орловской ложи дают этому почти необозримое количество примеров. Словами некоторых из них и буду говорить ниже.

«Средства к достижению сей премудрости... не в разуме, но в сердце лежат, и не умом, но волею приобретаются, то

есть покорением разума вере и преданием воли наставникам или руководителям нашим, определяемым от св. Ордена при самом еще вступлении в символическое масонство... когда с завязанными глазами предается ищущий руководителю».

«О возлюбленный наш Иисусе! Победи в нас жестоких сих врагов, наипаче сокруши гордую выю воле и разуму нашему, сотри их до основания, и даруй нам сердце новое, чистое, волю кроткую и Тебе Единому послушную».

«Разум есть не более, как только временное светило и весьма недалеко путь указывающее. Источник познания себя и средств к блаженству нашему есть в сердце».

«Наложим же узду на борзой наш разум и пленим его в послушание веры...»

Человек должен прежде всего «обуздать источник разума»: «к истинному возрождению надлежит восходить теми же степенями, чрез которые видимый мир достигает своего обновления; то есть всегдашним умерщвлением похоти плоти, осужденной истлеть в собственной нечистоте своей, сколько бы она того не уклонялась. Истребим до основания змеиную лесть внушений разума, не терпящего подчиненности страха Божия».

Подобные речи произносились, однако, не только в Орловской ложе. Их можно было услышать, вероятно, на всех «теоретических собраниях» новиковского кружка.

Масонский журнал кружка «Магазин свободно-каменщический» не случайно советовал петь при открытии ложи:

Беги от нас злой вольнодумец,
Распутный мест сих удались!
Беги неистовый безумец,
Безбожник адский здесь не зрись.

Отдельные члены кружка выражали такие же мысли. Тяжелым обухом вбивал их в сознание своих слушателей Захар Карнеев; в изящные фразы под тонко очиненным пером Кутузова отливалось то же самое настроение.

В конце декабря 1790 года Кутузов в письме из Берлина к Лопухину описывал осенивший его знаменательный сон: «...Заперши мое тело в моем кабинете, перенесся я в кофейный дом, где, нашед одного знатного вольнодумца, вступил

в его линеальную гландулу и шел в самую высочайшую часть оныя, где бывает обыкновенно жилище разума, ожидая найти тут обширное познание о всех вещах, как человеческих, так и божественных; но к немалому моему удивлению, нашел сие место гораздо теснейшим, нежели они бывают обыкновенно, так что не могли в нем поместиться ни чудеса, ни пророчества, ниже вдохновение духа».

А верный последователь Новикова П.Л. Сафонов записал себе такую памятку: «Члены академии развратителей: 1. Вольтер. 2. Д'Аламбер. 3. Дидерот. 4. Гельвеций. 5. Тюргот. 6. Кондорсет. 7. Ла Гарп. 8. Лимоаньон. 9. Дамилаван. 10. Тириот. 11. Сорса. 12. Граф Аржансон. 13. Гримм. 14. Барон Гольбах. 15. Лерфа». Сын П.Л. — Н.П., вероятно со слов отца, приписал к этому списку: «Коих должно убегать и писаний их отнюдь не читать».

Ниспровергнуть высоко стоящий авторитет разума — первая часть задачи истинного масона. Другая часть этой задачи — отделаться от всех «елементальных или стихийных» качеств, вырваться из «брюховного мира», чтобы приблизиться к «ментальной» сущности человека.

Призыв к освобождению от уз тленных привязанностей читал масон в своем «Магазине».

Мирскую суету оставьте,
Низриньте роскоши кумир,
И нравы ваши здесь исправьте,
Согласных звук внимая лир,
Которы в честь Творца вселенной,
В честь истины Его святой
В сердца смягченны впечатленной
Сплетают песни с простотой.
Познайте таинства Природы,
Познайте и ее Творца,
И в краткие сей жизни годы
Старайтесь знать свои сердца.
Седеет время, гибнут веки,
Летят пернатые часы;
А вы! о братья человеки,
Влюбились в тленные красы!
В веселье ложном усыпленны,
В мечтах лобзаете мечты;

Все мысли ваши омраченны,
Крутятся вихрем суеты.
Вас льстят чины, богатство,
И тени их вас веселят;
Неведомо меж вами Братство
Пороки сердце в вас делят.
Проснитесь, Братия, проснитесь,
Жалея к вам мы вопием...

Основной смысл этого призыва — бороться со всеми мечтами суеты, обуздывать все проявления своей «елементальной натуры». Корень их в эгоизме человеческой личности: с ним прежде всего и надо покончить. «Самость человеческая есть черенок, привитый к древу самости первейшего врага Божия (люцифера)».

Борьба с «самостью» иногда переходила в борьбу с плотью, причем борьба эта должна была вестись суровыми мерами — страхом и истязанием плоти.

«По падении человек сделался столь материален, — говорил Поздеев в ложе Орфея в 1785 году — что не может ничем быть приведен в чувство, как страхом, который ослабляет материю и дает силу душевным талантам действовать сильнее. Говорят: гром не грянет, мужик не перекрестится. В рассуждении нашей истинной собственной пользы мы точно теперь таковы все, что от совести нашей тогда только принимаем внушения, когда каким страхом или несчастием наша материя бывает потрясена и ослаблена; и потому кажется нужнее и полезнее человеку, чтобы он в сем суетном, маловременном и беспрестанными соблазнами и преткновениями наполненном мире, не очень был счастлив, чему мы и видим всегдашние опыты. Если человек живет в беспрестанном благополучии, то он забывает Бога, себя и всех своих ближних, а старается только удовольствовать все свои прихоти и напитать, сколько возможно более материю».

Считаясь с такой точкой зрения, Д. И. Дмитриевский, участник новиковского кружка, записывал в своих заметках: «В здоровом человеке не может быть здравой разум и дух. Он не способен к чувствованиям, например, соболезнования, сострадания и прочим нежностям».

По тому же поводу Р. Степанов вспоминал слова сына Сирахова: «“Полезнее посещать дом плача, нежели смеха”*. И ложи такое же действие производят, если кто со вниманием бывает в них». В конце этого пути находился культ основной масонской добродетели — «любви к смерти».

Так поучал о ней в ложе Орфея Поздеев: «Страшно подумать, что масоны предписывают в должность то, чего весь мир ужасается и старается забывать. Человек в тот день не весел, когда увидит мертвого, и старается столько помышление своего от сего предмета удалить, дабы и на дороге с мертвецом не встретиться. Чудные масоны! Надобно сказать, что или масоны сумасбродно предписывают такую чрезвычайность, или весь мир без памяти и без ума бродит»[174].

«Мы здесь все находимся в тюрьме и ждем, пока не потребуют к суду», — говорил об этой добродетели Руф Степанов.

«Да, скоро, скоро и ударит решительный час смерти! — вещал своим слушателям З. Карнеев. — Скоро спадет с нас сей бренный покров, скоро помчимся к оным высоким мистериям, где свет осветит нас во всей своей ясности».

«Смерть, единая смерть, есть начало жизни», — говорил в другой речи Карнеев.

Культ «любви к смерти» переходил, вероятно, иногда в острые и жуткие ощущения почти физической сладости ее присутствия. К смерти «утешительнице» и «возлюбленной» обращался впоследствии Лабзин.

Против этой сгущенной, почти плотской, вражды к материи, против любви к «натуральной смерти» восставал С. И. Гамалея в своей ясной и спокойной речи «О любви к смерти» в ложе Девкалиона 16 декабря 1782 года.

«Всяк из нас знает, что мы рождаемся в сей мир не по нашей воле, должны жить не по нашей воле; человек не может у себя отнять ничего из своих душевных дарований, потому что не от себя их имеет. Как дерзает он отнимать у себя свою временную жизнь, которая есть начало вечной его жизни и которую так же не от себя имеет?..

---

* Имеется в виду второканоническая книга Ветхого Завета «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Ср.: Еккл. VII, 2.

Итак, любезные братья, мы, яко ученики добродетели, постараемся умертвить все свойства недоброй нашей воли, дабы чрез то дать свободу возраста свойствам доброй воли. Возлюбим смерть недобрых наших свойств, недобрых прихотей, зная, что от сего зависит рост вечного нашего состояния».

Против материального понимания самости боролся и другой масонский мудрец — Краевич. «Есть три Божьих дара, — говорит Краевич, — телесное здравие, душевная чистота и духовное смирение». «Без этих даров ничего сделать нельзя».

Только после того, как укрощены и обузданы страсти, можно добиться спокойствия внутренней душевной жизни. Спокойствие это открывает возможность настоящего счастья; иного блаженства быть не может.

«Мы окружены здесь тленностию, — писал из Берлина Кутузов Радищеву в Сибирь (27 марта 1792 года), — все здесь мечта и сон. То, что мы называем счастием, есть не что иное, как кратковременное отсутствие горестей... Истинное счастье находится внутри нас и зависит от нас самих, оно есть поставление себя превыше всех случаев; сего-то счастия всегда я желал тебе, а ныне и еще жарчее желаю».

Подобные мысли высказывал Кутузов также в письмах к Плещеевой*. 17 декабря 1790 года он писал: «Счастие и несчастие не составляет нашей сущности. Лазарь, ликующий среди богатств и изобилия, и Лазарь убогий, лежащий на гноище перед вратами первого, суть оба человеки, и кто может означить степень истинного их благополучия? Итак, говоря о должности приуготовить себя ко всем происшествиям, я требую, чтобы человек учился отделять себя от всякой случайности, и смотрел на сие последнее, как на совершенно ему постороннее, не умаляющее и не умножающее его сущности; я требую, чтобы он свергнул постыдные оковы и снискивал независимость, свободу».

Для этого нужно, чтобы желания человека не были развлечены в разные стороны во вне его, а все устремлены «к еди-

---

* Анастасия Ивановна Плещеева (годы рождения и смерти неизвестны) — свояченица, приятельница и покровительница Н. М. Карамзина; ей и ее мужу А. А. Плещееву Карамзин посвятил свои «Письма русского путешественника».

ной и единственной цели»: истинного «и ничем не нарушимого спокойствия», которое лежит в глубине его духа.

Когда, отвергнув мир, имеешь ты спокойство,
То Божие с тобой соединенно свойство, —

говорил Ангел Силезский:

И ад и небеса во сердце суть твоем;
Так что ты изберешь, во веки будешь с тем.

«Может быть, кто подумал, — поучал Гамалея в речи своей “О плате за работу”, — когда же может человек в сем мире за свою работу получить такую плату, которою бы он был доволен? Тогда, любезные братья, когда внутреннее работающего рвение достигает намереваемой истинной последней цели, то есть когда все желания его не тревожатся, когда он не алчет и не жаждет чуждого, не досадует, не печалится, не сетует, не негодует».

Для достижения такого блаженного состояния нужно всецело сосредоточиться внутрь себя:

Постой! Куда бежишь? В тебе блаженства суть;
Коль Бога ищешь вне, неправеден твой путь.

«Господь по милосердию своему учредили масонство, дабы ввести человека внутрь себя», — говорил Руф Степанов.

«Внутренний мир родил внешний, — учило “Пастырское послание”, — ищите внутреннего Царствия Божия и сопутницы его, правды... не имея внутри Царствия Божия, или паче, не будучи существенно оным побуждаему и обладаему, совсем невозможно приобрести ничего, ни великого, ни малого».

«Вся внешняя натура есть иероглиф внутреннего», — говорит «Речь новопринятому брату ученику».

«Мудрый всегда внутри себя скрывается. У него глаза отверзты, а рот заперт». Так 13 ноября 1786 года записал какой-то масон и обвел это место своей записной книжки чертою.

Покрыты мраком, развлеченны,
О чувства! миром ослепленны,
Сберитесь купно внутрь меня,
Мне нужно ныне знать себя.

З. Карнеев в одной из своих речей приводит слова Евангелия от Матвея: «Егда молишися, вниди в клеть твою», и толкует их так: «Вшествие в клеть или кабинет свой не что другое есть, как возвращение внутрь сердца нашего, возвращение разума, воли и чувства... Таковым возвращением во внутрь себя и не уступным на сей страже стоянием, стяжали мы способность привлечь духа истины, подражая вопиющему пророку *отверзох уста моя и привлекох дух*».

Сосредоточиваясь внутрь себя, истинный мудрец-розенкрейцер приближается к заветной своей цели — общению души своей с Божеством; общение это — «молитва» — тогда только истинно, когда душа достигла высшего спокойствия. Тогда спокойна и молитва. «Ревностное же моление наше есть по большей части самолюбивое, натурою движимое. Молиться должно с некоторым как бы хладнокровием, видя, что Бог непрестанно творит то, что угодно Ему. Было и со мною, что и я сильно кричал, просил и вопиял; но после увидел, что сему не так быть надлежало; натура обманчива» (Краевич).

При такой молитве исчезает все тленное, весь «внешний человек»; открывается — «внутренний человек» — бьет источник мистического познания в сердце. «Итак старайся быть собственным Бёмом: ибо каждый истинный брат должен быть таков. Без сего же будешь смотреть в чужие очки, и не будешь иметь живого света...» (Краевич)

5. «Внешняя натура»

Сосредоточие внутрь себя не было последним достижением мистического масонства. «Внутренний человек», выявляющийся в результате работы каменщиков над собою, мог уже вторично оказать существеннейшее влияние на всю внешнюю натуру. Человек есть малый мир («микрокосм»), в котором, как солнце в малой капле вод, отражается вся жизнь большого мира. «Человек, в рассуждении телесной его части, не токмо взят от единой сей земли; но купно и извле-

чение ее свойств и всех сил ее (экстракт) есть в нем», — учило «Пастырское послание».

Из мира целого Всевышним сокращенный,
Он сам во существе мир малый, совершенный;
Из тварей всех извлек чистейшее Господь
И вдунул дух живой в его небесну плоть;
Он точка средняя, он сердце всей природы
В нем воздух и земля, в нем твари, огнь и воды[175].

Все «стихии» человеческой души соответствуют стихиям внешней натуры. «Вера, надежда и любовь, возлюбленные братья, — говорил, например, З.Я. Карнеев, — суть три начала, составляющие внутреннюю духовную жизнь человека так, как соль, меркурий и сера суть начала, составляющие вещественную жизнь всех физических существ». Благодаря такому соответствию мир и человек, временное и вечное, крепко связаны между собою. «Временность есть земля, — писал Кутузов Плещеевой, — человек — деятель, деяния — семена, а будущее — плоды. Я нахожу тесную связь между временностью и вечностью и думаю, что цепь Всецелого неразрывна».

Следствия из этой всеобщей неразрывной цепи Всецелого — огромны. Если человек микрокосм, это значит не только то, что его физические качества суть зачатки элементов вселенной; все духовные его качества — отражения тех же элементов; все это — символы, которые надо раскрыть.

И если обладать познанием основного символа, который все бы раскрывал в мире и человеке, — это значит получить необъятную власть над людьми и вселенной.

«Что происходит в микрокосме, то же самое творится и в макрокосме»[176]. Все сосредоточивая внутрь себя и познавая таким образом свою сущность, человек познает сущность всей натуры. Познавая же натуру, он познает и себя. Это две стороны одного процесса.

И если все внешнее нужно понимать, как иероглиф внутреннего, то ведь и обратно: внутреннее есть лишь символ внешнего, малый мир — символ большого; из познания внутреннего вытекает познание внешнего — от человека к Богу.

Отрешение от своей личности, сосредоточение внутрь — первая ступень; отсюда достигается вторая: человек исходит из себя и сливается с Божеством.

Чем больше смертный сам исходишь из себя,
Тем должен больше Бог вливаться сам в тебя[177].

«Натуральное познание» основных стихий, движущих миром и человеком, дает алхимия. Здесь и скрыта тайна ее обаяния.

«О, мой друг! — с увлечением писал Кутузов Трубецкому. — Натура богата, сколь великие сокровища в ней, и как сему быть иначе? Творец ее всемогущ».

Большое количество алхимических книг, вышедших из новиковских типографий — тайной и обозначавшейся именем Лопухина, — показывает, что многие члены московского розенкрейцерского кружка проникнуты были теми же чувствами, что и Кутузов.

Шрёдер, однако, жаловался в Берлин Вёльнеру, что москвичи любят теософию и мистические книги, но от химии их воротит. Эти слова относятся, вероятно, к «пиетистической» группе московских розенкрейцеров: Лопухину, Краевичу, Репнину.

Но даже эти пиетисты, остерегаясь, быть может, начинать какие-нибудь практические работы по алхимии, вполне признавали важное значение ее в теории: недаром они были все надзирателями «теоретического градуса». С другой стороны, они были поклонниками «Пастырского послания», проповедь которого основана была на алхимическом познании мира и его развития.

Начала алхимической премудрости розенкрейцеров заключены были в особой «инструкции» для «теоретических братьев».

«Теоретический градус» представлял такой же «экстракт» алхимических книг, как «Пастырское послание» пиетических. Здесь мы встречаем ссылки на Рецеля, Сендивогия, Гермеса Трисмегиста. Вероятно, что составитель также широко пользовался и сочинением Веллинга.

Захар Карнеев из «Теоретического градуса» сделал для себя и своих братьев еще «экстракт» (подобно тому, как существовал «экстракт» и «Пастырского послания»): опустив вовсе обрядовую сторону инструкции, один из братьев орловских собраний переписал основные пункты учения «Теоретического градуса», которые читались и толковались на собраниях.

На основании «Градуса» вся система мира рисуется так:

А) Три света:

1) Не созданный Божественный свет (или сам Бог).

2) Свет духовный (существо и жилище ангелов).

3) Свет чувственный (существо и жилище всех подлунных тварей).

Б) Царство тьмы — злые падшие духи и грешные человеки после смерти.

Сообразно с этим есть три вида «натуры»: «1-я натура есть Божия, Ему единому известная; 2-я натура — вечная, духовная, чрез которую открыл себя Бог духам или ангельским хорам; 3-я натура — временная».

Всеми видами натуры управляют духи. Их несколько классов.

А) Верхние духи:

1) I класс. Чины ангельские живут в небе.

2) II класс — звездные духи [огня].

Б) Нижние духи [воздуха, земли и воды], «но они не так сильны, как духи [огня]. Все доброе в течении натуры происходит от добрых духов, а злое от злых отверженных духов»[178].

«Стихии никогда не имеют тесного содружества между собою и удобно одна в другую переменяются. Земля в воду переменяется, когда чрез движущую теплоту из средоточия земли рвется и при своем пронзании оную в виде пара с собою несет...»

«Стихии, работающие в теле для произведения чего-либо нового, называются действующими, страждущие ж суть те, кои допускают оное в себе. Вода действует на огонь... огонь работает на воздух для возвышения его в свое достоинство, и сие делается дотоле, пока стихии чрез непрерывное действие приводятся в славное совершенство».

В основе всей изменчивости и многообразия натуры находятся три элемента:

Соль — «твердая существенность и первое начало вещей»;

Сера — «елейное и жирное первое начало, которое другие начала — сухое и влажное — вместе связывает, служа им средним узлом»;

Меркурий — «духовный жидкий и суптильный ликвор или жидкость».

«Каждый металл все другие духовным образом скрытые в себе имеет, поелику все они от одного корня, сиречь соли, серы и меркурия произошли».

«Золото есть совершенный металл, в коем все стихии в равенстве находятся. Но дабы сделать из него совершенное лекарство, должно оно ввергнуто быть в землю своей натуры, распущено и путем возрождения под первое свое состояние приведено. Ибо мертвое золото ни к чему не полезно, поелику живой металлический дух скрыт, сколь долго он в плотном и заключенном теле пленен лежит; но приведен будучи из могущества в действие, может размножаться, животному телу силу сообщать и ослабевшее здоровье восстановлять, подобно небесному солнцу, сообщающему ясность свою прочим стихиям. Поелику и возрожденное золото есть духовным учиненное Солнце. Для чего древние Солнце и Золото одним знаком, то есть целым циркулем с средоточием, означали, либо как одно, так и другое силу всего мира в себе заключает. И кто центральную силу золота может привести в окрестность, тот получает изряднейшее лекарство, заключающее в себе силы всех верхних и нижних вещей. Золото наружно твердо и внутри летуче.

Золото с меркурием имеет тесное сродство, ибо когда оба они очищены, ничего с золотом столь тесно не соединяется, как меркурий, поелику оба они совершенны, неразрушимы, и Гермес называет одно верхним, а другое нижним.

Круглость золота знаменует его совершенство, которое свои лучи из средоточия на крайнее начало мечет. Четыре равные качества в золоте представляют 4 прямоугольника, которые вместе один равносторонний 4-угольник составляют. Тайное познание находит в материи сего металла истинную квадратуру циркуля».

Отдельные положения «Теоретического градуса» развивал З. Карнеев в своих речах или заставлял развивать «теоретических братьев».

Например, речь главного надзирателя орловских собраний о премудрости — лишь пояснение отдела «Градуса» о первых «стихиях» (элементах).

Небо, свет — есть мужеское начало, земля — женское начало. «Ни в каком роде животных не бывает рождение без соединения мужеского полу с женским, и от соединения сего не муж приемлет от жены, но жена от мужа... Небо теплотою света своего, постепенно сгущаясь в среднем пространстве, согревает хладность земли. Оно приводит землю в движение, движение приводит ее в теплоту, теплота разгорячает, а согрение производит воспаление, воспаление же дым, курение или жадность к приему семени в себя мужеского, от которого, зачинаясь в матке земли, новое рождение является очам нашим в неисчетном множестве плодов. Прилежно вникнувши в сие и распространяя познание оного, никто не усумнится в мужеском свойстве неба... Из страдания земли необходимо следует и женское ее свойство. Беспрестанная ее жадность небесных влияний, сухое и хладное ее существо, осязаемое даже и грубыми нашими руками, суть ясным тому доказательством. Она... беспрестанно рождает чад... Она есть всеобщая кормилица всех существ; в ней последний покой свой находит неутолимое небо».

Если человек есть экстракт стихий натуры, то из этого вытекает не только равенство законов жизни его и натуры, познаваемое при помощи алхимии, но также неразрывная и прямая связь между его судьбой и судьбой мира.

Возвышая и познавая себя, человек познает и возвышает всю натуру. Путь развития миров малого и большого только один.

Первоначально и натура и человек сотворены были светлыми и чистыми.

«Земля наша не в нынешнем своем состоянии вышла такова из руки Божией и не могла когда-либо в таковом выйти, но чрез развившееся проклятие соделась таковою, как она ныне есть».

Грехопадение Адама — микрокосма — послужило причиною падения всей натуры: одинаково «как его, Адама, так и мать его, землю, проклятие постигло. И так человек был виною или источником открывшегося проклятия, от которого по всему уже видимому творению распространилось».

Земля была «верная жена своему мужу небу, и ежели бы проклятие, навлеченное вероломством царя ее человека, не вселило чуждых и растленных ей вожделений, то никогда не производила бы она терниев и волчцев».

Если падение человека повлекло за собою падение всей натуры, то и обратно — спасение человека «совлечение ветхого Адама» и рождение Адама юного, истинного, — будет очищением мира.

«Натура только в руках возрожденных будет натурою: для всех же прочих отвергает свои законы...»

«Бог может вверять и вверяет кормило натуры только той твари, которая имеет одинакую с Ним цель, такие же намерения и одинакую чистоту воли и деятельности», — утверждало «Пастырское послание». «Ведая всю мрачность падшего нашего естества и недостоинство оскверненного человека», только «мудрое руководство св. Ордена может очистить и спасти человека...»

6. Внутренняя Церковь

Путь спасения человека и натуры раскрыт был в «Пастырском послании» — сочинении гр. Гаугвица, появившемся в 1785 году и тогда же переведенном на русский язык А. А. Петровым.

«Пастырское послание» имело очень большое значение в духовной жизни московских розенкрейцеров; оно лежало в основании всей их идеологии. Построенное на теософско-алхимических началах берлинского розенкрейцерства, «Послание» выдвигает на первый план пиетистскую сторону ордена, превращая его в мистическую христианскую секту.

Розенкрейцеры становятся у Гаугвица крестовыми братьями; орден — истинной, или внутренней, церковью Христо-

вой; теософия и алхимия сливаются в мистическую проповедь о Христе — спасителе мира и ордене.

«Не та же ли главная священного ордена цель, какую имеет истинное христианство? — спрашивает Гаугвиц. — "Иисус есть Бог". Сии три слова составляют наше пастырское послание... Может быть, сердце ваше никогда еще не ощущало, что Богочеловек Иисус есть наш Спаситель, наш ходатай, наш един учитель; друг душ наших, Брат наш, купно и Господь и Мастер наш, однако ж, о мысль усладительная, притом и Жених наш, Возродитель, наше все во всем. Может быть, вы не уверились еще живо в том, что самый сей Богочеловек Иисус непосредственно есть глава святого ордена нашего... Все, происходившее во Христе внешно и внутренно, должно и в нас также ближайшим образом, следуя по нем, происходить духовно, душевно и телесно.

Поэтому называемся... как бы малыми Иисусами, живыми членами тела Его; поелику с ним нераздельно соединены уже бываем, подобно как виноградная ветвь со своею лозою совокупна; из него только получаем сок, пищу; и яко верные овцы Его токмо Его гласу внемлем, Его токмо любим, и Ему токмо последуем. И да последуем же!..

Иисус един токмо, и никто разве Его есть подпора Ордена, основание всех созиданий наших, начало, средина и конец всех орденских работ, пружина всех дел наших; от Него и для Него вся наша деятельность, ревность и тяжкий труд работы в приведении братий; прямо сказать: Он есть предмет, цель всего нашего могущества, всех сил наших телесных, духовных и душевных».

В плоти и крови Христовой — «вся полнота Божества обитает, она есть всеобщая тинктура жизни, оное (universalissimum) самый всеобщий состав, врачество, которое Иисус, сей богатый любовию Химик, в Себе и из Себя самого под тяжчайшим страданием на Крест приуготовил».

Но люди могут быть достойны Иисуса только тогда, «когда уже благодать Божия приуготовит их к сему... или, что то же, когда уже они посредством Духа, воды и крови Иисусовой, истинно родятся от Бога».

Приуготовить же новое человечество, достойное Иисуса, может только орден в лице верховных начальников своих, ко-

торые проникли уже во «внутреннее святилище»: «их избрал высочайший Химик каналами — посредствующими тинктурами, чрез кои он яко Глава невидимый своей Церкви, хочет и вам передать внутреннее Царство Света и восстановить оный златой век в избранных народа своего внутренно прежде, нежели он явится вне, чтобы и царство натуры освободить от проклятия и паки в солнечный пункт возвратиться».

То освещение ордена, которое придано ему было «Пастырским посланием», не расходилось и с понятиями непосредственного начальника московских розенкрейцеров Вёльнера.

По его словам, Розенкрейцерский орден — это «первая Апостольская церковь; так было приблизительно до третьего папы; первые священники около него составляли гаупт-директорию Ордена в христианской церкви; когда разделились греческая и римская церкви, первая была более правильной. Папа Лев изъял магические познания из церкви и вернул их в орден; после этого церковь стала Вавилоном, а так как в русской ветви ее менее всего изменился старый обряд, то он должен всего более соответствовать Ордену. Впрочем, ни в какой церкви уже нет таинства: оно отнято у церкви высшей магической властью и силой».

Русские розенкрейцеры всецело разделяли эту точку зрения на орден.

«Спаситель имел братство 1-е из 12-ти Апостолов, 2-е из 70-ти, — говорил Руф Степанов, — и апостолы также имели церкви, которые суть истинные братства. Это хотя и известная вещь, но попам и мирянам и на мысль не приходит».

Учение «Пастырского послания» о *внутренней церкви* было развито И. В. Лопухиным в известной книге его, носящей именно такое заглавие. Попыткой осуществления внутренней церкви Гаугвица и Лопухина являются орловские «теоретические собрания», во главе которых стоял подчиненный (в ордене) Лопухину З. Я. Карнеев.

Роль «Пастырского послания» в речах Карнеева очевидна, так как в них встречаются прямые выписки из «Послания»; но можно думать, что в распоряжении Карнеева находилась и «Внутренняя церковь» Лопухина. Действительно, сочинение Лопухина написано было в 1789 году; очевидно, что в том

же или следующем году Карнеев должен был получить рукопись книги.

Идеи «Пастырского послания» и «Внутренней церкви» Карнеев проповедовал орловским «теоретическим братьям». «Дух собратства есть дух любви или дух Божий вкупе, — говорит Карнеев. — Но каким образом есть сие, тако то изъясняет один мудрый муж, сказуя первое: что дух собратства есть единение духа братьев с духом первоначального или верховнейшего брата Иисуса Христа; второе, что дух собратства без сомнения получил имя свое от того, поелику он есть самый тот дух, который от Божественного первоначального брата Иисуса Христа чрез братьев одаренных духом сим сообщен был братьям оным в избранной церкви или обществе...

Учение св. Ордена, яко единое с учением Христовым, всегда было, есть и пребудет таинственным, — продолжал Карнеев ту же речь, — для чего так же и преподается оно под символами и гиероглифами, как и Христос свое проповедовал народу в притчах; но сколько Иисус тайны царствия Своего открывал одним избранным своим ученикам, так и св. Орден, яко верная академия Христова, сообщает избранным токмо братьям таинства Своя, состоящие в познании света натуры и благодати, в познании времени и вечности».

«Вникая далее в промысл Божий о человеке, — вторил ему Нелединский, — находим, что угодно было благости Его из числа сих равнодушных к спасению себя людей избрать и еще особый круг, которого б члены, составляя истинную церковь возлюбленного Сына его, были в мире деятельнейшими орудиями воли Его Святой и к которому удостоились и мы чрез введение в св. Орден причтены быть...

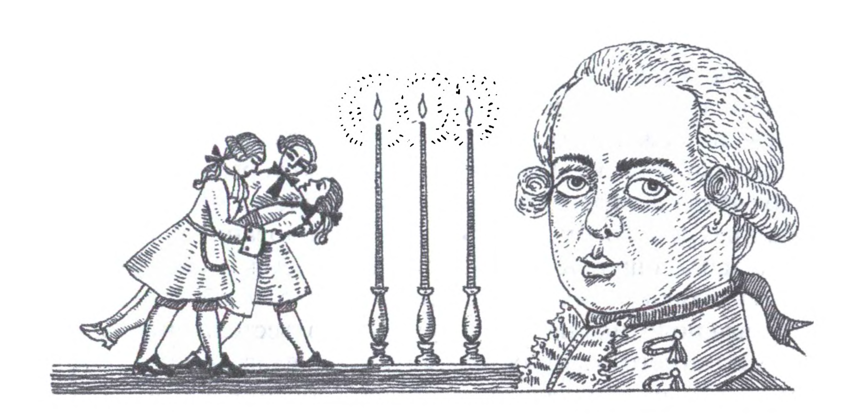
Как христианство осталось токмо в устах наших, а язычество овладело сердцем нашим, и как наружное богослужение наше не сильно было сокрушать идолов самолюбия и собственности, погружающих нас во все пороки и страсти темпераментов наших; то погибли бы мы в сем положении, ежели бы милосердствующая благодать Божия о нас не предоставила нам и еще третьего и последнего средства к избавлению нашему, сокровенного под непроницаемою в мире тайною св. Ордена».

«Внутренняя церковь» «теоретических братьев» находит завершение в обряде тайной вечери.

«Возрадуемся духом и возвеселимся сердцем в торжественный сей день воспоминания св. Его вечери, данной им избранным своим двенадцати ученикам, — говорил Карнеев в Страстной четверг 1790 года. — Се была тайная вечеря, которая от самых сих первоначальных столпов христианского основания предана за тайну и в потомство; почему как вообще церковь покланяется бескровной жертве сей с благоговением, так и наипаче мы, яко особенно обязавшиеся во Иисусе Христе служить вечному и всемогущему Иегове, должны ей всем нашим почтением, любовию и хвалою...

О, великий Боже, Спасителю и искупителю наш! Кто ж может уподобиться тебе, кто, кроме того, в котором вся собственная воля умерла, весь собственный разум замолк, и одно беспредельное повиновение Ордену, и — учению Твоему — живет, движет и действует?!»

Глава третья
Социально-политические взгляды масонов

1. Понятие о природе государства

Представление масонов 1770-х годов о государстве и обществе создалось под влиянием идей «естественного права». Отношения между людьми должны так же слагаться по «разуму законов», как и душевная их жизнь и религиозные обряды.

«Себя я почитаю гражданином света, а свет весь одним градом, в котором я живу, — говорил новопринимаемый мастер Елагиной ложи и на вопросы "Почему?" отвечал так: — Люди одарены разумом, который поучает, что делать и как поступать нам; а потому и имеем общий естества закон; если общий закон мы имеем, то мы и сограждане; а если сограждане, то общее и право мы имеем одно — право гражданства, должны почитать свет одним и общим роду человеческому городом».

Систематично изложил учение о законах естества в людском обществе писатель из херасковского кружка «Полезного увеселения» Вл. Золотницкий. В 1764 году им было издано

с этой целью «Сокращение естественного права». Немногим позже вышел перевод статей из энциклопедии «О государственном правлении и разных родах оного»[179].

В самом конце 1770-х или начале 1780-х годов кн. Щербатов занялся переводом «Естественной политики» Гольбаха. Выбор этой книги, конечно неслучайный, ясно говорит о всем направлении мыслей переводчика. Гольбах строит свое рассуждение на типично рационалистской основе.

«Политика или искусство управлять людьми, — говорит он, — не может быть темная, на догадках основанная, и сомнительная наука, как токмо для тех, которые не взяли на себя труда довольно размышлять о свойстве человеческом и о предмете сообщества. Истинные основания правления суть ясны, ощутительны и доказаны всеми теми, которые размышляли о сих важных причинах; они обретают, что здравая политика не имеет ничего сверхъестественного, ни таинственного и что, восходя к естеству человеческому, можно сделать политическую систему из собрания истин, совершенно связанных между собою, и цепи толь же верных правил, яко в какой другой науке познаний человеческих».

Основанная на этой системе политическая наука должна служить руководством действительной жизни всякого народа.

«Никакой народ не может быть счастлив, если он не управляем естественными законами, которые всегда к добродетели ведут.

Никакой государь не может быть велик, могуществен и счастлив, если не со правосудием царствует над благоразумным народом».

«Естественное общество» 1770-х годов теряет свое обаяние в 1780-х. Пугачевщина слишком хорошо показала, на какой зыбкой основе построено произведение натуры.

Властным выразителем новых взглядов явилась книга Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», вышедшая в подлиннике в 1775 году и проникшая в Россию не позже 1777 года. Книга эта оказала громадное влияние на политическую мысль русских масонов. В 1785 году она вышла в русском переводе «иждивением Компании Типографической» (у Лопухина); переводил ее один из розенкрейцеров — П. И. Страхов.

Книга Сен-Мартена была одним из наиболее ярких произведений мистической литературы; но помимо теософического своего значения она знаменательна своим учением о природе государства и общества: Сен-Мартен пытался разрушить систему естественного права, являясь предтечей целого направления политической мысли начала XIX века — Бональда и Ж. Де Местра.

Естественно-правовые учения о начале государства Сен-Мартен рассматривает в V главе своей книги.

«Политикам, которые больше прочих старались следовать течению натуры, — говорит он, — величайшее было затруднение согласить все общественные установления с начальными правилами правосудия и равенства, усматриваемыми в них. Как скоро сведали они, что человек свободен, то и вздумали, что он рожден быть независящим, и тотчас судили, что всякое подвластие противно истинной сущности его.

И так в самом основании, по их мнению, всякое правление есть погрешность, и человек не должен бы иметь над собою иного начальника, кроме самого себя.

Но как мнимая сия погрешность зависимости человека и властвования над ним везде непрестанно встречается их глазам, то не могли они удержаться от любопытства, чтобы не поискать происхождения и причины ее...

Одни вздумали, что проворство и сила вручили начальство повелителям человеков и что верховная власть основана токмо на бессилии попустивших себя покорить... Другим понравилось описать подробно насильственные или хитрые способы, которыми, по их мнению, основаны государства; они представили нам ту же систему в обширнейшем виде. Таковы суть тщетные умствования тех, которые полагали побудительною причиною сих учреждений нужды и суровость первых людей и говорили, что сии необузданные люди, живучи, как ловцы в лесах, делали набеги на упражнявшихся в земледелии и скотоводстве, желая пользоваться всеми выгодами их; что потом для удержания своего превосходства, насилием присвоенного и которое было точное угнетение, сии хищники власти принуждены были учредить законы и наказания. Таким образом, кто был хитрее, отважнее и замысловатее всех, остался, наконец, властелином и утвердил свое господствование.

Но тотчас и видно, что сие не могло быть первое общество; понеже предполагаются уже земледельцы и пастухи...

Некоторые думали поправить сию несправедливость, положа за основание всякого общества общее согласие и единодушное изволение неразделимых, из которых оно составлено и которые, поелику не сильны были каждый в особенности переносить опасные следствия естественной свободы и независимости подобных своих, принуждены были отдать в руки единого или нескольких людей права естественного своего состояния и обязаться соединенными силами подкреплять власть избранных ими начальников».

Однако «не требуется великого размышления, чтобы почувствовать, сколь трудно представить себе добровольное соединение целого народа. Чтобы мнения всех могли быть единогласны, надобно, чтобы все одинаково представляли себе побудительные причины и условия нового обязательства; а сего не бывало и быть никогда не может...

Кроме того, что надлежало во всяком члене утушить склонность к любоначалию или желание быть близким к начальнику, требуется еще соглашение бесчисленных мнений, которое никогда еще между людьми не встречалось, как о выгоднейшем образе правления, так и о всеобщей и частной пользе и о множестве других вещей, которые должны составлять статьи договора».

Кроме того, «в самой вещи добровольное общежительства учреждение есть столь же неправедное и безрассудное дело, сколько и несбытное; потому что в нем должен человек человеку вручить такое право, которым сам не обладает, то есть право располагать самим собою; и потому что когда отдает право, которого сам не имеет, то делает договор ничего не значущий, которому ни начальник, ни подчиненные не могут дать никакой силы, поелику не мог он связать ни того ни другого».

На место теории естественного права Сен-Мартен ставит свое теософическое обоснование происхождения власти и подчинения, святых царей и падших рабов.

«Чтобы решить вопрос, стоит только посмотреть на человека. Жизнь его не есть ли цепь непрерывных зависимостей?.. Одни попускают себя в порабощение и падают при

бесчисленных камнях преткновения, которыми усеяна сия тина стихийная, другие мужественно и счастливо избегают оных.

И так должно сказать, что кто больше предохранит себя от оных, в том меньше обезображена будет идея начала его, и тот менее удалится от первобытного своего состояния...

Тот, кто предохранил себя... становится владыкою не только по самому делу и необходимости, но и по долгу. Он должен овладеть павшим человеком и не давать ему ни малой свободы в его деяниях как для удовлетворения законам начала его, так и для безопасности и примера общества: он должен употреблять над ним все права рабства и подданичества; права, столь же праведные и существенные в сем случае, сколько непонятные и ничтожные во всяком ином обстоятельстве...

Владычество сие не токмо нельзя почитать угнетением и притеснением естественного общества, но должно почитать его твердейшею оного подпорою и самым несомнительным средством к подкреплению его как противу злодейств членов своих, так и противу нападений всех его врагов.

Одеянный сим достоинством, поелику не может быть блажен иначе, как придержася крепко тех качеств, которыми приобрел он владычество, старается для собственной пользы устроить блаженство подданных своих...

Помощью света сего должен он иметь возможность обозревать вдруг и с успехом удовлетворять нуждам всех частей правления, знать твердо истинные начальные основания законов и правосудия, уставы воинского порядка, права частных людей и свои, равно как и то множество пружин, которыми движется государственное управление.

Также должен [истинный царь] иметь возможность устремлять взор свой и власть свою простирать и на те части государственного управления, которые ныне во многих державах не поставляются главною целью, но которые в том правлении, о котором мы говорим, должны быть крепчайшим узлом; то есть религия и излечение болезней. Наконец, даже и в художествах, к увеселению ли, к пользе ли служащих, не может он не наставить на путь и не показать истинного вкуса. Ибо светильник, счастливо полученный им, раз-

ливая повсюду свет, долженствует ему освещать все вещи и открывать связь оных...

Но в естественном порядке, если б каждый человек достигал до последней степени своего могущества, то каждый человек был бы царь. Но как цари земные не признают других царей своими владыками, и, следственно, не подчинены друг другу: так и в сем случае, если бы все человеки вступили в полное владение своих прав, то ни владык, ни подданных людей же не было бы между людьми... Но сие, повторяю, не в теперешнем состоянии вещей быть может, чтоб все человеки достигли до сей степени величества и совершенства, которая учинила бы их независящими друг от друга; и так ежели с начала сего откровенного состояния были всегда между ими начальники, то надобно надеяться, что и всегда оные будут...»

Перекладывая книгу «О заблуждениях и истине» на свои понятия, Елагин излагал в упрощенном виде тонкие извивы теософской мысли автора[180]. Помимо творения самого Сен-Мартена, Елагин пользовался как толкованием вышедшей в 1784 году книгой «Suite des Erreurs et de la Verité ou développement du livre des hommes rappelés au principe universel de la science»[181].

В I части своего «Учения древнего любомудрия» Елагин рассуждал о происхождении государства. По его словам, «Моисей внушил слушателям повиновение власти, которою общества утверждаются, цветут и благоденствуют. Сие необходимое к блаженству рода человеческого, который по слабости естественных сил своих неудобен подобно зверям жить в одиночестве». Свои мысли Елагин подкрепил ссылкой на Сен-Мартена: «Смотри о сем изрядное рассуждение: “Зависимость — первое состояние человека; природа рождает его слабым и неспособным самому доставить себе ни одну из нужных ему вещей; она его доверяет и подчиняет безусловно нежности отца и матери”».

Елагин делал такой вывод: «Ибо, как сидящей на пламенном престоле есть благий всея Селенные и купно рода человеческого Отец и Владыко, так и естественный отец тоже рожденным от него чадам есть владыко; и как подобает Тому власть повиновение и почитание, от всего во вселенной существуемого, так и родшему подобает власть, послушание,

благодарение и почтение детей его: Бог есть Творец всея Селенные и яже в ней; Он благий о творении Своем попечитель; так равно и естественный отец есть творец сына своего и попечитель о воспитании и содержании его: а потому, как Бог есть беспредельный Владыко твари всея, так и отец есть господь и властелин собственных детей и дома своего. При сем предусматривая он вдали и политические многородных обществ составы и в них властей постановление, предварительно увещевал с верностию и усердием повиноваться властям предлежащих, ибо по глаголу Апостолову, "несть власть яже не от Бога" и что монарх есть глава и отец народа своего. Таковы, любезные братья... как вы сами видите, существенные царственной науки нашей содержания; ибо в них и о истинной религии, и о существе духовном, и о веществе телесном и о первоначалии властей, общества содержащих, предлагается».

По умозаключениям Елагина можно ясно представить, как именно понимали Сен-Мартена русские его читатели и что особенно их привлекало в творении французского мистика.

Не забудем, что Елагин толковал Сен-Мартена и Панину и что самому Елагину помогали учитель Новикова Рейхель и розенкрейцер Эли.

2. Задачи общественной деятельности

Расходясь в воззрениях на сущность и происхождение государства, масонство было едино в стремлении содействовать правильному его развитию. Ни рационалистическое, ни тем более мистическое масонство не выключали из круга своей деятельности улучшение (или спасение) общества и государства. Сам дух масонства, по словам одной из речей XVIII века, требовал «устроить счастие соотечественников», «воспламениться ко благу государственному» и «созидать благо общественное».

С этим требованием предстояло, однако, примирить то настроение, которое находилось в основе масонской мудро-

сти: признание первенства за внутренней жизнью по сравнению с внешней.

Успехи и достижения, разочарования и горести внешней жизни не имеют существенной ценности по этому взгляду. Прежде всего нужна работа над своей собственной душой. Только через эту работу можно добиться истинного блага и истинной свободы.

«Наружная независимость никоим образом внутренней свободы произвести не может», — говорил Шварц. «Истинная есть свобода от страстей, а не от начальства», — выражал ту же мысль Поздеев.

«Если бы кто спросил пленника, или галерного невольника: чего он желает, то без сомнения получил бы в ответ — Вольности. А может быть, рабы сии ведают всю силу, в слове сем заключающуюся, с того только времени, как лишились своей свободы. Так говорит подданный Тиранна, или когда не смеет сего сказать, то воздыхает он более о вольности, нежели гражданин республики». Между тем все равно «человек повсюду ограничен. Желал бы он измерять небо, пройти все звезды; но тяжесть его тела привязует его к земли. Способен он к блаженству, но тысячные препятствия удаляют его от оного»[182].

«Система каменщичества, — говорилось в “Магазине” 1784 года, — совершенно противоположна беспорядку и необузданности, и не позволяет никакой другой свободы, кроме нравственной... Тот только действительно свободен, кто разумен и добродетелен, или кто повинуется законам и исполняет свои должности».

Одну из своих речей XVIII века Поздеев произнес «в опровержение непросвещенных, которые думают, что мы вольными каменщиками именуемся потому, что намерены всеобщее восстановить равенство, не последуем никакому закону и живем по своим прихотям. Таковая вольность не есть вольность, а рабство. А рабство, в смысле обыкновенного принятое, для многих людей было свободою. Носящий оковы и в темнице заключенный может быть свободен. Ибо такового человека внешность терпит угнетение рабства, но внутренно может он быть свободен.

Обладатель многих стран, сильный оружием и богатством, который пишет народам свои законы и имеет власть повергать их в оковы, ежели предан страстям, есть раб. Епиктет, мудрый владелец единой токмо убогой хижины и презренный невольник римского вельможи, есть свободен. Мудрец Афинский в темнице в оковах вкушает сладкие плоды истинный свободы.

Таков есть не ложно свободный человек, таков должен быть всяк, кто носит имя человека. Сам над собою царь, ничьей внешней власти не подвержен, как токмо по силе внутреннего своего закона. Сам себе судия, владетель не крадомого богатства; не гонится за непостоянными дарами слепой фортуны; а ежели некогда и получает оные, то не присвояет их себе, не хвалится ими яко собственным имением, но почитает их залогом, вверенным ему на время. Не поставляет своего блага ни в чем, что с телом его погибает. К единому стремится высочайшему блаженству, тленное все почитает посторонним; небесное и умственное почитает яко свое естественное».

Исходя из таких взглядов, масон не мог стремиться к преобразованию в первую очередь внешних сословных и экономических рамок жизни. Улучшение их отодвинуто было на вторую очередь после нравственной дисциплины духа, самоусовершенствования — исправления поврежденных нравов.

Исправление нравов стояло в центре масонских общественных идей. Распространенная песня учила:

Мирскую суету оставьте,
Низриньте роскоши кумир
И нравы ваши здесь исправьте,
Согласных звук внимая мир.

Исправления нравов — обуздания своих страстей — прежде всего добивались все наставления в ложах и карманные книжки масонов — без различия направлений вольного каменщичества. Это была основная общественная задача масонства.

Все процветание идеального масонского царства — земли Офирской — держится у Щербатова на тщательном наблюдении за добронравием жителей. Офирская полиция неослабно следит за недочетами морали.

«Каждый разврат нравов, яко явное непочтение к родителям своим, сварливость, жестокие поступки с подданными своими, мотовство, излишняя роскошь — унимается благочинными [начальниками полиции]».

Политический пафос Щербатова основан прежде всего на забвении этого рода мыслей русским правительством. «О повреждении нравов» в России говорит наиболее страстная — но также и наиболее искренне и живо написанная — политическая статья Щербатова[183].

К выводу о необходимости «первее всего» совершенства нравов приходили масоны и в вопросах социальных — о крепостном состоянии. Язвы крепостного строя не укрылись от взора по крайней мере некоторых из вождей масонства.

«Все мы любим, чтоб нам служили и угождали, — поучал в одной из своих речей С. И. Гамалея. — Яримся мы, как воины, на наших ближних, на наших слуг, на наших домашних и, предавая их стремлению нашего гнева, думаем найти себе удовольствие, мстя им за неисполнение наших прихотей, называя сие учением или наказанием».

Стремясь за достатком, мы «никого не уважаем, никого не щадим, собираем деньги, несмотря каким бы то ни было образом, мучим слуг и домашних, денно и нощно печемся, чтоб было все чисто, пристойно и прилично нашему роду, чину и месту; словом: чтоб все плоти нашей угодно было. И так едим и пьем, и не мысля о том, что каждый кусок наш напоен кровавым потом или слезами наших братий служащих. Но добро ли все сие? Нет».

Гамалея находит выход в области не политики, а морали:

«Слуги и крестьяне наши — служащие нам братья наши... Все то, что нам самим добро, прекрасно, изрядно, хорошо, полезно и совершенно кажется, нравится, любится, то должны мы и им оказывать и в мыслях, и в словах, и в делах наших. Но, может быть, кто скажет: они для того родились, чтобы служить. Так, любезный брат, они для того родились, чтобы тебе служить; а ты для того родился, чтобы им слу-

жить; а что они часто пред тобою погрешают и ничего не разумеют, тому причиною твое недобронравие и тебе подобных. Ежели б они видели твои добрые примеры, ежели б они слышали твои добрые наставления, словом, ежели бы ты был добронравен, то и они были бы лучше и тебе было бы лучше, но понеже ты думаешь только о своем мнимом удовольствии, то есть прихоти твои тебе нравятся, для того ты слуг и крестьян своих изнуряя, себе погибель готовишь. Ведай, что ты от слуг и крестьян своих тем только разнствуешь, чем старший в семье брат, а в прочем все равно. Но, может быть, кто и при сем подумает: как равняться с крестьянином? Так точно, любезный брат, как тебя в ту же землю заровняют, в которую и крестьянина, то не пренебрегай, любезный брат, бедных своих слуг и крестьян, будь к ним добронравен, да нравится тебе добро делать служащим тебе. Добро же делать не то значит, чтоб им такую же пищу или одежду давать, какую сам употребляешь. Нет, сим более зла им сделаешь, нежели добра; от нежной твоей пищи они расслабевают, а платье твое им неприлично. Делай ты им добро братским с ним обращением, не утесняй их, извиняй их слабости неумышленные, научай их воздержать, удерживай их от пороков; но не суровым и жестоким образом, коим более им зла, нежели добра, сделать можешь».

«Мы много причиною развратности наших подчиненных, — говорилось на беседах Руфа Степанова, — от кого они выучились играть в карты, пить пунш, неверными быть в супружестве, и так далее? Как все чистится сверху, так оттуда и загорается... Замаранными руками едва ли можно кого очистить; но должно прежде свои руки вымыть».

Другого выхода из положения не существует. Освобождением крепостных нельзя освободить их душу; в случае эмансипации жить им будет не легче: «едва [крепостной] выходит на свободу, как встречают его или корыстолюбие или зависть; он устремляется к работе, получает за нее плату, но не довольствуется ею. Стремится за другую, ища насытить свое желание и удовольствие, которое как тень от него бежит, чем более он за ним гоняется».

Исправлению владельческих нравов и были посвящены главные усилия масонов. Один из наиболее выдающихся,

Новиков, начал с отрицательного метода (сатирические журналы) и затем перешел к положительному (моральные журналы и «работа» в ложах).

Одним из прямых следствий нравственного воспитания для богатых и сильных была помощь бедным и слабым. Поэтому филантропия играла такую видную роль в общественной деятельности масонов.

«Деятельное, умное и повсеместное благотворение да будет основанием твоих поступков... — назначал Устав вольных каменщиков. — Будь ласков и приветлив; возбуждай во всех сердцах огнь добродетели: дели счастие с ближним твоим, и да не возмутит никогда зависть чистого сего наслаждения. Прощай врагу твоему; не мсти ему, разве токмо деланием ему добра»[184].

Проповедь благотворения занимала видное место среди речей в масонских ложах. «Человеколюбие есть мать всех общественных добродетелей, и к нему должны мы тем более стремиться, что плоды его суть милование, дружелюбие и любовь к ближнему, и оно есть источник, из коего проистекают реки милостей и благодеяний к пользе человечества. Друг человеков беспрестанно помогает терпящему нужду и с удовольствием жертвует счастием своим счастию общественному. Он охотно прощает учиненные ему оскорбления и заглаждает их в памяти своей. Мщения и злобы сердце его чуждо. Никогда не воздает он злым за злое и самых врагов своих не возненавидит. Услугами и дружеством старается для их же добра обратить их на иные мысли, искренним сожалением скорбит он о бедствиях человеческих, стремится облегчить бремя их несчастия; и труд его щедро награждается удовольствием, которое чувствует при счастливом последствии стараний его. Беспрестанно трудится он всякому злу сопротивоборствовать, вражду и огорчение ищет искоренить. Правосудие не менее драгоценно, ибо покой общества от него зависит и им каждый в безопасном владении утверждается. Каменщик должен быть справедлив и беспристрастен в обхождении человеческом, и поступать с ними так, как бы он хотел, чтоб с ним поступали»[185].

3. Масонские утопии

Пока масонство было частным обществом, нравственность и благотворение были частными добродетелями. Но как только мысль масонских деятелей от «внутреннего человека» переходила к «внешней натуре» — переносилась в те времена, когда «внутренний орден» получит силу управлять внешним государственным механизмом, — положение совершенно изменялось. О нравственности и благосостоянии народа должно было заботиться целое государство: филантропия превращалась в социализм.

В распоряжении читателя-масона находился целый ряд политических и социальных «романов», проникнутых хотя бы в очень слабой степени именно такою тенденцией.

1) «Похождение Телемака, сына Улиссова», Фенелона, издавалось в 1747, 1767 и 1782 годах; в переводе И. Захарова «Странствования Телемака, сына Улиссова» были напечатаны в 1786 и 1788 годах.

2) «Путешествия Кира» (Рамсея). Это сочинение сперва появилось в русском переводе (с французского) А. Волкова* (М., 1763, 2-е изд. там же, 1765) под заглавием «Новое Кironаставление»; в 1785 году Новиковым издан был другой перевод, уже прямо с английского (А. В. Храповицкого): «Новая Киропедия, или Путешествия Кировы».

3) «Спокойствие Кирово, или Повествование его жизни», СПб. 1766, в переводе А. А. Нартова.

4) «Новейшее путешествие (сочиненное в городе Белеве)» В. А. Левшина («Собеседник любителей российского слова», 1784, XIII–XVI).

5) Творения М. М. Хераскова: «Нума, или Процветающий Рим» (М., 1768), «Кадм и Гармония» (М., 1786).

К этому ряду политических романов примыкают собственно масонские утопии, прямые начертания идеального государства.

---

* Авраам Степанович Волков (1731—1803) — переводчик, действительный статский советник, вице-президент Медицинской коллегии.

Около 1784 года была написана утопия кн. Щербатова — «Путешествие в землю Офирскую».

Идеальное государство Щербатова ограждает физическую и нравственную личность каждого гражданина самым тщательным и бдительным попечением. Контроль государства проводится при помощи нравственно очищенных полицейских офицеров, *санкреев* или благочинных. На должности их лежит «1) попечение о здоровье жителей, 2) о их безопасности, 3) о спокойствии и 4) о освещении».

В жизни офирян «все так рассчитано, что каждому положены правила, как ему жить, какое носить платье, сколько иметь пространный дом, сколько иметь служителей, по скольку блюд на столе, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено в цену; дается посуда из казны по чинам; единым жестяная, другим глиняная, а первоклассным серебряная и определенное число денег на поправку, и посему каждый должен жить, как ему предписано».

Полицейская опека доходит до мельчайших подробностей быта. В противопожарных видах, например, «ни один гражданин не может делать или починивать печи или трубы без надзирания определенного, в каждой части печника, которому от граждан и малая плата с числа печей производится. А более уже он брать под опасением вечной работы ничего не может, к тому же, ежели его несмотрением сделается печь или труба так дурно, что сие подаст причину к запалению, то сей печник за сие наказуется определением в вечную тягостную работу».

У офирян нет «ни богатства, ни убожества», — а «живут каждый служащий на определенном от казны жалованье».

Нижние чины при этом должны служить бессменно, если хотят получать содержание от казны, высшие же четыре чина могут через пятнадцать лет выйти в отставку с сохранением одной пятой части жалованья в виде пенсий.

Государство следит за всей экономической жизнью страны: ведется строгий учет «циркуляций» частных земель; устроены особые «житницы» — запасные склады хлеба и вместе агрономические пункты, отпускающие за плату лучшие семена; каждый год определяются твердые цены на все продукты.

Законом нормировано все потребление, хотя и не уничтожена вполне частная собственность; есть большая общественная группа офирян, по отношению которой не остается места и частной собственности. Это армия. Солдаты набираются исключительно из раз навсегда определенных селений Офирской земли, остальная часть государства не несет никаких военных тягостей.

Солдатские поселения распределяются по полкам, каждое селение соответствует одной роте — «под начальством своих офицеров». На каждый полк отведены «не токмо довольные, но и излишние земли».

«Каждому солдату дана меньше обыкновенного хлебопахаря — однако довольная — земля, которую они обязаны стали обделывать; треть же из каждой роты, переменяяся погодно, производит солдатскую службу; а и все должны каждый год собираться на три недели и обучаться военным обращениям, а во все время, в каждый месяц два раза... Каждый отставленный солдат, по выслужении урочных лет, не токмо должен в селение его полка возвратиться, но и в самую ту роту... Не токмо позволено, но и повелено в полках иметь приличные мастерства, но больше грубые, яко плотничье, столярное, кузнечное, шляпное, сапожное и подобные».

Новиковский кружок не создал такого законченного плана идеального государства, какой был начертан кн. Щербатовым. Однако в мировоззрении московских мистиков заложены были определенные начала Нового Царства.

«Внутренняя церковь» розенкрейцеров должна была взять на себя управление всем людским обществом. «Вы же род избран, царское священие (или цари и священники), язык свят, люди обновления, яко да добродетели возвестите из тьмы вас призвавшего в чудный свой свет, — вспоминает Карнеев слова апостола (I Петр. II, 9). — Кому больше, возлюбленные братья, прилично сие поздравление, как не существенным и живым членам св. Ордена, которым сказуемое богомудрыми мужами истинно приложить можно: что они суть един дух с Богом и предварительно живут уже в вечном дне, невзирая, что и солнце и луна восходят и заходят еще пред телесными их очами. Все дела свои творят они ныне в Боге, Который

есть, так сказать, душа души их и Который ко всякому Своему изволению употребляет их, яко безмолвное орудие... Соединение их с Богом есть толь тесно, как соединение водяной капли с неизменным морем. Сколь скоро капля сия поглощается морем, то имеет с ним одинаковую крепость и силу».

Алхимия, открывавшая пути к совершенству человеческого рода, тесно связана была с совершенной системой правления.

«Важные труды занимают меня теперь, — говорит алхимист одной (правда, позднейшей) рукописи, — я тружусь над великою работою, от которой зависит судьба человечества».

Цель всех «усилий и многолетних изысканий [алхимиста] есть та, чтобы даровать народам совершеннейшее правление, а человечеству возвратить древо жизни».

Давая господство над натурой, то есть и над людьми, не возвысившимися из натуры, алхимия дает «церкви» своих адептов силу управлять прочими людьми, владеть всем государством.

Волшебный маг Гиперион, преобразовывая и совершенствуя с помощью алхимии натуру и естество царевича Кибрита, доводя его до высшей степени познания, красоты, силы и мудрости, вместе с тем понемногу помогает улучшить Хризомандеру и управление его царством, устанавливая лучший суд, новую продовольственную систему, спасая жителей царства от неурожая и проч.[186]

В качестве плана грядущих преобразований и нового устроения жизни кн. Н. Н. Трубецким был переведен манифест, обращенный ко всем «Владыкам мира сего», — «Новое начертание истинной теологии»[187].

Книга кладет в основание будущего мира ту же церковь Христову — о которой проповедовал Карнеев. «Через истинную церковь Дух Святой непосредственно может вмешиваться в дела людей. Церковь, создает очищенное и преображенное человечество, которое и будет залогом новой жизни. Власть Божия и власть земная должны слиться в лице святого царя.

Бог при сотворении человеческого рода предприял славное дело. Он хочет все сие человечество по Своему образу сотворить. К сему употребляет Он свою Церковь, которая должна быти особенною Его невестою. Но прежде, нежели сия

церковь брак совершит и возможет править с Богом и Спасителем своим, должна она получить нужных для того членов и достигнуть величия и святости. Сего ради чем она древнее будет, тем ближе приближается день ее брака и ее славного царства. В юности своей была она внешно правима Священниками, которые поучали ее чрез весьма тяжкое преобразовательное служение, как то ей нужно было в то время и как то нужно было, дабы последующих членов ее привести в состояние разуметь небесное учение Иисуса и таинства царствия небесного. Потом освободил ее Сей Спаситель чрез Свое Человечество от сего законного ига и чрез Своих Апостолов и небесных Пророков, довольно наставил ясным образом во всех спасительных истинах, чрез что она мало-помалу к познанию Его Божества и к Его совершенному усыновлению приведена и в состояние поставлена, дабы быть внешно правимою святыми царями, учение Святого Духа праведно уразуметь и оному следовать, и чрез то достигнуть до предопределенной ей святости и блаженства».

Сообразно с этим книга намечает «основательные положения христианской политики, чрез которую Спаситель наш все победить, над всем миром господствовать будет и всех человеков учинит блаженными, и которую рабы Его и Ангелы отныне употреблять должны, дабы приуготовить царство Его, и с Ним царствовать:

1) Иисуса Христа, яко истинного Бога и существенную любовь, восприять в сердце своем за Царя и Вождя.

2) Вечное царство Его Божественной и духовной любви во всех и над всеми человеками иметь целию и по возможности стараться распространять.

3) Допустить себя сею существенною любовью к Богу и ближнему оживить, просветить и править, и никакому другому гласу не веровать и не следовать.

4) Все отрицать, оставлять, отвергать и отвращать, что противно сей любви и что препятствует ее побуждениям и удостоверениям, следовать по ее воли.

5) Лучше хотеть со Христом страдать и умереть, дабы угодить Богу, и царство Его и всеобщее благо по Его воли распространять, нежели сохранить жизнь свою и многие получить мирские почести и богатства чрез нелюбовь и неверность».

Существенной задачей нового святого государства будет исправление нравов всех подданных его. Исправление нравов «долженствует быть делом любви и согласия, а не гонения и слез... Бог такожде предпоставил начальство наказывать зло, и награждать добро; к сему будет Бог со всем особливым образом употреблять их и при сем деле исправления...».

К исправлению нравов призывала и другая излюбленная книга новиковского кружка, ставившая своей задачей наметить правильный путь человечества, — «Истина религии». По ее мнению, необходимо прежде всего обуздать роскошь моды в одежде. Достигнуть этого можно путем обязательного введения мундиров для всех состояний и на все случаи жизни. «Должно неотменно уже в некоторых местах начатое учреждение одежды сделать таким образом, чтоб каждое обоего пола состояние имело особенный свой пристойной мундир, как будничный, так и праздничный, по примеру военных людей, отдавая оной на вкус каждому месту и чтоб оное, несмотря на лицо, строго наблюдаемо было. Какою выгодою пользуются офицеры в мундирах своих? Небогатый равно с богатым может являться как при дворе, так и во всяких обществах. Ежели б правило сие было всеобщее, коликих бы избавилось тогда человечество забот, зависти и презрения! Достоинство и добродетель были бы виднее, и личность имела бы более уважения. О если б вскоре наступило блаженное время сие! В сем христианский патриот не угодит только одному прекрасному полу...

Государи и вельможи должны бы были подавать собою высокий пример и подражать монарху китайскому, которой не иначе видим бывает, как в императорской униформе своей, и в которой он почти обожаем».

Благодаря исправлению нравов государство сможет внести моральные начала и в экономическую жизнь.

«Для отвращения и вспомоществования бедности, — говорит "Истина религии", — в великих городах должны учреждены быть магазины как для хлеба и дров, так и для торфа, из которых бы жители, состояние более из бедных, нежели из богатых людей, могли иметь сходною ценою нужное для жизни и пищи своей...

Также надлежало бы ограничить скотское черни употребление вина, которым наша земля особливо заражена...

Что фабрики, откупы и торговля от сего пострадают, сие есть одно пустое нынешней моды предрассуждение, имеющее корень свой в глупости человеческой. Напротив того фабрики и лавки при учрежденных единожды навсегда мундирах, будут иметь расход, вернее нынешнего, вместо того, что теперь многие товары не расходятся и гниют. Торговля и мореходство более бы приносили пользы государствам. На художества и науки можно бы было обратить более. Паче же всего усилилось бы земледелие и скотоводство, сии золотые государственные источники, когда бы такое множество лишних в городах людей, не имея там пропитания, к земледелию обратилось».

«Новое начертание истинной теологии» надеется, что в новом царстве верующих постепенно исчезнет всякая нужда, наемничество и рабство; убогие подданные должны быть освобождены от налогов; должны быть устроены на широкую ногу дома для нищих и странников, больницы и училища для бедных.

Истинное государство установится не сразу. Переходной стадией будет общество верующих, уже очищенных Св. Духом.

«Сие общество будет отличаться от других плотских обществ наипаче следующими пунктами:

1) Оно не будет иметь особенного исповедания веры, ни же какого особенного внешнего Богослужения, но каждый из его членов будет для себя веровать Писанию, как он его разумеет и полную иметь свободу служить Богу по своей совести.

2) Оно будет состоять из одних верующих и никакой необращенный не будет признан за члена его, так что все необращенные супруги, чада, господа и слуги не могут быть членами общества сих соединенных верующих.

3) Оно в делах совести не будет иметь никакого другого вождя, кроме Иисуса Христа, так что все его члены будут стремиться допустить себя править единственно Духом Божиим и друг друга как братья любить и служить, по учению Христову и Его Апостолов.

4) Оно будет и всех других верующих, всех других сект и партий признавать за своих братьев и их также любить и почитать, как и соединенных своих членов.

5) Оно совсем посвящено будет служению Богу и ближнему, и все виды к доставлению себе хвалы и пользы будет оно почитать за зло и не позволенное.

6) Оно будет иметь практическую религию, ибо оно будет главным делом себе иметь исполнение всех христианских добродетелей и должностей. Оно будет стремиться исполнять непрестанно и наилучшим образом то, что другие доброго учили или еще учить будут.

7) Оно будет рассеяно и находиться во всем мире и во всех обществах, ибо оно признает всех верующих за своих братьев; и не будет стремиться к созиданию Вавилонской башни».

«Сколь скоро сие общество снабжено будет различными кающимися, облагодатствованными и святыми верующими, то нужно будет, чтобы они ввели некоторый порядок между собою, который бы, елико возможно, согласовал с порядком небесного царства. Как например: святые — главные надзиратели, облагодатствованные — помощники святых, кающиеся — в распоряжении тех и других».

«Для облегчения своего» обществу будет нужно «разделить свои упражнения на разные департаменты и членов своих к тому или другому департаменту употреблять, по способностям их... Сии департаменты могли бы быть следующие:

1) *Верховный Департамент*, который должен состоять из наисвятейших, мудрейших, искуснейших и опытнейших членов сего общества. Он должен иметь верховную дирекцию над сим делом исправления, назначать надзирателей и членов других департаментов и соблюдать порядок и согласие между братьями.

2) *Государственный Департамент*, который должен назначен быть, чтоб иметь сношение с начальством и духовным их Собором о исправлении нравов двора, правления, юстиции, воинства, полиции, домостройства и внешнего Богослужения и по соглашению стараться о таковом исправлении.

3) *Церковный Департамент*, дабы с духовенством государства рассуждать, как наилучшим образом можно произвести вышереченное исправление по воле Божией и начальства...

4) *Соборный Департамент*, дабы определять и расписывать дела, образ и время собрания братьев по назначению Верховного Департамента, такожде пещись о убогих, больных и странствующих братьях.

5) *Совета Департамент*, дабы доставлять всем иностранным и соотечественникам требуемое ими наставление, увещание, утешение и другие духовные помощи, смотря по обстоятельствам, и дабы их между собою примирять, когда они того пожелают.

6) *Земский Департамент*, дабы о исправлении нравов поселян стараться всевозможными и от Бога позволенными способами, по назначению Государственного Департамента обще с судьями и учителями того места.

7) *Учебный Департамент*, дабы поучать юношество во всяком добре и воспитывать и дабы иметь дирекцию над больницами, богадельнями и другими христианскими делами.

8) *Иностранный Департамент*, дабы вне государства стараться о обращении и исправлении язычников, магометан, иудеев и христиан и дабы иметь переписку с отсутствующими братьями.

9) *Ученый Департамент*, дабы все книги, в которых общество нужду иметь будет, покупать, печатать, ссужать, дарить, рассылать и сохранять.

10) *Экономический Департамент*, дабы пещися о телесном и земном, как, например, строить нужные домы и магазины, содержать оные в добром порядке и снабжать всем нужным; доставлять нужные домашние припасы, товары, одежду и лекарства и назначенные на то деньги принимать и раздавать».

Устроение внутренней государственной жизни — лишь часть задачи; если в каждом государстве будут *святые Цари*, то через них можно организовать и всю международную жизнь.

«Верующие Владыки всего мира... принесут себя в жертву Богу к сему намерению и друг с другом соединены будут...

Главные правила правления таковых соединенных Владык будут следующие.

1) Они главным видом иметь будут волю, славу и царство Бога и Иисуса Христа и вечное благо всех человеков.

2) Они будут стремиться учредить оное единственно через свет, жизнь и всемогущую силу Его любви, и сего ради все то

за злое признают и отвергнут, что противно есть Его любви, истине и правде.

3) Они будут всех верующих и святых вспомогательными средствами и орудиями к тому употреблять, — по мере того, как они к тому удобны и охотно восхотят сие делать. Ибо их царство будет царство свободной любви.

4) Они единственно Дух Свят в себе и Священное Писание вне себя восприимут за правило своей веры и своей жизни, и другим предпишут. Ибо все языческие законы и употребления должны отвержены быть...

5) Они наипаче прилежать будут к доставлению всем своим подданным всех нужных средств и случаев жить спокойно и благочестиво... и детей своих наилучшим христианским образом воспитывать.

6) Они будут стремиться обращать всю мощь и мудрость свою к служению любви, или только к тому употреблять, дабы они совершенную волю Божественной и духовной любви Иисуса Христа всегда лучше познавали и исполняли. Ибо у Бога и в небесах есть мощь да мудрость и сии обе совершенно покорены любви так, что все совершается по воле святейшей любви и все сею любовью живится, освещается и правится. Любовь есть царь всех царей, всемогущество Божие, сокровище мудрости и правитель всего мира. О Цари! Заметьте сие хорошенько!..»

4. Социальные симпатии масонской среды

Картины будущего идеального царства лишь отчасти соответствовали действительному облику масонского ордена — привычкам, вкусам и житейским взглядам участников масонских лож. Братство вольных каменщиков должно было прежде всего сделаться той «республикой верующих», которую рисовало «Новое начертание истинной теологии». Согласно масонскому преданию, «естественное равенство и дружество» в ордене установил еще царь Соломон.

По Уставу «каменщик восстановляет первобытные права человеческого племени: он не усердствует никогда народным предрассудкам, и священный узел сравнивает здесь все состояния. Уважай в обществе гражданском степени учрежденные или терпимые Провидением; часто гордость оные вымышляла, ей и предоставлено оные хулить и отвергать. Но берегись вводить в храмах наших лестные отличности, нами не принимаемые. Оставь твои достоинства и знаки любочестия за дверями и входи к нам с сопутницами токмо твоими добродетелями. Какое бы твое светское звание ни было, уступи в ложах наших добродетельнейшему и просвещеннейшему».

Возможность стоять на равной ноге с любым из членов братства приятно волновала многих масонов.

Вступая в 1750 году в общество каменщиков, сам Елагин испытывал «тщеславие, да буду хотя на минуту в равенстве с такими людьми, кои в общежитии знамениты, и чинами, и достоинствами, и знаками от меня удалены суть... Вошед таким образом в братство, посещал я с удовольствием ложи... Мнимое равенство, честолюбие и гордость человека ласкающее, боле и боле в собрание меня привлекало: да хотя на самое краткое время буду равным власти, иногда и судьбою нашею управляющею».

Но действительность и здесь часто расходилась с мечтами. Сквозь дымку равенства, которую набрасывало на «братьев» участие в ордене, отчетливо проступали все светские различия общественного положения.

Когда в кругу московских розенкрейцеров произошли недоразумения из-за покупки Гендриковского дома, то некоторым участникам Типографической Компании самолюбие напомнило, что они бояре и генералы, а Новиков поручик.

Это самолюбие московских розенкрейцеров почувствовал тогда же и противник Новикова — барон Шрёдер. «Я мужик, а они — важные господа», — с горечью раздражения отзывался о своих подчиненных по ордену барон Шрёдер, выражая надежду, что ему не придется подобно Шварцу «околеть для русских».

Восхваляя императрицу Екатерину за то, что она не хотела арестовать Новикова без причины, Лопухин спрашивал чи-

тателей своих «Записок» (копии с которых он раздавал своим друзьям, то есть преимущественно масонам): «Кто же был Новиков? Содержатель типографии, поручик отставной, которого она считала совершенным злодеем — такая деликатность заметна была бы и в губернаторе, досадующем в своей губернии на человека подобного состояния».

Если родовитые и сановные масоны не могли забыть о чинах и сословии даже ближайших своих «братьев» и «начальников», то тем естественнее ожидать проявления таких же чувств их вне орденского круга.

Путешествуя за границей, осторожный поклонник Сен-Мартена Зиновьев прочел манифест 1785 года о дворянстве. Сожалея, что в теперешнем дворянстве мало «достойных людей», Зиновьев писал: «Очень мне понравились в сем манифесте благодарность и признательность, которые государыня дворянству изъясняет».

«Судя по великолепию дворца» (в Дрездене), тот же Зиновьев многого ждал от Саксонии, «но к сожалению премалейшее расстояние между дворянством и народом нашел».

С. И. Плещеев проездом в Авиньон, где он воспринял идеи небесного братства Нового Израиля, особенно был доволен Фрибуром в Швейцарии: там «женщины отменно хороши; дворянства много».

О. А. Поздеев всю жизнь горячо отстаивал крепостную власть дворян над крестьянами. В 1785 году он говорил в рязанской ложе Орфея: «Человек точно должен быть для собственной своей пользы в таком положении, чтоб он всегда надеялся и боялся, и даже, если мы захотим заметить, то и люди, подверженные теперь нашей власти, должны для их собственной пользы и выгоды быть в таком же положении; ибо если перестанут надеяться, то придут в отчаяние, а если не будет в них страха, то выйдут из послушания».

В конце 1796 года, во время беспорядков среди крестьян своего вологодского имения, Поздеев жаловался Лопухину, что крестьянами руководит «иллюминантический дух безначальства и независимости, распространившийся по всей Европе».

В письме 1817 года к Ланскому (за несколько лет до своей смерти) Поздеев, подводя итоги жизненному своему опыту, писал, что как только крестьяне будут освобождены «от зави-

симости дворян... то они войдут в такое своевольство и такое распутство, что тем начнется, что зачнут всех грабить, резать, то кто с ними сладит?.. Дворяне в государстве так как пальцы у рук. Высвободи вожжи, то лошади куда понесут и самого седока».

Тот же социальный инстинкт подсказывал масонским деятелям мечты о твердом Государе, возглавляющем весь общественный строй. Путешествуя по Италии, Зиновьев «ходил смотреть почти разваленный замок, которых в Неаполитанском королевстве великое множество, что доказательством служит, что феодальное правление здесь перевелось после всех. Как слаба в прежнее время власть государей и какие должны были быть беспорядки в правлении!»

Захара Карнеева приводит в умиление мысль о том, «сколь многие миллионы людей управляются единым царем...». Рисуя слушателям «свет Царства Духовного» и «Самодержавное Духа Божия Государство», тот же Захар Карнеев в другой речи приводит пример из области политической жизни, ясно показывающий симпатии и мысли ритора и слушателей, для которых этот пример — яркий образ — все должен был осветить и объяснить.

«К лучшему впечатлению существенной разности исканий сих и предметов их представим себе два правления: *самодержавное*, где в Царе заключается весь закон, порядок и единая воля...; и *демократическое*, где столько бывает разнообразных воль, сколько частных умов, и где всякий житель государства без просвещения и познания законов подает свой голос и один другому беспрестанно прекословит».

«Свету Царства Духовного» З. Карнеев противополагал «бедное и гнилое царство мира сего, царство демократическое разнообразных страстей и пороков». Не противоречил Карнееву и Кутузов, рассказывая свой сон в письме к Лопухину: «Сойдя [в нижнее жилище], нашел я толпу страстей, кричащую страшным образом. Шумные их поступки уверили меня скоро, что они старались казаться демократами».

«Ты справедливо судишь о моих правилах, — писал Кутузов Лопухину по поводу ареста Радищева, — я ненавижу возмутительных граждан, — они суть враги отечества и, следовательно, мои».

«Нет ничего священнее Государя, нет ничего мерзостнее бунтовщика... — такой афоризм находим в книге “Аристид, или Истинный патриот” (М., 1785). — Возмутитель есть вероломец, стыд Государя и ужас Государства».

«Правило повиновения, которого высокопочтенный орден от нас требует, — говорил Ф. П. Ключарев в 1784 году, — есть почтение и повиновение Государю, яко божественному образу на земли сей, из коего повиновения истекает исполнение гражданских законов и любовь к отечеству».

«Россия не то, что Польша еще, Россия все еще Татарщина, — писал Поздеев гр. А. К. Разумовскому* в 1816 году, — в которой должен быть Государь самодержавный, подкрепляемый множеством дворян».

«Гнилое царство мира сего» два раза на глазах екатерининских масонов осуществлено было на земле. Первый раз в виде пугачевщины. Во главе правительственных войск в 1774 году поставлен был гр. П. И. Панин; несомненно, в числе офицеров, служивших под его командой, было немало масонов, запомнивших уроки пугачевщины на всю последующую жизнь. Вероятно, масоном был П. С. Рунич, член следственной комиссии 1774—1775 годов.

Дежурным офицером при Панине состоял Поздеев. Грозное видение пугачевщины с тех пор не покидало его. В 1796 году, во время беспорядков его вологодских крепостных, Поздеев сейчас же вспомнил яицкого казака. «В крестьянах видим явно готовящийся бунт, весьма похожий на пугачевский... да теперь же у них слышится, что и городов не будет».

«Пугачев везде рассеивал, что если бы в России подпоры подрубить, то забор сам упадет, а потому и восстал на дворян, зачал крестьян делать вольными... Под владением Пугачева истреблено не персон, а фамилиев дворянских девять сот»[188]. Те же самые впечатления передавал Поздеев и Ланскому в 1817 году: «Во время бывшего бунта против [sic] Пу-

---

* Алексей Кириллович Разумовский (1748—1822) — граф, сенатор, министр народного просвещения (1810—1816). До назначения на министерский пост был членом масонской ложи.

гачева в 74 году, когда граф Панин был послан для усмирения, я при нем тогда правил дежурство, то мне все эти дела известны. Наши русские мужички таковы, что они и младенца из утробы матери вырезывали, то судите — это паче нежели звери. Да кем их усмирять? Солдатами? Да солдаты ведь из тех же. То кем усмирять? Ведь внутренняя война хуже внешней, страшнее: тогда и с кем идешь усмирять, и того страшись. С бригадира Толстого под Казанью кожу содрали. То вот что наши мужички, как им дать вольность».

Второй раз царство мира сего воплотилось во французской революции.

Франция — «гнездо цареубийц, ядомешателей, грабителей, разбойников», — писал Кутузов Трубецкому в 1792 году.

Ученики Лопухина, Колокольников и Невзоров, сообщали своему патрону из Страсбурга в ноябре 1790 года. «Мы намерены были отправиться в Париж, но вчера в день отъезда нашего в Париж, напал на нас обоих дух беспокойства, так что мы ни обедать, ни ужинать не могли. И так решились совсем оставить Францию и неотменно отправиться в Гетинг».

Нельзя думать, что масоны новиковского кружка писали так только для отводу глаз, имея в виду неизбежную перлюстрацию. Невзоров то же самое утверждал и в письме своем к Поздееву в 1816 году: «Мы отказались [посещать в Страсбурге патриотическое общество в 1790 году], почитая все таковые заведения плодом мятежного буйства, от чего благодетели наши учили остерегаться».

«В 1791 году, когда я был в Геттингене без товарища один, — писал дальше Невзоров, — звали меня записаться в большую там ложу масонскую, в которой был великим мастером тамошний профессор и славный стихотворец Бюргер, но я, помня наставление своего благодетеля И. В. Лопухина оберегаться таковых приглашений, чтобы не попасть вместо доброй ложи в какую-нибудь беспутную и развратную, от того отказался и был собою доволен, когда услышал, что в означенной Геттингентской ложе в одно собрание означенный великий мастер Бюргер говорил похвальную речь равенству французскому».

Французская революция послужила ярким примером пагубного яда неверия и вольнодумства. Описав в своей «Вну-

тренней церкви» пустословие лжемудрых хулителей Бога, Лопухин добавлял: «Сей дух кружения воцарился в погибающей Франции».

Подробно развивал Лопухин эту свою мысль в письме к Кутузову (от 14 октября 1790 года). «Я думаю, — писал он, — что сочинения Вольтеров, Дидеротов, Гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали нынешнему юродствованию Франции. Да и возможно ли, чтобы те, которые не чтут самого Царя царей, могли любить царей земных и охотно им повиноваться? Чувства сии любви и повиновения необходимо нужны для благосостояния существенного. Но может ли сие быть предметом тех, которые токмо ищут собственной корысти, на которой основана вся оная модная французская философия. Жалко, что сие имя профанируется. Зови меня, кто хочет, фанатиком, мартинистом, распромасоном, как угодно, я уверен, что то государство счастливее, в котором больше прямых христиан. Они токмо могут быть хорошими подданными и гражданами».

В соответствии с этим и Кутузов восклицал в письме к А. А. Плещееву (1792 год): «Монархи веселились сочинениями Вольтера, Гельвеция и им подобных, ласкали и награждали их, не ведая, что, по русской пословице, согревали змею в своей пазухе; теперь видят следствие блистательных слов, но не имеют уже почти средств к истреблению попущенного ими».

«Несчастная Франция! — доказывал Кутузов жене Плещеева. — Сия прекрасная земля приносится в жертву ложной философии и нескольким вскруженным головам. Дай, Боже, чтобы сей плачевный пример открыл глаза монархам и показали бы им ясно, что христианская религия есть единственное основание народного благосостояния и их собственной законной власти. Да научатся несчастием ближнего, что поощрение остроумия есть истинный яд, пожирающий жизненные соки всякого порядка и подчиненности».

Глава четвертая
Масонство в общественной жизни

1. Масонская филантропия

Благотворение масонов изливалось прежде всего на братьев, а затем уже переходило на лиц, не принадлежавших к составу ордена. «Всякий каменщик, какого бы исповедания христианского, какой бы страны или состояния ни был, есть твой брат и имеет право в твоей помощи»[189], — гласил Устав вольных каменщиков.

Помощь братьям состояла прежде всего в служебном содействии. Масон старался помочь продвинуться по службе всякому, кто состоял в ордене. Масонский диплом был как бы залогом, которым обеспечивалось восхождение по служебной лестнице.

Даже такой человек не от мира сего, как Гамалея, употреблялся иногда его братьями по ордену в целях их служебной и материальной выгоды.

Мелкий факт этого порядка — помощь, которую масонство оказало незаметному канцеляристу А. Я. Ильину в его служебной карьере. Ободренный похвалой кн. Щербатова, сказавшего, что Ильин «в такое общество вошел [масон-

ское], где люди хорошие и честные», Ильин начал выхлопатывать себе у Щербатова место регистратора в Департаменте герольдий. Щербатов отнесся сочувственно к просьбе Ильина и просил только его подождать до марта месяца. На самом деле Ильину не пришлось ждать даже до марта. 16 декабря 1776 года он уже был сделан регистратором.

Именно благодаря такого рода братской поддержке целые учреждения и наполнялись масонами.

Помимо служебного содействия, масоны помогали нуждающимся братьям и деньгами. Ложа Урании, например, выдала 9 ноября 1773 года 5 рублей отъезжающему в армию члену своему Я. Алексееву; 15 февраля 1774 года — 5 рублей брату голландской нации Болсту; 28 марта 1775 года — 28 рублей 72 копейки члену гамбургской ложи Трех Роз Бухнеру. В 1780-х годах Урания продолжала подобные выдачи: так, 24 октября 1786 года записано 27 рублей 60 копеек для служащего брата Штанге. Ложа Малого Света в Риге в 1790 году помогла деньгами братьям Щульцу и Фейлицу.

Денежные вспомоществования членам лож XVIII века продолжались по традиции и в следующем столетии: симбирской ложей Ключа к Добродетели выдано было бывшему члену ложи Пеликана барону Мальтицу — 150 рублей; вдове члена ложи Надежды Невинности в Ревеле Екатерине Конради — 50 рублей.

Очень часто предметом, на какой назначались ложами денежные пособия своим членам или близким для них лицам, были расходы на погребение. Так, ложа Урании 12 октября 1773 года истратила 75 рублей 55 копеек на похороны своего члена Велера. Ложа Малого Света 19 августа 1790 выдала 2 рейхсталера на похороны земляка одного из своих членов; ложа Урании 21 марта 1775 года израсходовала 14 рублей 45 копеек на похороны некоей бедной персоны.

Из таких отдельных денежных выдач возникло учреждение, объединившее все эти пособия в цельную систему, — первое в России общество страхования жизни. Возникло оно в Петербурге в 1775 году под руководством пастора Я.Х. Грота. Средства общества составились из членских вкладов; наследникам каждого умершего члена общества выдавалось известное количество денег (смотря по сумме вклада). Сам

Грот, кажется, масоном не был, но в числе членов общества масоны играли преобладающую роль: более трети мужчин — членов общества известны как масоны; не принадлежавшие к братьям, вероятно, были их знакомые или члены их семей[190].

Это обстоятельство отразилось и на выборах «настоятелей» различных отделов («классов») общества с 1775 по 1780 год: из 140 этих настоятелей до 50 — явные масоны[191].

Впоследствии (не позже 1789 года) при ложе Урании организована была своя особая похоронная касса (Sterbe-Kasse), средства которой составлялись из постоянных членских взносов[192]; касса, вероятно, брала на себя расходы погребения малоимущих членов ложи.

Подобные же кассы взаимопомощи должны были быть устроены и в каждом округе «теоретических братьев». «Каждый брат, — гласил § 10 законов для “теоретических братьев”, — благоволит при заплате положенного числа денег за свое принятие взносить по своей возможности еще ежемесячно по нескольку рублей, дабы со временем можно было бедным братьям в болезни и нуждах их подавать помощь».

Помощь братьям выходила за пределы орденского круга. Так, ложа Урании 9 августа 1774 года решила давать ежемесячно 2 рубля «одной бедной персоне»; 6 декабря того же года по просьбе члена ложи Книпера собрано было для бедной особы 16 рублей 11 копеек; 14 февраля 1775 года — 20 рублей 40 копеек для «одной бедной вдовы»; ложа Малого Света 7 июля 1791 года оказала (точно не определенную в протоколе) помощь некоему Виллигу.

Каждое заседание масонской ложи производился сбор в пользу бедных. Зачастую к этому сбору братья относились, как к пустой формальности; сборы бывали иногда очень низкими (с трудом переваливали 1 рубль) — особенно по сравнению с расходами братьев на свое собственное угощение. 13 января 1776 года Ильин в ложе Урании «заплатил за вход 1 руб., да на бедных дал 5 коп., за стакан пуншу 10 коп.».

Обычные сборы колебались от 3 до 8 рублей. В год это составляло (не считая редких чрезвычайных сборов в пользу определенных лиц), по сравнению с имуществом членов, также не слишком крупную сумму. Ложа Урании собра-

ла за вторую половину 1773 года не более 75 рублей, за весь 1774 год — свыше 125 рублей; за первую половину 1775 года — около 110 рублей; за осень 1781 года — около 35 рублей, за 1782–1792 годы — всего за 11 лет — до 1120 рублей, не считая сотни рублей, полученной при приеме евреев, всего свыше 1200 рублей, то есть приблизительно по 110 рублей в год; в 1793 (неполном) году — около 40 рублей.

Сами по себе довольно скромные, цифры эти еще более оттеняются расходами тех же братьев на празднества: за один 1774 год на празднество Великой Провинциальной Ложи члены и постоянные посетители Урании внесли 220 рублей, то есть почти вдвое больше, чем за весь этот же 1774 год на заседаниях ложи собрано было в пользу бедных.

Существеннее были, вероятно, сборы в ложах московского масонства. Новиков доказывал на следствии, «что во всяком собрании ложи собиралось на бедных в кружку, кто что хочет дать, и таковые деньги, сколько их собиралось, оставались в этой ложе в распоряжении мастера ложи и членов, и что в течение года собиралось, то и раздаваемо было, не нищим, которые ходят по улицам, но осведомлялись о бедных и больных».

Новиков пытался завести на доход от своих журналов постоянные богадельни. Начало этому положено было им в 1779 году, когда при училище св. Екатерины (основанном на выручку с «Утреннего света») были поселены один глухонемой ребенок и два увечных старика.

Целая система подобных благотворительных учреждений («для призрения подлинных нищих» и «для истребления самовольных бродяг») намечена была в 1784 году статьею «Об учреждении Венского Института для бедных».

Особенно широко проявилась благотворительность новиковского кружка в голодный 1787 год, когда Новиков раздавал в Авдотьине нуждающимся крестьянам хлеб, купленный на средства, пожертвованные Походяшиным[193]. Новиков применил здесь на практике то, что прежде высказано было в его изданиях, — «Хризомандере» и «Истине религии».

Один из близких московским розенкрейцерам остзейских масонов, пастор Л. Бергман, устроил в это же время в Риге приют-школу для бедных детей. Учреждение открыто было

в 1783 году. При открытии его пастор говорил соответствующую речь, проникнутую филантропическими взглядами.

Ярославский наместник А. П. Мельгунов в 1786 году открыл задуманный им за несколько лет перед этим «Дом призрения ближнего», куда принимались «города Ярославля и той губернии мужеска и женска полу бедные дети для воспитания всякого возраста, молодые для приличного их состоянию воспитания, а другие — для призрения, исключая крепостных людей».

Дом этот, как сказано было в его «Положении» (которое было выработано Советом Дома[194]), был «основан на правилах человеколюбия к общему добру из любви к ближнему... долг сего Дома всегда и всякому, какого бы звания ни был Ярославского наместничества (исключая одних крепостных людей), требующему воспитания и призрения давать руку помощи... И на основании таком все оставшиеся без всякого имения и пропитания вдовы с малолетними детьми, также и одни или вдовы или малолетние, и увечные и престарелые, могут во всякое время в Дом Призрения или сами являться, или о себе чрез кого дать знать, где оные принимаемы будут немедленно».

Дом был выстроен на собранные с этою целью пожертвования среди ярославских дворян и купцов[195]. Кожевенный заводчик И. Я. Кучумов (умер в 1784 году) завещал ему пятую часть своего имущества (20000 рублей). Вместе с добавлениями наследников Кучумова и взносом самого Мельгунова образовалась сумма в 30000 рублей, составившая первоначальный фонд Дома Призрения. Процентами с этой суммы было обеспечено содержание 40 детей.

Помимо Дома Призрения Мельгуновым (с 1778 года) было устроено особое училище для дворянских детей. Ярославский губернский и уездные предводители дворянства согласились делать небольшие отчисления в пользу этого училища.

Подобно Мельгунову, и некоторые другие масонские деятели направляли свои филантропические чувства в область детского воспитания и призрения. Устройству народных школ отведено, например, видное место в докладе Н. И. и П. И. Паниных (1764 год) о заселении Новороссийской губернии. Три года спустя, когда московское дворянство вы-

бирало Петра Панина своим депутатом в Законодательную комиссию, вопрос о школах уже только для недостаточных дворянских детей опять был выдвинуть в наказе, который дали Панину.

В «Комиссии об училищах и призрения требующих», учрежденной в 1768 году при Большой Екатерининской законодательной комиссии, деятельными членами были В. Золотницкий и Т. Клингштет; из них первый, по-видимому, был масоном. Комиссия составила два плана — «об училищах» и «требующих призрения». Золотницкий и Клингштет представили от себя дополнительные записки.

В филантропических предприятиях Екатерины масоны играли заметную роль. Графы Н. И. Панин и И. Г. Чернышев были постоянными советниками императрицы в ее воспитательных планах. В Воспитательном Доме И. И. Бецкого одним из деятельных попечителей был П. Я. Ильин.

В конце 1770-х годов произошел раскол между Екатериной и масонством; соответственно с этим масонская масса раздвоилась по вопросам начального обучения: в то время как «петербургские» (бывшие Елагины) масоны остались с императрицей, «московские» попытались создать свои предприятия без ее помощи и даже против ее воли.

В 1777 году Новиков с «обществом» своих друзей основал с благотворительной целью журнал «Утренний свет». Доход от издания должен был поступать в пользу училища для бедных детей в Петербурге. Намерение учредителей, как видно из предисловия к журналу, состояло в заведении «порядочного и постоянного Училища, в котором бы наилучшим и кратчайшим способом дети научались, приобвыкали к благонравию и заохочивались к дальнейшему учению для собственной своей и Отечества своего пользы».

Подписная цена журналу объявлена была в 3 рубля 50 копеек, но ввиду благотворительной его цели многие подписчики вносили по 5 рублей и более (до 100 рублей); генерал-аудитор П. К. Хлебников пожертвовал бумагу на целый год.

Уже в 1777 году открыто было училище при церкви Владимирской Божьей Матери, названное именем св. Екатерины; в следующем году учреждено было второе, при церкви Бла-

говещения, св. Александра (оба в Петербурге). В обоих училищах в 1779 году обучалось 93 ученика.

Воспитание велось в строго религиозном духе. О нем дает понятие письмо учеников новиковского училища, помещенное в IX части «Утреннего света» за 1780 год. Отказываясь на целый месяц от завтрака и ужина, чтобы собрать другим бедным 50 рублей, воспитанники Новикова выражали надежду, что приношение их будет принято подобно тому, «как Христос, сидевши близ сокровищницы, принял две лепты от бедной вдовы».

Издатели «Утреннего света» думали и о дальнейшей судьбе учеников училищ св. Екатерины и Александра, предполагая обучать их ремеслам «удобнейшим к доставлению им вечного пропитания». Устроители школ всячески старались придать своему делу широкую огласку и пробудить к нему интерес. Самое открытие училищ было обставлено с особой торжественностью; освящал их архиепископ Гавриил (Петров) в полном облачении, с участием духовенства и прихожан церквей, при которых состояли школы[196]. Жертвователи приглашались в училища, чтобы знакомиться с постановкой преподавания и общежития. Вокруг всего дела создавалось сильное движение, и предприятие из узко филантропического превращалось в общественное.

Такой оборот дела не мог быть приятен императрице. Ускользавшее от ее контроля масонское общество явно стремилось захватить в свои руки начальное народное образование. Между тем, по взглядам самой Екатерины, воспитание способно было создать «новую породу людей». Допустить, чтобы эта новая порода подпала всецело влиянию независимой от нее общественной группы, Екатерина не хотела. Отсюда неизбежно вытекала борьба против масонского педагогического почина. Борьба эта и началась с попытки игнорировать новиковское предприятие. Тщетно взывали к императрица стихи, написанные по случаю открытая училища ее имени:

Сей малый храм Твоим воззреньем освяти
Что лучше в дар Тебе имеем принести?
Как Ты о нас пеклась, как Ты о нас рачила,

Друг друга просвещать взаимно научила,
Тебе приносим то, Тобой дано что нам
Минерве мы своей Минервин ставим храм.

Императрица решительно не принимала предложенного ей дара. В списке жертвователей на Екатерининское училище имени Екатерины не было.

Оба училища святых Екатерины и Александра имели явный успех; императрица, однако, не поддержала их, предпочтя вместо развития уже открытых школ создавать другие заново. В новиковских школах она искала только «нужды и недостатки»[197].

Императрицей был выписан австрийский серб Янкович-де-Мириево, рекомендованный ее союзником Иосифом II. Он и явился рабочей силой «Комиссии о народных училищах», учрежденной в 1782 году под председательством П. В. Завадовского. В 1783 году комиссия открыла первое «главное народное училище» в Петербурге и учительскую семинарию для подготовки преподавателей.

Но в это время Новиков (переехавший в 1779 году в Москву) успел сделаться, по выражению Д. П. Рунича, «истинным министром народного просвещения», создать свою «Комиссию о народных училищах» и приобрести своего Янковича. Этим последним стал для Новикова Шварц, приехавший в Москву с рекомендацией не от Иосифа II, а от курляндских и прусских масонов. Шварц сразу широко раздвинул рамки просветительной деятельности кружка. К практическим опытам низшей школы он добавил идеи планомерной подготовки круга лиц, способных руководить всем просвещением страны.

Задуманные Шварцем начинания тесно должны были примыкать ко всей предшествовавшей деятельности Новикова. Шварц решился устроить общество, которое: «1) по возможности распространяло бы в публике правила воспитания; 2) поддержало бы типографское предприятие Новикова переводом и изданием полезных книг; 3) старалось бы или привлекать в Россию иностранцев, которые были бы способны давать воспитание, или — что еще лучше — воспитывать на свой счет учителей из русских».

В скором времени Шварцу удалось приступить к осуществлению своих намерений. 13 ноября 1779 года его усилиями основана была Педагогическая семинария при Московском университете. Задачей ее было готовить студентов к учительскому и профессорскому званиям. Инспектором семинарии при самом ее учреждении был назначен Шварц. Семинария существовала на пожертвования. 20000 руб. внес П. А. Демидов*; проценты с этой суммы шли на подготовку шести студентов. Шварц, сам ничего не имевший, пожертвовал 5000 рублей деньгами и некоторые вещи.

Число студентов семинарии к 1782 году возросло уже до тридцати, содержание каждого обходилось в 100 рублей. В числе студентов были М. М. Десницкий и С. В. Глаголевский (впоследствии митрополиты Михаил и Серафим).

13 марта 1781 года основано было «Собрание университетских питомцев» — первое студенческое общество в России. Шварц поставил себе задачу «достижение в Университете обучающемуся юношеству таких средств, по которым бы оно не только могло успевать в науках, но и жить по правилам благонравия».

Шварц предписал обществу «две спасительнейшие цели: первую, до просвещения разума относящуюся, чтобы упражняться в сочинениях разного рода и переводах наилучших мест из древних и новых писателей и издавать в свет годичный журнал в пользу бедных, а вторую, непосредственно исправляющую наши испорченные склонности, чтобы при начатии каждого собрания по очереди говорить членам о какой-либо нравственности речь и, тем бы самым соединяясь между собою теснейшим узлом любви и желания к достижению столь величественной для юношества цели, участники общества могли сделаться со временем как для себя, так и для целого любезнейшего отечества полезными»[198].

Первая цель достигалась журналами: «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся Трудолюбец» (1784)[199]. Вторая задача незаметно приводила членов общества в масонские ложи. Действительно, многие

---

* Прокофий Акинфиевич Демидов (1710—1788) — владелец крупных горнопромышленных предприятий, меценат и благотворитель.

из участников общества сделались литературными работниками и учениками розенкрейцерского кружка. В числе их были П.С.Лихонин, Л.Я.Давыдовский, А.А.Петров, А.Ф.Малиновский, А.А.Прокопович-Антонский*, П.П.Тургенев, М.И.Багрянский, Ф.П.Ключарев, А.Ф.Лабзин.

Развитие свое эта задача получила в Переводческой семинарии, созданной летом 1782 года для переложения на русский язык нравоучительных произведений лучших авторов. П.А.Татищев взялся обеспечить содержание шести студентов новой семинарии и пособить воспитанникам прежней (Педагогической). Друзья жертвователя вызвались содержать на своем иждивении еще десять студентов. Тогда же шесть студентов были переведены в Переводческую семинарию из духовных епархиальных семинарий. В том числе был М.И.Невзоров.

Для обеих семинарий куплен был особый дом близ Меньшиковой башни (где жил с этого времени Шварц и где помещалась также немецкая тайная типография).

После открытия «Собрания университетских питомцев» и двух семинарий розенкрейцерский кружок приступил к легализации главной своей филантропической и просветительской ячейки — «Дружеского ученого общества».

О существовании его публично объявлено было уже в июне 1782 года при учреждении Переводческой семинарии. В октябре 1782 года московский главнокомандующий гр. З.Г.Чернышев разрешил публичное открытие заседаний общества, а московский архиепископ Платон дал на это свое благословение.

Торжественное открытие общества назначено было на 6 ноября 1782 года в доме П.А.Татищева у Красных Ворот. Виднейшим лицам московской знати и ученого мира разослано было печатное приглашение на латинском и русском языках. В приглашении сказано было, что общество уже начало свою деятельность в двух направлениях: 1) напечатано и бесплатно разослано учебных книг по духовным семинариям и другим училищам на 3000 рублей; 2) открыта Филологи-

---

* Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762—1848) — публицист, педагог, ректор Московского университета (1819—1826).

ческая семинария[200] на 35 человек, из которых 21 уже поступил на иждивение общества.

Открытие состоялось в назначенный день при торжественной обстановке, в присутствии главнокомандующего гр. З. Г. Чернышева. Кроме самого Шварца, говорили речи профессора Баузе, Шнейдер и Страхов; Ключарев прочел оду[201].

Членами «Дружеского ученого общества» были те же почти лица, которые два года спустя образовали Типографическую Компанию. Кроме участников последней, в обществе были оба Татищевы (отец и сын), и два кн. Гагарины (И. С. и Г. П.).

В «Дружеском ученом обществе» Шварц читал один из своих курсов.

Торжественное открытие «Дружеского ученого общества» почти совпало с учреждением екатерининской Комиссии о народных училищах.

Столкновение между двумя комиссиями, очевидно, было лишь вопросом времени. В первый раз такое столкновение произошло после смерти Шварца, в августе 1784 года. Петербургская комиссия послала запрос гр. Чернышеву (не заставший графа в живых), на каком основании университетской типографией перепечатаны изданные комиссией для своих училищ «Сокращенный катехизис» и «Руководство к чистописанию». Наличные экземпляры новиковской перепечатки, кажется, подверглись конфискации, а за проданные с Новикова взысканы деньги, несмотря на его объяснения, что он исполнял только распоряжения гр. Чернышева.

Как раз в это время московская комиссия переживала тяжелый внутренний кризис. 1 сентября 1784 года виднейшие члены «Дружеского ученого общества» образовали Типографическую Компанию, в тени которой общество сделалось почти незаметным. Превращение общества в строго партийное розенкрейцерское предприятие заставило отойти в сторону часть его членов, в том числе Гагарина и Татищева. Вероятно, именно по этой причине Татищев в марте 1786 года, приехав в Берлин, «ужасно отзывался о Новикове». Гагарин отомстил доносом, сообщив по «конфиденции» Прозоровскому неблагоприятные сведения о новиковском масонстве[202]. Конечно, все эти трения в связи со смертью

Шварца и Чернышева не могли не ослабить положение новиковского кружка. Вскоре приняты были решительные меры к прекращению новиковской семинарии. 23 января 1786 года Екатерина предписала Брюсу подробно освидетельствовать школы, заведенные в Москве людьми, составляющими «скопище известного нового раскола», а впредь наблюдать, чтобы школы были под надзором Приказа общественного призрения и «чтоб тут раскол, праздность и обман не скрывались»[203].

После этого обер-полицеймейстер Толь осмотрел дом Шварца, где жили студенты Филологической семинарии. Их осталось к 1786 году пятнадцать человек; они жили под надзором кн. Енгалычева; университетскими занятиями их руководил Чеботарев.

После ревизии Толя семинария закрылась. В Москве было учреждено правительственное Главное народное училище под управлением Ю. А. Нелединского-Мелецкого.

Педагогическая деятельность новиковского кружка была подавлена: Екатерина победила. Победа увенчана была и литературными лаврами. В июльской книжке (1786 год) «Растущего винограда» — официального издания Комиссии о народных училищах — была помещена писанная едва ли не самой императрицей «Домовая записка о заразе новомодной ереси и о средствах, исцеляющих от оной» — желчная насмешка над «новыми еретиками Мартынами или Мартышками».

«Общество университетских питомцев» существовало еще в 1789 году. Позже оно до некоторой степени заменено было «Вольным университетским пансионом», инспектором которого в 1791 году был назначен А. А. Прокопович-Антонский. Ученик Шварца, Антонский имел в пансионе приблизительно то же значение, как сам Шварц в прежнем «Обществе университетских питомцев». Другой последователь Шварца, архитектор В. И. Баженов, в начале 1790 года хлопотал об открытии в Москве художественных курсов, при чем объявил, что «бедных неимущих родителей дети могут приходить к нему обучаться без всякой платы, лишь бы только имели они нужные способности и были бы добронравны и не испорчен-

ного какого-либо поведения, как нужнейшего и важнейшего для каждого человека предмета».

Помимо школ, видную роль масоны играли в медицине. Многие из выдающихся масонов были врачами. Таковы доктора Эли, Зверака — заметные люди в розенкрейцерстве (первый своей книгой «Братские увещания», второй — непосредственным участием в организации петербургского округа «теоретического градуса»); таков доктор Ф. П. Фрезе, великий меченосец в Провинциальной Ложе Елагина, а затем член шведской ложи Пеликана.

Известное участие масоны приняли в введении оспопрививания в России. Близкий к масонству пастор Я.Х. Грот произнес несколько проповедей о благе этого дела.

23 апреля 1772 года гр. Р.Л. Воронцов произнес в Сенате благодарственную речь Екатерине за то, что она привила оспу себе и цесаревичу (еще в 1768 году). «Всемилостивейшая Государыня, — сказал Воронцов императрице, — Сенат Вашего Императорского Величества, напоминая ту опасность, в которую для спасения всего рода человеческого Ваше Величество привитием оспы Себе и любезному Своему Сыну поступить изволили, не благодарен бы перед Богом и Вами явился, если б публичным знаком на вечные времена не оставил память сего великого действия». При этом императрице было поднесено 12 золотых медалей с надписью: «Собою подала пример» и «1768 год Октября 12 число».

Вся масонская натурфилософия и розенкрейцерское увлечение алхимией тесно связаны были с развитием медицины и медицинских знаний. Розенкрейцеры надеялись получить медицинские познания, изучая алхимию. Алхимия обещала «панацею» — всеобщее лекарство от всех болезней.

«Истинная медицина есть сердце истинной философии». «Никто не может быть истинным медиком, не сделавшись прежде истинным философом. Ибо из истинной только философии почерпается познание макрокосма, без основательного познания коего нельзя быть и врачом». «Мудрые всегда придерживаются центра, простой истины, а софисты бродят по окружности и тем самым более удаляются от цели;

мудрые из центра познают пространство периферии, а невежды, роясь в одной внешности, которую рассматривают в очки и микроскопы, никогда не обретают основания истины, ибо о внутреннем духовном основании и знать не хотят»[204].

Руководители новиковского кружка старались давать медицинское образование своим последователям. С этой целью были посланы за границу Багрянский, Невзоров, Колокольников.

Кутузов направился к истинной медицине не обходным путем кропотливого изучения медицинской науки, а прямым — через алхимию. Трубецкой в письмах своих в Берлин к Кутузову постоянно требовал от него медицинских ответов.

Так, 18 июля 1790 года, жалуясь на болезнь жены, Трубецкой писал Кутузову: «Пожалуйста, мой друг, все это расскажи Тедену, и что он скажет и придумает к ее облегчению, то отпиши ко мне обстоятельно».

Кутузов отвечал 1 ноября 1790 года: «По письму вашему справлялся я касательно ON: мне сказали, что она, может быть, употребляема с пользою в эпилепсиях и параличе в том же количестве, как я прежде писал вам. При сем случае узнал я то, чего прежде не знал, что спешу сообщить вам. Сия соль не терпит ничего металлического, прикосновение оных отнимает или по малой мире ослабляет ее силы и действование, и для того надлежит брать оную деревянною лопаточкою, а и того лучше, костяным ножичком, то есть чтобы и самое лезвие оного было костяное, одним словом, таким ножичком, каким щеголи очищают пудру».

В феврале 1791 года Трубецкой обращался к Кутузову с новым вопросом. «Спроси, мой друг, у твоих докторов, не может ли в чахотках помогать ON, а я не смею оной употребить в этой болезни, и пожалуйста, на первой почте, дай мне на оное ответ».

Новиков, на основании своих алхимических знаний, считал себя весьма опытным в искусстве лечения.

«Сердечно сожалею, любезнейший и почтеннейший друг мой, Николай Михайлович, о худом вашем здоровье, — писал он Карамзину (в 1816 году), — что не сказали Вы мне

о болезни вашей: может быть, я несколько и помог бы вам, ибо, по благости Господней, имею в медицине, хотя небольшое, однако изрядное основание».

Тогда же, услышав «о случившемся несчастном приключении» с супругой Н. П. Сафонова, Новиков послал ему «скляночку солнечной тинктуры». «Сие лекарство, — пояснял Новиков, — в родах и после родов весьма удивительно помогает»[205].

В своем Авдотьине-Тихвинском Новиков постоянно занимался лечением окрестных помещиков и крестьян. Помощником ему был один из его крепостных, которого он сам подготовил к обязанностям лекаря.

В связи с своими медицинскими вкусами московский розенкрейцерский кружок в Компанейском (Гендриковском) доме наряду со школой и типографией завел аптеку. Учреждение аптеки — даже для столичной Москвы — было явной и насущной необходимостью. О «плутнях и бездельничествах» в доновиковских аптеках Москвы подробно рассказывает Болотов[206].

Московская розенкрейцерская аптека «учредилась вызванным на коште общества из-за границы фармацевтом Френкелем, у которого Биндгейм, Кубе, Линрод, Берз, Эйнбродт были провизорами. По запрещении общества они учредили от себя особенные аптеки, которые сделались родоначальницами всех лучших в Москве ныне [1839] существующих аптек, и можно сказать, что столица обязана и в этом отношении Новикову, а аптекари ему же своим благосостоянием, с которым могли дать хорошее образование детям своим, занимающим ныне [1839] ученые степени, как-то профессор Эйнбродт. Сверх того были куплены обществом за границею секреты драгоценных лекарств, другие же по связям присылались приготовленные безденежно; о последних упоминает Семен Иванович [Гамалея] в письмах своих, из числа же первых были: составление эфирного эликсира, известного своим спасительным действием в гнилых горячках и полезным во многих других болезнях»[207].

Устройство правильно налаженной аптеки уже само по себе было делом большого филантропического значения; но,

кроме того, аптека Френкеля специально обслуживала неимущие слои населения. «Главным правилом» аптеки «была поставлена раздача лекарств бедным безденежно»[208].

2. Масонская политика

Невозможно документально обосновать изложение политики масонских организаций в России XVIII века. По самому существу дела, здесь гораздо больше косвенных намеков, чем прямых указаний.

В царствование Екатерины можно видеть два общественных течения, тесно связанных через своих руководителей с масонскими организациями.

В шестидесятых годах XVIII века это попытка либерально-дворянской политики, завязывающейся вокруг Манифеста о вольности дворянской и Законодательной комиссии 1767 года.

С середины семидесятых годов все более ясно и определенно обозначается дворянская же консервативная реакция против беспорядочного и расшатывающего народное хозяйство екатерининского управления.

В обоих этих течениях — и в раннем екатерининском либерализме, и в позднейшей консервативной оппозиции — несомненно участие масонов; в первом — преимущественно тех лиц, которые затем вошли в Елагины английские ложи, а во второй — деятелей шведской системы и розенкрейцерства.

I

В конце 1750-х годов, как мы видели, во главе масонской организации стоял Р. Л. Воронцов. Именно в эти годы он начал играть первенствующую роль и в дворянских кругах. В 1760 году он сделан был членом (елизаветинской) Законодательной комиссии по составлению нового Уложения. В комиссии Воронцов занял сразу первенствующее положение; комиссия собиралась «в доме его сиятельства графа Романа Ларионовича».

После назначения Воронцова комиссия вызвала к себе в помощь депутатов от разных сословий. Вероятно, это был не случайный, а вполне обдуманный шаг. Отзвук его находим в московскому журнале такого же масонского кружка, каким в Петербурге был кружок Воронцова, — в «Полезном увеселении» Хераскова. В этом журнале в 1762 году было напечатано (а в рукописном виде, конечно, обращалось и раньше среди читающего общества) «Устроение жизни человеческой». Там, в главе «О государе и подданных», русский масон мог прочесть, что истинный государь «собирает мудрых людей своего государства: советует он с ними и слушает их мнения, позволяя всякому свободно говорить».

В 1760 году (тогда же, когда кружок получил в лице своего «гранметра» Воронцова некоторый доступ к власти) возвращенный из Швеции дипломат без места, без влияния и не у дел Н. И. Панин, неожиданно назначен был на ответственный и серьезный пост — воспитателя при цесаревиче Павле Петровиче.

Панин был масон; вряд ли — при очень тесном круге тогдашнего масонства — он был далек, именно по ордену, от гр. Воронцова.

Русское масонство было прочно связано впоследствии с именем Павла Петровича; можно думать, что так было с самого начала, и именно здесь кроется причина назначения Панина в 1760 году.

А. П. Сумароков — литературная сила раннего русского масонства — отметил назначение Панина в особой речи, поднесенной юному великому князю в день его рождения, 20 сентября 1761 года. «Не погибнут, Государь, не погибнут наставника твоего труды, — обещал Сумароков, — и что он сеет, то Россия несомненно жати будет».

В царствование Петра III, пользуясь подходящим моментом, гр. Р. Л. Воронцов ускоренно подготовил и провел в жизнь Манифест о вольности дворянской, подписанный Петром III 18 февраля 1762 года.

Манифест был радостно встречен в масонских кругах. Гр. И. Г. Чернышев восторженно откликнулся на него из Вены письмом к своему старому другу И. И. Шувалову, успокаивая его — в ответ, очевидно, на давние его опасения, —

что дворяне, получив вольность, тем не менее службы не побросают.

Политическому кругу понятий дворянской вольности, выраженному в манифесте 18 февраля 1762 года, соответствовала программа экономического либерализма. Выполнение этой программы намечено было указом 28 марта 1762 года о свободе хлебного торга. «Империя наша, — объявлял Петр III, — по благости Божией толико плодородием изобилует, что избытками своими могла бы пропитать великую часть прочего света... во многих еще провинциях и при великих реках лежащих хлеб остается при такой низкой цене, что крестьянин при всем урожае оного едва столько намолотить успеет, сколько на заплату его податей потребно... А по сему повелеваем хлебный торг сделать отныне от всех портов, не исключая и на Каспийском и Черном море лежащие...»

После своего восшествия на престол Екатерина II прямо приняла под свое покровительство экономические пожелания дворянства. По негласному почину императрицы в 1765 году было основано Вольное экономическое общество, в организации которого ближайшее участие приняли известнейшие русские масоны: гр. Р. Л. Воронцов, А. А. Нартов, гр. Г. Г. Орлов, гр. И. З. Чернышев и др. В издаваемых с этого года «Трудах» общества распространялись идеи разумных законов экономической жизни, с которой нужно снять все лишние путы, чтобы она беспрепятственно могла развиваться.

В декабре 1766 года появился манифест о созыве Законодательной комиссии. Можно искать в организации дворянских выборов, в сочинении дворянских наказов какие-то общие связи. Едва ли не масонское «братство» было виною сходства отдельных наказов. Московский наказ дан был П. И. Панину, костромской — А. И. Бибикову, ярославский — кн. М. М. Щербатову.

Примером может служить наказ московского дворянства, данный П. И. Панину. В нем говорится о пользе «совершенного согласования мудрости, естественной справедливости и глубокого познания моральных и физических свойств жителей и земли». Московское дворянство просило о свободной «циркуляции» дворянских имений и хлопотало о том,

«чтобы дворянству позволено было продавать, где кто захочет земские деревень своих продукты, заводить и содержать фабрики и мануфактуры, вступать во внешние и внутренние валовые и мелочные торги, и предпринимать всякие промыслы». Под наказом Панину подписались между прочими масоны: гр. Р.Л. Воронцов, кн. В. В.Долгорукий, гр. А.Строганов, А. Ржевский.

В числе избранных дворянских депутатов очень многие были масонами. Почти половина дворянских депутатов принадлежала по своему составу к высшим гражданским или военным чинам, но как раз среди них особенно заметны масоны. В депутаты попали П.И.Панин, А.П.Мельгунов, гр. Р.Л. Воронцов (избранный по двум уездам), В.А. Всеволожский, Д. В. Волков, гр. Г. Г. Орлов, гр. З. Г. и И. Г. Чернышевы, И.Л. Голенищев-Кутузов, И. П. Елагин, А. И. Бибиков, кн. М. М. Щербатов, гр. А. С. Строганов.

В самой комиссии ясно отличим кружок дворянских депутатов, которые голосовали по всем главным вопросам единодушно вместе с А. Нарышкиным и, вероятно, скреплены были масонскими связями. В этой группе были, например, А. В. и С. В. Нарышкины, А. А. Ржевский, В.А. Всеволожский, гр. А. А. Строганов, Ф.Ладыженский, В. И. Бибиков, П. С. Валуев.

Комиссия 1767—1768 годов закончилась неудачей; депутаты работали впустую. Турецкая война отвлекла многих вождей масонства от петербургских лож — так же как и депутатов от комиссии. В начале 1770-х годов ложи, однако, стали возобновляться (в 1771 году возникает Рейхелева ложа Аполлона, в 1772 году — Провинциальная Ложа Елагина).

В следующем, 1773 году разразился грозный социальный удар, подорвавший в корне силу дворянских притязаний и навсегда изменивший их направление: произошло Пугачевское восстание.

II

Пугачевщина — событие, влияние которого на весь ход политической мысли русского дворянства не может быть переоценено. С одной стороны, Пугачевщина усилила тре-

бования о неослабной бдительности помещичьей власти; еще в XIX веке, основываясь именно на живом примере пугачевского мужика, неустанно выдвигал такие требования О. А. Поздеев. С другой стороны, Пугачевщина сделала неизбежными проекты социальной реформы, улучшения экономической жизни населения — то, что высказано было в масонских утопиях, то, что на деле осуществлял Новиков во время голода 1787 года и на бумаге — Павел I в своем манифесте 5 апреля 1797 года.

Таким путем единомышленники Новикова доходят до некоторого социализма; но это, несомненно, — консервативный социализм, подобный тому, который столетием прежде защищал во Франции Фенелон: не случайно Фенелон был одним из любимых писателей этого круга лиц.

Круг этот может быть намечен довольно ясно. В него входит кн. М. М. Щербатов, переводчик Фенелона, создатель многостепенного государства земли Офирской, борец против «повреждения нравов в России»; графы Н. И. и П. И. Панины с их «мечтою о твердо, раз навсегда начертанных и неизменяемых «фундаментальных законах» (гр. Н. И. пытался осуществить эту мечту в 1762 году проведением в жизнь высокого Императорского совета); кн. Н. В. Репнин — близкий друг и почитатель Паниных; кн. Г. П. Гагарин — посредник в переписке Паниных; князья Александр, Алексей и Федор Куракины.

Панины служили центром всего круга. 22 марта 1773 года кн. Репнин писал Александру Куракину: «Советуйтесь во всем с вашим опекуном гр. П. И. Паниным и его братом; это два честнейших человека; в горе и в счастии, все равно, надо быть им преданным. Лучше разделить их несчастие, нежели быть счастливым без них или с их врагами».

Все названные лица были влиятельными руководителями масонских организаций. Что влекло их туда?

Все эти люди охотно принимали идею *высокой церкви*, долженствующей направлять из малого кружка всю духовную и материальную жизнь страны.

Сиятельный кн. Трубецкой, упомянутые выше Панины, Щербатовы, Репнины, князья Долгорукие, кн. Черкасский,

кн. Одоевский и др. — вот на кого работал отставной поручик Новиков, явная для всех пружина всего скрытого механизма.

За отсутствием политических партий главари русской консервативной оппозиции последней четверти XVIII века и объединились в масонских ложах.

Основной пункт масонской политической программы требовал «исправления нравов» общества. Этот пункт неизбежно связан был с вопросом о личности государя. Именно государь своим поведением должен был давать образец.

«Примером более, нежели словом должно правительствовать, — говорилось в одном издании Новикова. — Правительствующая особа если будет сама справедлива и расположена ко всякой добродетели, то тем самым подданных своих без всяких увещаний добровольно ко всякой добродетели и похвале примером своим привлечет.

Напротив того, самой той особе, если будет она несправедлива, не будут подражать подданные, хотя бы то она и беспрестанные к тому увещания и поощрения употребила; привлекать, правда, их к тому станут слова, но дела сильнее от того отвлекать будут...» («Описание жизни Конфуция»).

Живыми образами этих двух противоположных особ были Павел и Екатерина. Воспитанник масона, цесаревич известен был безукоризненной личной жизнью и высоким развитием филантропических стремлений.

Сделавшись в 1783 году гатчинским помещиком, Павел Петрович повел себя по отношению к новым своим подданным всецело по масонскому представлению о благодетельном государе. Нуждающимся крестьянам он приходил на помощь денежными ссудами и прирезкой земли. Он много заботился о лучшем устройстве полиции и пожарной части. Цесаревич вмешивался в экономическую жизнь своего владения, стремясь положить предел ростовщичеству торговцев и ремесленников.

Для гатчинских крестьян и солдат своего войска цесаревич устроил просторный госпиталь с отдельными комнатами для заразных больных. В каждую волость определен был фельдшер и повивальная бабка. В Гатчине была устроена бесплат-

ная школа; в мариенбургском сиротском доме обучались солдатские дети — рукоделиям, земледелию и садоводству.

Полную противоположность цесаревичу представляла Екатерина. Вольность ее нравов, конечно, не была тайной в русском дворянском обществе. Всякое обвинение в «повреждении нравов», обращенное к отвлеченному государю, конечно, метило именно в известную всем личность императрицы.

Явным намеком звучали поэтому слова Конфуция, восхвалявшего государя, который «отженет от себя ласкателей и удаляться станет от венерических забав: когда станет вменять богатство и имение за ничто, а за велико — добродетель».

Недочеты внутреннего строя России Екатерина старалась затмить шумной и блестящей внешней политикой, но здесь она не могла найти сочувствие масонов, мысль которых как раз направлена была против хотя бы и успешных войн.

Может быть, именно Екатерину имела в виду одна масонская речь 1780-х годов, направленная против «Александра Македонского, сего повелителя многих стран и завоевателя целого почти света».

«Прочтем повествование дел его, — восклицал масонский ритор, — которые от многих почитаются великими подвигами и достойными бессмертной славы, рассмотрим и положим на мерило истинного закона и должностей человеческих: найдем ли в нем неколебимую добродетель, увидим ли в нем то спокойствие духа, которым обладает истинно свободный человек? Убиение безвинных друзей своих, неистовое желание божеских почестей и прочие буйства его, громогласно возвещают нам, что он был раб, ибо не мог противиться стремлению страстей, но пал под тяжкими оных оковами. Шествуя по пути блаженства, совратился он в область честолюбия и сделался пленником; но досмотрим, не мог ли бы и при честолюбии своем остаться свободным.

Сан его и должность истинного человека требовали, чтобы он подал помощь угнетаемому от врагов отечеству, чтобы дарования свои и великость духа употребил он на избавление своих собратий от злосчастия. Восприял он на себя труд сей и пользуясь благоприятством фортуны поразил супостата Греции. Отечество в награду за его подвиги увенчало его

славою. Здесь надлежало ему остановить быстрое течение побед своих, не принимать более даров от фортуны и, очистив отечество от внешних врагов, рачить о истреблении внутренних. Но как ослепился блеском славы, прельстился великим именем победителя, возомнил, что приумножит свою славу и следственно благо свое кровопролитием. Напал он на отдаленных народов, ничем его не оскорбивших, и потом силою оружия присвоя себе едва не целый свет, безумно возжелал присвоить почести божеские! Что ж потом? Учинился гнусным рабом страстей своих».

Прямо на Екатерину намекали, конечно, московские масоны и в своих нападках на государей, которые покровительствовали Вольтеру и Гельвецию, доведя дело до французской революции.

На приглашение Р.А. Кошелева приехать в Россию Сен-Мартен ответил, что он не может этого сделать, пока жива императрица, «известная своею безнравственностью».

Обеспокоенные вольнодумством и распущенностью власти при Екатерине, раздраженные ее игрою с огнем социального пожара[209], консервативные круги общества надеятся найти истинного государя в цесаревиче Павле.

Связь консервативной оппозиции с цесаревичем несомненна. Партия Паниных — партия цесаревича. Начиная с 1769 года между Павлом и Паниными возникает усиленная переписка, в которой обсуждаются основные очертания желательного государства, прежде всего — военного строя.

В своем «Рассуждении о государстве вообще, относительно числа войск, потребных для защиты оного и касательно всех пределов» цесаревич предлагал устроить армию наименее обременительным для страны способом, и, выдвинув четыре корпуса для защиты границ от Швеции, Пруссии и Австрии, Турции и Китая, «остальные полки расположить на постоянных квартирах по империи, наблюдая, чтобы каждая дивизия имела свою губернию, чтобы как можно менее сталкивалась военная часть с цивильною. Когда полки будут поселены, заменять рекрут солдатскими детьми, достигающими совершеннолетия; таким образом, войско комплектовалось бы само собою, а земля служила бы ему только подкреплением».

Свою записку, слегка дополнив ее новыми соображениями, Павел в 1779 году посылал гр. П. И. Панину; посредниками в переписке были кн. Н. В. Репнин и кн. Г. П. Гагарин[210].

Подобные проекты присылали цесаревичу П. Панин и кн. Репнин. В этих проектах, бесспорно, развивались те же идеи военного социализма, которые намечены были Щербатовым в его «Путешествии».

Раз существовала тесная близость между Павлом и вождями масонства (особенно к концу 1770-х годов — при установлении шведской системы), естественно искать в последнем отражения этой близости. Масонская организация должна была, вероятно, составить как бы священную охрану своего государя-цесаревича, защищая его от всех возможных случайностей придворной интриги.

Одно из «правил» шведских братьев говорило: «Почитай государя твоего, который есть подобие Царя Небес на земле. Воля его да будет священнейший твой долг, благосостояние — величайшее твое желание, а жизнь — величайшее благо, Провидением тебе вверенное. Исторгни из рук в исступлении прящагося кинжал, изощренный на корону, и утуши пламень раздора, неистовством меж сограждан воспаленный. Бог даст силу деснице, подъятой на подкрепление и защиту помазанных».

Правильное понимание этого места зависит от вопроса, кто считался помазанным.

Еще при жизни Екатерины Петр Панин так обратился в письме к цесаревичу в 1784 году: «Державнейший Император Павел Петрович, Самодержец Всероссийский, Государь всемилостивейший!»

А в манифесте, с которым Павел должен был обратиться к народу по вступлении на престол, Панин влагал ему в уста следующие слова: «Призирающее всегда на Отечество Наше, а особливо при опасных случаях, милосердие Всевышнего Творца соизволило Нас, как *единый остаток уже крови, предопределенной Святым Промыслом Его к обладанию Всероссийского Престола*, возрастить со младенчества безотлучно в недрах нашего Отечества, и, *сохранив чудесно от раз-*

ных бедственных угрожений, угодно стало Святой Его воле возвести Нас на Прародительский престол» (курсив мой. — *Г. В.*).

Таким образом, указанный Святым Промыслом государь, это — Павел Петрович; спасать его от *угрожений* давал обещание масон шведской системы. Десница истинного масона должна была поддерживать не лицо, сидящее на престоле, а наоборот — от этого лица охранять истинного государя, наследника-претендента.

Поддержка претендента — одна сторона политики Паниных и панинцев. Другая ее сторона — поиски дипломатической и международной опоры. Идти каким-либо иным путем, кроме создания претендента и собственной дипломатии, партия не могла, потому что руки ее вождей были связаны боязнью новой Пугачевщины. Оттого эти вожди лишь вполголоса высказывают свое недовольство, пожимают плечами, много врут[211], но мало действуют.

Отрицательное отношение значительной части масонов к Екатерине и симпатии их к Павлу Петровичу выясняются вполне определенно в конце 1770-х годов. 3 сентября 1776 года, при соединении Елагина с Рейхелем, великим наместным мастером сделан был гр. Н. И. Панин.

Елагин целый год думал, примкнуть ему к новой системе или нет, составил даже примерный список своих масонов применительно к новой системе, но в конце концов отказался. Тогда шведскую систему окончательно захватили в свои руки приверженцы и друзья цесаревича: кн. Г. П. Гагарин, кн. А. Б. Куракин, кн. Н. В. Репнин, О. А. Поздеев (перед тем служивший при гр. П. И. Панине) сам Н. И. Панин не выступал на первый план[212].

Шведское масонство вызвало острые опасения Екатерины. Об этом свидетельствует и комедия императрицы — первая из целой серии, направленной против масонства, — «Тайна противонелепого общества», появившаяся в 1780 году. Одновременно с литературными мерами Екатерина приняла и административные. В Национальной Ложе два раза был петербургский полицеймейстер П. В. Лопухин.

Гагарин должен был прикрыть петербургскую свою ложу и принять службу в Москве. Весной 1781 года удалился от дел и Панин, отъехав на покой в свою деревню.

Осенью 1781 года началось новое оживление в масонских кругах, исходившее на этот раз из Москвы. Московские масоны (частью это были прежние масоны шведской системы) отправили Шварца искать истинной мудрости не в Швецию, к которой Екатерина отнеслась так подозрительно, а в Германию, к герцогу не Зюдерманландскому, а Брауншвейгскому. Осенью же 1781 года отправился в заграничное путешествие и цесаревич Павел Петрович, сопровождаемый А. Б. Куракиным и С. И. Плещеевым.

Тогда же к литературным и административным воздействиям на масонов Екатерина прибавила законодательную меру. 8 апреля 1782 года издан был «Устав благочиния»; в нем § 65 направлен был против обществ и собраний: «Управа благочиния в городе законом неутвержденное общество, товарищество, братство и иное подобное собрание (под каким бы названием ни состояло) не признает за действительное... буде же таковое общество, товарищество, братство, или иное подобное собрание общему добру вред, ущерб или убыток наносит, либо бесполезно, то подлежит уничтожению и запрещению».

На то, что при этом имелись в виду именно масонские ложи, указывает толкование одного из «лояльных» петербургских масонов, П. И. Мелиссино, который, ссылаясь именно на «Устав благочиния», обратился (5 мая 1782 года) с особым посланием к членам своей ложи Скромности, призывая их «покрыть работы».

«Как ни прекрасна была утренняя заря масонства на здешнем небосводе, все же густое облако, себялюбие, недоверие и самочинное мудрствование — затмили дальнейшую ясность солнечного восхода. Эти пороки... заползли в орден и родились у них подобные же дети: вражда и презрение разорвали узы единения, удалили от первоначальных целей ордена, обесценили пользу для одних членов, навлекли на себя презрительные насмешки других».

Мелиссино восхвалял первоначальную английскую организацию русского масонства, которая не требовала «посылок

за границу, чтобы там покупать мудрость или получать ее путем обещания единовременной дани или ежегодной подати или иной подчиненности. Ибо отчасти — мудрость нигде за деньги куплена быть не может, отчасти же такое поведение никогда не совместимо с должностью и самым понятием истинного масона. Или мы за границей только вызовем подозрение, что вялость и неспособность заставляют нас прибегать к их мудрости и что мы вполне заслуживаем наложения на нас дани! Или мы вызовем у разумных только неодобрительное качание головой и никогда у нас не будет планов, стоящих путешествия, а всегда ничтожные надежды! Может ли быть что более неловким, как в государстве, управляемом самою Мудростью, искать, ради мудрости, чужеземного покровительства».

Около 1780 года произошел резкий поворот русской внешней политики. Разорвав панинскую дружбу с Пруссией, Екатерина стремилась войти в тесное соглашение с Австрией, которое обеспечивало ее черноморские проекты.

Масонские связи с северными державами Швецией и Пруссией не могли не беспокоить Екатерину, так как шли вразрез с ее внешней политикой. Связь же внешней дипломатии с масонством хорошо должна была быть известна Екатерине. Она сама пользовалась масонством в своей польской политике. В 1778 году в Варшаве была открыта ложа-матерь «Екатерина к Северной звезде» (Katarzyna pod gwiazdą północną), названная так в честь «знаменитой монархини, покровительницы вольного каменщичества в своем государстве»[213].

Поездка Павла Петровича за границу вызвала длинные предварительные обсуждения с дипломатической точки зрения; Екатерина решительно настаивала на «австрийской ориентации» этой поездки и запретила своему сыну ехать в Берлин; гр. Н. И. Панин и кн. А. Б. Куракин выражали свое сомнение и недовольство по поводу плана Екатерины.

Поездка Павла Петровича, несомненно, связана была с масонством. Весной 1782 года цесаревич принял участие в масонской ложе в Вене; по поводу роли Павла в ордене Шварц обменивался какими-то письмами с принцем Кар-

лом Гессен-Кассельским. «Письмо герцога гессенкассельского в оригинале писанное к Шварцу в 1782 году, доказывает их братскую переписку — из него видеть можно, что князь Куракин употреблен был инструментом к приведению великого князя в братство»[214].

Подозрительность Екатерины к путешествию Павла проявилась в известном «Бибиковском инциденте».

Флигель-адъютант П.А. Бибиков переписывался с сопровождавшим цесаревича кн. А.Б. Куракиным. В письмах содержались косвенные осуждения Потемкина. Одно из писем, заключавшее политические намеки и сетования на отстранение от дел Н. Панина, было перехвачено и доставлено Екатерине. Бибиков был заключен в крепость, предан суду и сослан в Астрахань. Куракин по возвращении из-за границы должен был выехать на жительство в свое имение Саратовской губернии.

Умирающий Никита Панин сделался политически зачумленным человеком, к которому подойти было опасно: лишь перед самой его смертью (1783 год) Павел Петрович и Мария Федоровна решились навестить старого наставника.

В то время как в Петербурге собиралась уже «мрачная негодования дворского туча», в Москве работа масонского кружка шла полным ходом. По возвращении Шварца из-за границы весною 1782 года было торжественно, при содействии П.А. Татищева и гр. З.Г. Чернышева, открыто «Дружеское ученое общество».

Но перед розенкрейцерами открывались еще более широкие перспективы; впереди виднелась не одна только Москва, а целая империя и участвовать в будущем идеальном царстве должен был не московский главнокомандующий, а российский государь. При организации VIII провинции ордена (1783 год) звание провинциального великого мастера оставлено было для цесаревича Павла.

Руководящие в масонстве лица естественно должны были задуматься над вопросом: что же будет, когда окончательно восторжествует идеальное царство и орден из частного общества сделается водителем государства? Ответом были как раз масонские утопии 1784 года.

Напечатанное в этом году «Новое начертание истинной теологии» обращалось прямо ко всем земным владыкам: «Должны вы одно из двух избрать: или должны вы к стороне Бога присоединиться, общее дело с Ним делать, царство Его по воле Его приуготовлять, и пребыть так в Его любви и милости; или ожидать, что с Вами поступлено будет, как с врагами Его. Но страшно пасть в руки Бога живого, который будет пожирающим огнем для всех противников Его».

Именно в это время цесаревич Павел определенно повел свою собственную внешнюю политику, отличную от целей Екатерины. Он убеждал Румянцева, русского посла в Берлине, действовать в пользу Пруссии, обещая наградить его по вступлении на престол.

Гр. П. И. Панин привел в это время в порядок бумаги свои и своего покойного брата по основным вопросам государственного строя; вместе с тем он составил проект манифеста, о котором мы уже упоминали. Весь тон этого манифеста не оставляет сомнений в том, что Панин ожидал скорого воцарения Павла.

Тогда же, глубокой осенью 1784 года или в самом начале 1785 года, происходит первая поездка из Москвы в Петербург от московских розенкрейцеров к цесаревичу известного архитектора, розенкрейцера и друга Павла — В. И. Баженова. Новиков описывает эту поездку так. Зимою 1784–1785 годов «ездил он [Баженов] в Петербург по своим делам; пред отъездом за несколько сказал он мне и Гамалее, что он по приезде будет у той *особы*... и сказал — эта *особа* ко мне давно милостива, и я у нее буду, а ведь эта *особа* и тебя изволит знать, так не пошлете ли каких книжек... Я отвечал, что та *особа* меня знает только потому, что я раза два или три подносил книги[215], а не думаю, чтобы та *особа* помнила меня; однако мы посоветуемся с старшими братьями об этом и как решимся, посылать ли эти книги или нет, я тебе после скажу; с тем мы и расстались. А где он об этом говорил, у себя ли в доме или у меня, не помню. Я послал к князю Трубецкому и сказал ему об этом, и *советовался об этом*, а другие знали ли об этом, сначала не помню, не помню же и того, был ли в то время в Москве барон Шрёдер, и ежели был, то знали об этом тогда еще барон Шрёдер и князь Юрья Никитич Трубецкой, еже-

ли также был в Москве; наконец, присоветовали мне книги послать, но подтвердить ему, чтобы он сам отнюдь не высовывался с книгами, а разве та особа сама зачнет. Книги ему отдал я о истинном христианстве, и помнится еще, избранную библиотеку для христианского чтения; мы оба его с Гамалеею сколько возможно просили, чтобы он сам не зачинал говорить и поступал с крайнею осторожностью. По возвращении его из Петербурга, прислал он ко мне или к Гамалее сказать, что он приехал и зовет к себе; не помню, оба ли или я один прежде приехал к нему, где он сказал, что он у той *особы* был принят милостиво и книги отдал и кое-что конфузливо рассказал о том... сказав, что он все напишет и привезет ко мне. Я об этом сказал князю Трубецкому, и он просил меня, чтобы я, как скоро получу от него бумагу, показал бы ему. По получении от него бумаги, читавши оную с Гамалеею, мы *испугались*, и ежели бы не для показаний князю Трубецкому, то тогда же бы ее *сожгли от страха, хотя и радовались* милостивому принятию книг, и не верили всему, что написано. Я показал к. Трубецкому эту бумагу, ее читали и также видели, что он [Баженов] *много врал* и говорил своих фантазий, выдавая свое учение за орденское. Князь Трубецкой требовал у меня этой бумаги, но я сказал ему, что я несколько ее *оранжирую* и, переписав, ему ее отдам; тогда же решился этой *бумаги* Баженову ***не отдавать назад и протягивать это под разными отговорками***; в самом же деле боялись его болтливости... Переписывая, я ее сократил и, все невероятное выкинув, отдал переписанную кн. Трубецкому, а эту оставил у *себя*» (курсив мой. — *Г. В.*).

Темный вопрос о переговорах Баженова с цесаревичем, кажется, хоть отчасти может быть освещен содержанием одной из тех книг, которые были отправлены через Баженова.

В первую свою поездку Баженов отвез цесаревичу «Избранную библиотеку», изданную в типографии Лопухина в 1784 году[216].

Это — сборник сочинений пиетистического характера. Первая часть его содержала четыре книги Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу»; во второй части помещены были «Райские цветы» Ангела Силезского, «О тройственном пути души» Франкенберга и т.д. В третьей части

напечатано было между прочим «Краткое извлечение христианского учения из Послания св. апостола Павла к Колоссянам».

«Краткое извлечение» служило экстрактом утопий новиковского кружка. Этот экстракт и послали Павлу Петровичу. Таким образом, «Краткое извлечение» призвано было играть известную политическую роль. С этой точки зрения его и нужно рассматривать. Вероятно, именно по его поводу Баженов *много врал и говорил своих фантазий*, то есть сопровождал орденское учение политическим комментарием. Нужно думать, что при этом Баженов не выходил из круга понятий, который очерчен был в «Новом начертании истинной теологии» или в книге Сен-Мартена: власть государя сливалась со священством в одно неразрывное целое. Истинный царь был святым царем; он был звеном, «средством» между людьми и Богом, так же как и орденские начальники.

Но таким же «средством» был «Царь и священник» всей твари — Сын Божий, Иисус Назарей. Это — прообраз святого царя, соединивший власть земную и небесную. А все сказанное про прообраз можно, особенно если много врать, — приложить и к преемнику. Павел же намечался именно в преемники первородного святого царя — он должен был стать Великим Мастером русской ветви ордена. Такая связь мыслей не была чем-нибудь необычным для масонского мировоззрения XVIII века.

Ритор шведской Провинциальной Ложи говорил на открытии ее в Москве (1780 год) в присутствии великого мастера кн. Гавриила Гагарина: «О, ежели дозволено делать уподобление смертного положения с бессмертным, тако Всевышний посылал некогда благовестителя своего Гавриила возвестить благоденствие роду человеческому: и человеческий род просветился! Да воссияет и здесь свет премудрости, Великим Архитектором нашему обществу завещанный и председящим в сем храме почтенным мужем нам принесенный, открываемый и видимый!»

Если Гавриил Гагарин уподоблялся архангелу Гавриилу, Павел Петрович, очевидно, мог уподобляться апостолу Павлу или даже, как будущий земной Царь и Мастер — божественному Мастеру и Царю. Библейскими образами

и мыслями жил и сам Павел Петрович: недаром про царя Давида писал он Марии Федоровне, иносказательно выражаясь о собственной судьбе.

Читая с помощью Баженова «Краткое извлечение», Павел мог узнать, «что Бог изготовил для нас нечто лучшее, нежели сия мрачная несовершенная земля[217]». Павел мог узнать, что грядущее правление истинного царя будет «весьма великим» и «весьма блаженным» царством, что будущий «царь сего великого и блаженного царства» — «такая особа, которая не имеет себе равного; она двух натур»: «Божеского начала» и «человеческого происхождения». Из «чуждой власти должна нас искупить сия богочеловеческая и земно-небесная особа», «из власти мощного злого ангела, который лестию, коварством и обманом, втянул нас в свою стихию и свое царство; когда он чрез грехи наши и уклонения от Божиих заповедей получил на нас право содержать нас во власти тьмы»[218].

Цесаревич узнал из слов апостола, что «доказать себя достойным избрания» он должен «чрез выдержание в известной мере проб страдания и веры»; он узнавал также из слов трактата, что ему надо только преодолеть «искушения ложных учителей и ненависть и презрение от всех... мыслящих инаково».

Так или примерно так можно пояснить смысл переговоров Баженова, передачи «Избранной библиотеки», милостивого принятия «Библиотеки» цесаревичем и ответа, *испугавшего* Новикова.

Оранжированная Новиковым копия *бумаги* пошла гораздо далее Трубецкого, которому Новиков ее передал. «От князя Трубецкого услышал я после, — показывал Новиков, — что из этой Баженова бумаги сделана еще кратчайшая выписка о образе мыслей той особы и по переводе отдана барону Шрёдеру».

Эту выписку барон Шрёдер повез с собой в Берлин. Осенью 1785 года (в бытность свою в Берлине в 1785 и 1786 годах) Шрёдер написал особое «представление» розенкрейцерским начальникам — «о той *особе*, по выписке данной князем Трубецким с первой писанной Баженовым бумаги им сделанной» (курсив мой. — *Г. В.*).

Представление Шрёдера отразилось в беседах, которые он вел о великом князе Павле с Вёльнером. Вёльнер сказал, что великого князя можно будет принять в орден, не опасаясь за будущее; тогда же и по этому же поводу Шрёдер передал Вёльнеру какое-то письмо кн. Репнина; Вёльнер нашел, что «Репнин великолепно предрасположил великого князя».

На представление свое о цесаревиче Шрёдер получил какой-то ответ от берлинских начальников; Новиков узнал о нем позже, лишь в начале 1787 года.

Направление розенкрейцерского кружка, искавшего себе опоры против Екатерины, усилило подозрительное отношение императрицы к масонству. Елагин счел тогда за лучшее временно закрыть свои ложи. А на московский кружок с 1785 года посыпались систематические гонения со стороны Екатерины. О всех этих гонениях московский розенкрейцерский кружок сообщал в Берлин.

«Мы хвалим оказанную вами при гонениях на вас скромность и порядочную осторожность, — писал Вёльнер в Москву, вероятно, в 1786 году. — А как мы ни малейшего сомнения не полагаем на ваши уведомления, то и должны вас уверить, что сие уведомление погрузило сердца наши в пучину страдания и в мучительное попечение».

Вёльнер советовал московским братьям держать не явные ложи, а тайные и немногочисленные. Действительно, в 1786 году, судя по показанию Новикова, явные ложи были закрыты. Вёльнер дополнял свой совет следующим замечанием: «А наипаче ныне сие рачительно исполнять должно, когда час настоит, в который *князь тьмы* чрез неисчислимое множество сект господствует во всех местах и уже большую часть лож в страшное привел заблуждение и стремится совершенно уничтожить великую цель всего каменщичества. Ко исполнению оного находит он везде орудия, которые внутренно суть толико же злобны и черны, как он. При реченном гонении на вас употребил он в орудие некоего П. и других всеми мирозапутанных гонителей истины» (курсив мой. — *Г. В.*).

Буквой П., вероятно, отмечен был Потемкин, в России — презиравший цесаревича и им ненавидимый, в Пруссии —

своим австрийским союзом спутавший всю дипломатическую игру.

Из прусской масонской среды ненавистников кн. Потемкина вышел в 1794 году известный «Pansalvin», памфлет, направленный против князя Потемкина (мимоходом задевающий и Екатерину). Книгу написали лейцигский литератор д-р Альбрехт, масон и, вероятно, розенкрейцер. Памфлет был переведен и на русский язык («Пансалвин, князь тьмы», М., 1809 год — без имени переводчика). Переводчиком явился В.А.Левшин — ученик по ордену и близкий друг Новикова, трудолюбивый работник Типографической Компании. Конечно, не случай или личная ненависть заставили его — много спустя после смерти Потемкина — бросить камень на потревоженную еще Павлом I могилу. Левшин был лишь выразителем чувств, общих всему новиковскому кружку; ненависть членов кружка к Потемкину была не личная, а партийная — ненависть гонимых к своему преследователю[219].

В предупреждении против Потемкина Вёльнер писал: «Ах! только бы он между вас, сердцем любимые братья, под покровом агнчим не вкрался, и чтобы он, преисполнен злочестия, не притворился так, что вы его не приметите, дабы при первом случае вас уязвить, от истины ложными представлениями отвести и тако предать душеубийце».

Потемкин действительно некоторыми своими действиями давал повод говорить о своем «покрове агнчем». В 1787 году он завел у себя в армии (при начале второй турецкой войны) походную типографию под ведением Луки Сечкарева[220]; в этой типографии напечатано несколько книг духовно-нравственного содержания, близко подходивших к новиковским изданиям. Так, в 1790 году в Яссах появились посвященные Потемкину «Исследования христианства» И.Арндта. В 1791 году в Кременчуге, в Екатеринославской губернской типографии был напечатан сочиненный Потемкиным «Канон вопиющия во грехах души, ко Спасителю Господу Иисусу»[221].

Не видно, однако, чтобы московские розенкрейцеры стремились использовать в своих целях настроение Потемкина. Вероятно, они твердо запомнили предостережения Вёльнера о «покрове агнчем». Без всяких комментариев, кратко

и сухо, сообщил кн. Трубецкой Кутузову в письме 27 октября 1791 года о кончине Потемкина, «которая великую сенсацию над всеми сделала». Так же коротко откликнулся на это известие Кутузов. «Я думаю, теперь много у нас нового в отечестве, по причине смерти Потемкина», — загадочно писал он Лопухину 30 декабря 1791 года.

В кипящем котле международных осложнений, в тревожное время второй турецкой войны и польского четырехлетнего сейма протекло последнее пятилетие новиковского кружка. Московские розенкрейцеры с их мечтами о «внутренней жизни» попали в бурный водоворот внешней политики.

Их орденские начальники в Берлине и царственный их друг (если не брат) в Гатчине — цесаревич — все захвачены были этим водоворотом. Один из орденских начальников, Бишофсвердер, играл виднейшую роль в прусской внешней политике конца 1780-х — начала 1790-х годов. В феврале 1791 года он ездил с тайной миссией в Вену; в 1790–1792 годах он вел важные дипломатические переговоры (между прочим, о польских делах) с русским представителем М. М. Алопеусом. Другой видный розенкрейцер, автор «Пастырского послания» гр. Х. А. Гаугвиц, принял особенно деятельное участие в дипломатических делах с 1792 года. В этом году, именно вследствие своих розенкрейцерских связей с королем, он был назначен прусским представителем в Вену, где выделился своей «решительной манерой», которой он «побеждал все препятствия».

Непримиримым врагом берлинских дипломатов был кн. Потемкин, носившийся с своими особыми планами о соглашении России и Польши; эти планы, в случае проведения их в жизнь, могли свести на нет все усилия министров Фридриха-Вильгельма.

Приятелем берлинского двора был зато цесаревич Павел Петрович, который все время поддерживал связь с прусским представителем в Петербурге гр. Келлером. С русским послом в Берлине гр. В. Нессельроде Павел в 1788 году сносился через прусских курьеров. При берлинском дворе рассчитывали в этом году на смерть Екатерины и воцарение Павла. Тогда же приближенный Павлу адмирал Плещеев завязал от-

ношения с авиньонским братством Нового Израиля, во главе которого стоял польский граф Грабянка.

В 1789 году цесаревич находился в постоянных переговорах с агентом прусского посла в Петербурге Гольца — Гюттлем, отчасти при посредстве Алопеуса. Через Гюттля цесаревич вел тайную переписку с Фридрихом-Вильгельмом.

В 1789 году русским дипломатическим агентом в Берлине сделался М. М. Алопеус, масон, интимный собеседник Бишофсвердера и доверенное лицо Павла Петровича. Алопеус все время вел двойную игру и — представитель правительства Екатерины — тайным образом работал на пользу Павла и «прусской ориентации».

В связи с напряженностью своей тайной дипломатической игры цесаревич стал подозрителен и нервен. Уже во время второй поездки Баженова к нему в 1787 году *особа* «с некоторым неудовольствием» говорила Баженову про пославших его, «что, может быть, ты не знаешь [ничего худого за ними], а которые старее тебя, те знают и тебя самого обманывают». Когда зимою 1791–1792 годов Баженов был у цесаревича в третий раз с посылкой от московских розенкрейцеров, Павел принял его «с превеликим гневом»; вероятно, он боялся неловкости слишком усердных его приверженцев, тогда как все для него висело на волоске.

Между тем московские розенкрейцеры одновременно поддерживали сношения и с берлинским агентом Павла — Алопеусом. У него бывал Багрянский в бытность свою за границей; с ним и с его сыном видался в Берлине и Кутузов. Через «молодого Алопеуса» посылал Алексей Михайлович в 1790 году «письмо и малую посылочку» Трубецкому.

Сношения с цесаревичем и его берлинскими друзьями, конечно, и погубили Новикова, подвергнув разгрому весь кружок. Екатерина не могла без достаточных улик тронуть влиятельных закулисных столпов масонской партий, вроде кн. Репнина; как видно из записок Лопухина, она долго искала причину для ареста даже поручика Новикова. Эту причину императрица, вероятно, нашла в переписке московских розенкрейцеров с Кутузовым и Шрёдером; может быть, также она увидела из письма последнего, что благодаря наличию разногласий кружка с Новиковым, отставного поручи-

ка вполне возможно арестовать и без причины — никто не заступится. Официальным поводом ареста Новикова было подозрение в том, что он напечатал «Историю о страдальцах соловецких». На следствии, однако, вопрос об этом не поднимался. Наоборот, пункт о его сношениях с Павлом Петровичем (21-й) был выделен как особо важный. Пункту этому придавал чрезвычайную важность и сам Новиков, делая к своим объяснениям по этому пункту длинное предисловие: «Яко совершенный преступник в истинном и сердечном моем раскаянии и сокрушении, повергаю себя к стопам Ее Императорского Величества, яко недостойный никакого милосердия и помилования, но повинный всякому наказанию, которое воля Ее Императорского Величества мне определит».

Правда, в дальнейших словах Новиков представлял свои переговоры с Павлом в совершенно смягченном виде. Отчасти это можно приписать тому, что Новиков во время допроса сам был испуган тем широким политическим и даже международным значением, которое приняли его поступки. Но отчасти это сходится с общим тоном показаний Новикова. Новиков — как это и было вполне естественно в его положении — старался на следствии обесцветить и преуменьшить значение масонства и свое участие в нем[222].

«Нападение на масонство и Новикова имело тайную причину, — писал Д. П. Рунич, конечно хорошо осведомленный в этом деле (как знакомый Новикова, сын старого его друга и одно время — близкий к Лабзину). —...Баженов описывал стеснение, в котором наследник находится, — и сего достаточно было, чтобы заключить, что Новиков и общество злоумышляют заговор... Говорили, что не столько французская революция была причиною засады Новикова в крепость, сколько внушенная Екатерине мысль, что он и общество масонов желают возвести на престол России наследника, ее сына».

С попыткой Новикова найти «истинного царя» связывал его арест и ближайший виновник решительных мер против Новикова — московский главнокомандующий кн. Прозоровский. «Я слышал от князя Александра Николаевича Голицына, — записывал впоследствии Д. И. Попов, — что князь

Прозоровский давал ему читать напечатанную в типографии Новикова книгу под титулом: *Владыкам и Владычицам мира*... которую князь Прозоровский почитал весьма опасною для правительства, и, вероятно, внушая Императрице свои подозрения, представил и ту книгу возмутительною»[223].

Этим же объясняется та чрезвычайная секретность, которая сопровождала арест Новикова и отсылку его в Шлиссельбург. В Авдотьино за Новиковыми был отправлен целый отряд гусар во главе с майором кн. Жеваховым. В Шлиссельбург преступника повезли с необычайными предосторожностями окольным путем, на Ярославль и Тихвин. Указ шлиссельбургскому коменданту от 18 мая повелевал принять арестанта, которого привезут от Прозоровского, — имя Новикова не было упомянуто. Политически вопрос о сношениях с цесаревичем был действительным нервом всего следствия по новиковскому делу. Но кроме этого и на следствии, и в указе о заключении Новикова в крепость выдвинут был вопрос о «любоначалии и корыстолюбии», «плутовстве и обольщении». Этот пункт о денежной недобросовестности Новикова, почерпнутый из письма бар. Шрёдера, был показным эффектом следствия. Играя на этой струне, Екатерина, несомненно, надеялась разъединить Новикова и прочих членов Компании. Именно поэтому и вся тяжесть наказания пала на одного Новикова (чего не мог понять Прозоровский). Для остальных Екатерина считала достаточной предупредительной мерой страх[224].

Кн. Трубецкой и Тургенев должны были лишь выехать в свои имения; Лопухин освобожден был и от этого. Кн. Репнин получил почетную ссылку — должность рижского генерал-губернатора.

Со смертью Екатерины изломанное императрицей русское масонство возродилось — если не сразу как прежняя организация, то, во всяком случае, как возвращение к политической жизни личных сил прежней оппозиции. Кн. Н. В. Репнин немедленно сделан был фельдмаршалом и поставлен во главе военных сил государства; кн. А. Б. Куракин получил место генерал-прокурора; кн. Г. П. Гагарин сыграл важную роль в централизации финансового ведомства; вместе с тем

Н. И. Новиков выпущен был из Шлиссельбурга, И. П. Тургенев поставлен во главе Московского университета, И. В. Лопухин приближен ко двору. При условиях нового царствования масонство достигло власти в искаженном виде. Сквозь личные качества нового государя, сквозь гатчинские военные, аракчеевские навыки преломились, отражаясь в действительной жизни, теоретические идеи масонов о государстве и власти.

Несомненно, однако, что во всем «Павловском государстве» (которое, конечно, продолжало жить и при Александре под налетом первоначального либерализма) определенно сказались намеченные в русском масонстве XVIII века принципы духовно-политической жизни.

Идейные корни таких явлений в жизни этого государства, как зачатки крестьянской реформы (указ о трехдневной барщине), военно-чиновничий социализм (военные поселения), власть Святого Царя (Мальтийский орден) или Священный Союз, — кроются именно в тех кругах русского общества XVIII века, которые в свое время объединялись масонством.

Заключение

Политическая роль русского масонства не кончилась XVIII веком. Масонские организации пышно расцвели в александровское время. Но значение отдельных направлений масонства изменилось. Рационалистические либеральные организации, скудно и слабо представленные в XVIII веке (преимущественно первым Елагиным союзом), получили в первой четверти XIX решительное преобладание, особенно с 1815 года, когда возник союз Великой ложи Астреи. В ложах этого союза участвовали многие будущие декабристы.

Шведские и розенкрейцерские ложи, поскольку они продолжали жить в политическом смысле составили под руководством Поздеева и Бебера масонских «правых» александровской эпохи. Но этих эпигонов новиковского кружка нельзя назвать прямыми его продолжателями: то, что было прежде консервативной оппозицией, выродилось теперь в консервативную реакцию.

Сам патриарх екатерининского розенкрейцерства Новиков уединился вместе с Гамалеей в своем Авдотьине, чуждый всякой политической жизни, но продолжая упорно свою внутреннюю работу самопознания.

Эта внутренняя работа над совершенствованием дикого камня русской души оказалась наиболее прочной частью всей масонской деятельности. Ею масонство, несомненно, способствовало созданию того типа, который надолго получил значение в русском дворянском обществе.

Заложенные масонством XVIII века (особенно розенкрейцерством) психические основы внутреннего мира продолжали жить в душе русского человека много спустя после смерти Екатерины и даже после смерти Новикова.

Розенкрейцерство первой четверти XIX века; Виельгорский, Ланской, Лабзин; Батенков* с его изумительными созданием внутреннего мира в одиночном заключении; славянофильство; кн. В. Ф. Одоевский** с его увлечением Пордечем и Сен-Мартеном; Киреевский[225] с его духовной целостностью; Аполлон Григорьев с его «почвенностью» и теориями органической критики[226] — все это духовные дети Новикова.

Духовный рост «внутреннего человека» отражался на «внешнем мире», перерождение личности — на пересоздании общества. Особенно ярко это сказалось в деятельности новиковского кружка. «Сквозь... усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, журналов и возбужденных ими толков, стало пробиваться то, с чем еще незнакомо было русское общество: это общественное мнение, — говорит Ключевский. — Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарождение к годам московской деятельности Новикова, к этому новиковскому десятилетию (1779—1789)».

Процесс оказался гораздо многозначительнее и шире, чем непосредственные цели, которые ставила себе консервативная оппозиция при Екатерине; но именно в кругах этой оппозиции и под влиянием ее духовных нужд и запросов вырос новиковский кружок, а в нем сложилось русское общественное мнение. Сознательный интерес к своему обществу окреп в душе русского человека именно за время его пребывания в масонских ложах.

---

* Гавриил Степанович Батеньков (Батенков) (1793—1863) — декабрист, писатель. Был приговорен к вечной каторге, но в 1827—1846 гг. содержался в одиночной камере Петропавловской крепости, откуда обращался с дерзкими и письмами к Николаю I и в прочие инстанции.

** Владимир Федорович Одоевский (1803—1869) — князь, писатель, философ, общественный деятель, член-учредитель Русского географического общества.

Алексей Кутузов так проповедовал в своей ложе Светоносного Треугольника (1784 год): «Ужели глас отечества, раздававшийся с толикою силой в собраниях греков и римлян, потерял между нами силу свою?.. Нет у нас публичных мест, в которых бы стекались граждане для советыванья о благе отечества; нет у нас ни Демосфенов, ни Цицеронов, которые бы возбуждали внимание наше ко гласу сему...» При этом, по словам Кутузова, «любовь к отечеству есть источник всех прочих гражданских добродетелей».

Никита Панин писал Репнину, утешая его в служебной неприятности: «Невозможно, мой друг, обращать все свое попечение на собственные наши выгоды или неприятности, когда благо отечества требует всего нашего усиливания к его ограждению... Где прямая служба отечеству пребывает, тут не должен быть слышен голос своих собственных нужд».

Показателем всей новизны, заключавшейся в подобного рода чувствах и воззрениях, служило то недоуменное и подозрительное отношение, которое вызывали к себе участники новиковского кружка у своих противников.

«Эти люди, — писал о последних Лопухин, — не могут никак себе представить, чтобы могли найтиться имеющие честные намерения, добродетели и услуги ближним; и потому-то те книги, которые мы издавали, помощи учащимся и проч., все кажется им затеями подозрительными... Привыкнув все делать, только имея в виду рубли, чины, ленты или из страха, не могут поверить, чтобы были люди, желающие бескорыстно удовлетворять должностям христианина, верного подданного, сына отечества и сочеловека».

Примечания

[1] Эта «Конституция» — точное повторение диплома, который сам Елагин получил от Великой Ложи Англии на звание провинциального великого мастера.

[2] Записаны некоторыми из этих учеников.

[3] Позднее в имении И. В. Лопухина Савинском находился памятник Кульману.

[4] Здесь, конечно, имеется в виду гр. Я. В. Брюс (Яков Вилимович Брюс, при рождении Джеймс Дэниэл Брюс (1669—1735)) — граф, русский государственный деятель, военный, дипломат, инженер и ученый, один из ближайших сподвижников Петра I. — *Прим. ред.*).

[5] В виде ордена Св. Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 г.

[6] То есть в XVIII в.

[7] Среди рукописей Ланского есть обрывок серой бумаги, на котором записано такое известие: «Имп. Петр I и Лефорт были в Голландии приняты в Тамплиеры».

[8] Масонство и позже играло большую роль во флоте.

[9] Петре Великом.

[10] Он участвовал затем на стороне Пруссии в Семилетней войне и в 1758 году был убит в битве при Гохкирхене; одиннадцать его писем к майору Яковлеву находятся среди автографов Публичной библиотеки, в них ничего, впрочем, нет о масонстве.

[11] Чуди уехал из Петербурга вместе с Шуваловым в 1763 г.

[12] Он уехал из Кенигсберга 4 марта 1762 г.

[13] То есть Петру Федоровичу, недавно вступившему на престол.

[14] Памятка составлена, вероятно, тотчас по вступлении Екатерины на престол.

[15] Один из немногих документов — отрывок «апрантифского» катехизиса, найденный у Василия Ушакова.

[16] В ложе Урании, например, 20 марта 1785 г. состоялось заседание на итальянском языке для приема двух придворных певцов — Gaetano de Pauli из Милана и Lorenzo Canobio из Асти.

[17] Например, ложа профессора Маттеи под именем Дружбы 1777 г. и Трех Мечей 1779 г.

[18] Лорд Robert Edward Petre, baron Writtle, был великим мастером Великой Ложи Англии с 4 Мая 1772 г. по 1 мая 1777 г.

[19] В этом отношении Елагина система напоминает союз Астреи 1815 г.

[20] То есть начинает работы приема лишь с шестой степени.

[21] VI и VII градусах.

[22] I, II и III иоанновские, IV — экосец, V — элю, VI — философ и VII — рояль арч.

[23] Устав прислан был в ложу Урании с письмом В. И. Лукина от 9 марта 1774 г.

[24] Церемониймейстеры.

[25] Но при расмотрении дела в Большой Ложе великий провинциальный мастер имеет два голоса, все прочие — один (п. 11).

[26] Далее идет положение о великом провинциальном мастере.

[27] «Хотя никогда еще в нашем древнем и почтеннейшем ордене того не приключалось», — замечает Устав в начале этого пункта.

[28] Подобное сомнение в высших начальниках, конечно, не могло быть допущено ни в шведской, ни в розенкрейцерской системах.

[29] Ложа Урании была торжественно открыта 16 марта 1773 г.

[30] Перед открытием Астреи Дубянский два раза, 2 и 6 мая 1775 г., исполнял обязанности мастера в Урании, чтобы на практике их усвоить.

[31] Тогда еще не кончена была первая Турецкая война.

[32] Ложа была основана, кажется, прямо от Великой Ложи Англии 29 апреля 1772 г. и только позже примкнула к Елагину.

[33] Основана не позже 1774 г.

[34] Патент на ее основание, находящийся в Публичной библиотеке, подписан 28 дек. 1774 г. Елагиным, Воронцовым и Лукиным.

[35] Письмо получено было в л. Урании 14 февр. 1775 г.

[36] А. И. Мещерский, названный мастером стула л. Эрато, был посетителем в Урании 28 марта 1775 г.

[37] Например, вУранию приходили письма из л. Марса в Яссах (протоколы Урании, 12 и 16 апр. 1774 г.); из л. Минервы в Садогурах (прот., 25 окт. 1774 г.); из л. Екатерины в Архангельске (прот., 14 февр. 1775 г.). С аттестатами л. Марса Уранию посещали братья Браун и штаб-лекарь Толст (вероятно, Дольст. Прот., 15 февр. и 16 дек. 1774 г.). В свою очередь, Урания давала рекомендательные письма в л. Марса своим членам Алексееву и И. Лукину

при их отъезде в Яссы (прот., 9 ноября 1773 г. и 1 февр. 1774 г.), Як. Наврозову — в Москву, в л. Клию (прот., 28 февр. 1775 г.).

38 В Урании были посетители с дипломами л. Трех Королей (прот., 12 апр. 1774 г.), и л. Авессалома (прот., 11 окт. 1774 г.) в Гамбурге, л. Персеверанс в Амстердаме, л. Каледонии в Лондоне (прот., 30 мая 1775 г.). Член л. Урании Разнотовский, уезжая весной 1774 г. в Англию, получил рекомендательные письма в Соммерсетскую ложу (Лондон) и ложу Royal York (Берлин). В последней находился и постоянный представитель Урании — Гродард (Grodard. См. прот., 3 авг. 1773 г.).

39 10 мая 1774 г. «брат Мейер обьявил [в ложе Урании], что предложенный им в прошедшую ложу желающим в наше общество торговый человек Овандер между тем принят был собирающимися некоторыми аглинскими братьями, о которых известно, что не имеют они больше от матери нашей аглиийской великой ложи конституции; следственно вход в наши совершенные и справедливые ложи ему тем заграждается».

15 мая там же «брат Лиман предлагал, что представленный им желающим в наше общество Тредьяковский ему объявил, что будто бы он уже в масоны принят; того ради он, Лиман, почитая его за непостоянного человека, с ним более и не говорил». В ответ на это «всею ложею единогласно положено, что ежели когда он, Тредияковский, масоном и посетителем в нашу ложу придет, то не впускать его, доколе он перед ложею брату Лиману и подкрепляющим его братьям Дубянскому и Разнотовскому не сделает удовольствия, и потом чтоб экзаменовать его по всей строгости». После этого имя Тредьяковского не встречается в протоколах Урании: очевидно, от экзамена он уклонился. В 1775 г. Тредьяковский участвовал в московской ложе Равенства.

40 Об этом можно судить по дневнику Ильина и по протоколам ложи Урании. Новиков также свидетельствовал, что в ложах Елагина «принимали без всякого разбору». Впоследствии (в 1810 г.) О. А. Поздеев, нападавший за это же явление на работы лож будущего союза Астреи, называл такой усиленный прием «рекрутским набором».

41 Завязыванье глаз, отобрание металлов, раздевание, устремленные мечи при снятии с глаз повязки и пр. Обряд приема довольно точно изображен в «Войне и мире».

42 Ученик подвергал себя «наижесточайшему оскорбленной братии мщению: пусть гортань моя будет перерезана, язык мой исторгнут, и тело мое, на части рассеченное, предано на снедение псам и хищным птицам, или сожжению, а прах мой пусть будет развеян без погребения по воздуху, и самая память моя пусть будет

мне всегдашним поруганием и гнусным для потомков вероломства примером». Товарищ добавлял к этому: «чтобы у живого меня сердце мое исторгнуто, ежели я измену сделаю, было»; мастер: «да буду я живой во гроб положен и брошен в пространное море».

43 Один из постоянных посетителей л. Урании. Ф. Гарднер был основателем Английского клуба в Петербурге (в 1770 г.).

44 Елагин, по болезни, не мог лично открыть ложу.

45 Заседания Урании назначены были (10 июля 1773 г.) раз в две недели по субботам. В остальные субботы собиралась л. Муз; по четвергам, тоже раз в две недели, — Беллона.

46 На самом деле Урания открылась 16 марта 1773 г.

47 Не описка ли здесь, вместо «пополуночи»?

48 Петром Яковлевичем.

49 «Почетные члены положенным штрафам также подвержены быть имеют».

50 «Притом почтенный мастер л. отозвался, что в случае, ежели по прошествию года от биллиарда ожидаемой прибыли не будет, то он биллиард за покупную цену себе берет, и так ложа убытку от того подвержена быть не может, но чтоб тогда те деньги, которые за биллинардную игру вступят, ему отданы были». Кажется, В. И. Лукину не пришлось быть биллиардным предпринимателем: очевидно, ложа получила «ожидаемую прибыль».

51 Однако уже 22 ноября «почтенной брат Книпер предлагал, чтоб для избежания тех замешательств, которыя примечены бывают в сборе платежа за напитки при столовых работах употребляемых, впредь платить по-прежнему при записи имени по 1 р., на что ложа подъятием рук согласилась».

52 Наказание за «безобразные поступки» ложе приходилось налагать не только на служащих братьев. Так, 26 апреля 1774 г. «почтенный мастер ложи предлагал... что к прискорбию его и всего братства в прошедшее собрание ложи Урании бывший в ней посетитель бр. Николай Поморский, как в продолжение столовых работ, так и по окончании оных учинил столь много непристойного, что и упоминать о том неприятно, учинив же оное, по-видимому, не только что не признался, ниже помыслил о том, хотя и довольное имел к тому время, видя в прошедшие две недели как его, мастера ложи, так и прочих братьев. Заключил он сие тем, что как бр. Поморской оказал огорчение братьям и презрение установленным от предков наших обрядам, то и почитает он его впредь совсем недостойным к соучастию в работах наших. Вся ложа единогласно положила, чтоб сего Николая Поморского не впускать более в ложу и для сведения всех членов читать сию статью в трех первых ложи нашей собрания». 28 февр. 1775 г. был исключен навсе-

гда из ложи бр. Мелле, утаивший 35 р., полученные им за принятие от одного из братьев.

53 Законы Елагиной системы беспокоились о том, чтобы во время заседания один брат не начал смеяться над тем, как выговаривает другой все полагающиеся ему ритуальные речи.

54 Говорил с профанами о масонстве и А.Я.Ильин. Узнав, что он масон, кн. Щербатова сказала: «Ужо тебя, если сведает матушка».

55 Масоны обоих толков слились вместе в 1813 г.

56 Не войдя в соприкосновение с главной ложей «древних масонов», Елагин много позже, перед вторым своим союзом, приблизился к Великой Ложе йоркских масонов, с которыми позже часто смешивали «древних».

57 Рейхель (1729? — 1791) поступил на русскую службу 1 июня 1770 г.; личность его совершенно необследованна; показания Новикова рисуют его как человека, глубоко преданного масонской морали; для Елагина Рейхель был наставником в мистической литературе.

58 Великая Ложа Циннендорфа официально учреждена была в Берлине 24 июня 1770 г.

59 Розенберг не присоединился к последующему соединенно Рейхелевых и Елагиных лож.

60 Эту ложу он называл в показаниях своею.

61 В показаниях Новикова: «ложа маиора Я.Ф.Дубянского в которую при соединении с Иваном Перфильевичем определен был в 1776 г. А.В.Храповицкий».

62 Циннендорф и позже старался проводить примирительную политику по отношению к Елагину. На просьбу вновь открытого Гарпократа о конституции Провинциальный мастер Циннендорфовой берлинской ложи Л. фон Гессен советовал (31 августа 1773 г.) русским братьям «обратиться за надлежащей конституцией к высокопочтенному провинциальному великому мастеру его превосходительству статскому советнику Елагину или же к самой Великой Ложе в Лондоне». Объяснялась такая политика договором берлинской ложи с английской: берлинская обязалась не открывать лож вне Германии, взамен чего английская обещала не вмешиваться в масонские дела Германии.

63 Например, 10 июля 1773 г. был предложен в члены л. Урании старый масон Велер, от которого решено было требовать письменного свидетельства, что он отрекся от Рейхеля (такое письмо Велером и было написано; чтено в Урании 20 июля 1773 г.). У Нотберга, прежде чем допустить его в Уранию, справлялись, «какой он ложи в Ревеле был, не Рейхелевой ли». Струмилов допущен был посетителем в Уранию лишь после отречения «от бывшей Рейхелевой ложи». То же условие поставлено было Аргузену 11 октября 1774 г.

Наконец, 6 мая 1775 г. был принят посетителем Жандер, который «отстал» от ложи Рейхеля.

64 Так как 22 марта 1776 г. он уже звал А. Я. Ильина на собрание своей ложи.

65 По-видимому, Новиков еще до своего избрания в мастера этой ложи пользовался в ней полной властью; 22 марта 1776 г. он звал Ильина именно «к себе в л.».

66 Из старых Рейхелевых лож не присоединились к соглашешю Аполлон и Озирис.

67 Сам Елагин ставит свое поведение в зависимость именно от преследований, которые навлекла на себя «карлсбадская» Шварцева система в Москве. По словам Елагина, московские масоны «навлекли, как себе, так и всем вообще свободным каменщикам великую скорбь и гонение. Сие было виною, что и закрыл на время великую провинциальную ложу и частные посещать перестал».

68 Во главе которой теперь рядом с Елагиным стоял родственник Куракина гр. Н. И. Панин.

69 Первые три степени тех и других действительно совпадают почти буквально.

70 Гагарин (1745—1808), с 1781 г. обер-прокурор VI деп. Сената, при Павле — президент Коммерц-коллегии, с 1800 г. — министр коммерции; роль его в общественной жизни была в XVIII в., несомненно, гораздо значительнее, чем служебное положение; Гагарин был в дружественных отношениях с Павлом Петровичем, кн. Куракиными, кн. Репниным, гр. Паниными, не отличаясь, впрочем, нравственными качествами последних.

71 Кроме иоанновских и андреевских, только две рыцарских были присланы в Россию.

72 Эту должность занимал кн. Г. П. Гагарин.

73 Это избранные св. Иоанна (VIII степень).

74 Это братья стуарты (VI степень) или ближние св. Иоанна (VII степень).

75 Звание это непременно соединялось с должностью великого национального мастера; занимал ее кн. Г. П. Гагарин.

76 Не А. Б. Куракин ли?

77 Вероятно, это звание носил Бебер.

78 То есть герцог Карл Зюдерманландский.

79 Из письма московских масонов к герцогу Брауншвейгскому, 1782 г.

80 Союзные с Пеликаном ложи Нептуна в Кронштадте и Аполлона в Петербурге были закрыты в конце 1788 г. по повелению Екатерины, после устройства ими торжественных траурных собраний в память Грейга.

[81] Постоянное место последней ложи не указано.

[82] С конца 1783 г. мастером стула ее был И. И. Панаев.

[83] Бебер в числе шведских лож называет и л. Латоны (Handb. III, 613), но сам Новиков уверяет, что ложа его оставалась под правлением Елагина.

[84] «В столовых ложах должно стрелять [= осушать «заряженные» бокалы] следующие здравицы в таком порядке: 1) За здравие Царствующей Семьи и всех Великих Покровителей Ордена (Эта здравица стреляется стоя и ранее нежели садятся за стол); 2) За здравие Высокопочтенной Шведской Ложи и ее Гроссмейстера (стреляют стоя); 3) За здравие Русской Национальной ложи, ее великого мастера и великих чиновников (стоя); 4) За здравие мастера стула (стоя, если он не избавит от этого); 5) Чиновников ложи (сидя); 6) Союзных лож; 7) братьев посетителей; 8) Новопринятого или повышенного брата (к этой здравице присоединяются прочие, за какие пожелают стрелять братья); 9) Всех вольных каменщиков, разъясненных по всему шару земному. При этой здравице составляется цепь. По окончании ложи разрешается стрелять за здравие сестер каменщиц, но без обрядовых знаков». Законы, § 23.

[85] В 1778 г. в Митаве была ложа Трех коронованных Мечей и при ней шотландская ложа Ernst zum rothen Adler; в Газенпоте — Friedrich zur grünen Flagge. Управляли этими ложами братья фон Фиркс (v. Fircks).

[86] Вероятно, в ложу Трех Глобусов.

[87] Циркуляр, как видно из ответного письма московских масонов, получен был в Москве очень поздно, вероятно, лишь в 1782 г. (может быть, его привез Шварц).

[88] На случай ее «раскаяния» одна провинция (девятая) оставлена была вакантной.

[89] На эту должность намечался цесаревич Павел Петрович.

[90] Вероятно, все эти ложи подчинены были Латоне, так как мастера их — С. И. Гамалея, А. М. Кутузов, И. А. Барнашев, Ф. П. Ключарев к Трубецкому и Новикову были ближе, чем к Татищеву.

[91] Ложа Скромности называется при этом французской.

[92] Эту дату второго основания Скромности Л—р, искажая ее («1768» вместо «1786»), приводит, как дату первого основания.

[93] Среди «рыцарей высокой философии» (Ritter der hohen Philosophie) первым назван Peter Melissino, вторым Johann von Jelaguin.

[94] Елагином острове.

[95] Л—р сообщает даже, что конституцию Елагин получил от В. Ложи Рояль-Йорк.

[96] При этом, по словам письма, «злоупотребляют неопытностью новичков масонов и за деньги или из честолюбия возвышают их

будто бы в высшие степени, через что обманывают их и навлекают великой ущерб достоинству ордена».

97 Рижские ложи, уклоняясь от прямого общения с л. М. Света, заявили, однако, что признают Елагина провинциальным великим мастером.

98 Упоминается в протоколах М. Света от 15 и 30 апр. 1791 г.

99 В протоколах л. Урании под 24 июня 1783 г. записано, что «бр. Гирш, из могилевской л. хочет наладить дружественную корреспонденцию между этой л. и Уранией, на что ему отвечено, что на это должно быть согласие комитета». Получено ли было это согласие — неизвестно.

100 Вёльнер, выдвинувшийся на первое место среди прусских розенкрейцеров, приближенный наследника Фридриха-Вильгельма (затем — министр этого короля), «лживый поп», по определению Фридриха II, темный политический делец, умел, однако, выставить себя убежденным мистиком; эта сторона его личности закрывала, вероятно, все остальное в глазах Шварца и Новикова.

101 Список этих лож, относящийся, по-видимому, к 1785—1786 гг., дан в одной из тетрадей, принадлежащих кн. Баратаеву; составлен он по рассказу какого-либо из старых масонов, может быть П. П. Тургенева.

102 Бар. Г. Я. Шрёдер (1757 — не ранее 1797) — мекленбургский помещик, отправленный Вёльнером в качестве своего агента в розенкрейцерский кружок в Москву и особенно сблизившийся там с А. М. Кутузовым и кн. Н. Н. Трубецким; дневник Шрёдера 1785—1786 гг. (напеч. у Барскова, 215—234) — ценный документ для истории новиковского кружка и его берлинских связей.

103 Из видных московских масонов П. А. Татищев по смерти Шварца скоро перестал играть роль в «теоретическом градусе»; кн. Г. П. Гагарин вовсе не вошел в «градус».

104 Инструкция эта по разъяснению Тедена должна была быть прочтена один раз за девять собраний.

105 Новиков здесь тщательно различает принятых в градус от принятых в орден.

106 Шрёдер, приехав из Москвы в Берлин 7 ноября 1785 г., получил от Вёльнера VI степень, а за все берлинское свое пребывание он достиг, по-видимому, VIII степени.

107 Алексей Михайлович Кутузов (1749—1797) — друг Радищева (в молодости) и Карамзина, переводчик Юнга и Клопштока, обаятельный образ искателя истины, позже забытый своими друзьями и умерший в Берлине.

108 Москва числилась в Офиронской обер-гаупт-директории, то есть в ведении Вёльнера.

109 Силанум не был отменен до самого закрытия розенкрейцерского ордена в Пруссии в 1798 г.

110 В другой тетради Елагин говорит о «садукейских и фарисейских ересях» тех лож, «которыя в противность законов масонов запрещают вход братьям».

111 Относится к 1785 г.

112 «Один из братьев, — писал Кутузов Трубецкому (из Берлина, от 8/19 окт. 1791 г.), — возвратился из путешествия, во время которого имел счастье видеть довольно высоких особ; от них слышал, что Начальники суть теперь в Персии».

113 Из «Перечня наставительных ордена положений З. Р. К. древней системы».

114 Им принадлежало само изобретение степени «истинного масона». Сведенборг умер в 1772 г., но учение его приобрело популярность именно после его смерти.

115 Быть может, в них участвовали и шведские последователи Сведенборга. Из Швеции дошел до Елагина написанный, вероятно, Виллермозом «Устав, или Правило вольных каменщиков».

116 Этюп (близ Монбельяра), владение Вюртембергского дома на территории нынешней Франции (Монбельяр лежит к югу от Бельфора на притоке Соны Дубе — следовательно, и географически связан с Лионом).

117 Воронцов был в 1786 г. членом ложи Мелиссино.

118 Поучительный стол «теоретического собрания» приготовлялся всегда на 9 братьев.

119 Цифра, очевидно, скорее низкая, чем высокая.

120 По всем росписям членов лож и указаниям литературы я мог насчитать для России XVIII в. более 1400 масонов.

121

Первый Елагин союз: в Петербурге	7,	в Москве	3 ложи.
Рейхелева система:	6		1 ложа.
Шведская система:	6		4 ложи.
Второй Елагин союз:	5		1 ложа.
Берлинская система	1		6 лож.

122 И вероятно (судя по родственным их связям), двое сенаторов (из 6): кн. И. Н. Трубецкой и С. Ф. Ушаков.

123 В ложе Равенства в 1775 г. участвовали канцеляристы этой конторы Ильин и Петров.

124 Кроме, может быть, секретаря военного ордена Н. Ю. Пиери. Вице-президентом Коллегии был противник масонов Г. А. Потемкин.

125 Специальной ложей морских офицеров и учителей Морского корпуса была л. Нептуна в Кронштадте (1779—1789).

126 Особую «Университетскую ложу» упоминает Новиков.

[127] Ими была учреждена масонская ложа во Владимире.

[128] Все эти лица входили в теоретическую ложу З. Я. Карнеева.

[129] Отец известного масона XIX в., кн. М. П. Баратаева. Около 1784 г. в Симбирске была ложа под председательством вице-губернатора А. Ф. Голубцова.

[130] Известно, что Мельгунов стоял во главе ложи.

[131] Помимо перечисленных ведомств и учреждений, много масонов было среди чиновников почтового ведомства.

[132] Вплоть до 1777 г., когда зажегся «Утренний свет» Новикова.

[133] Ильин получил их через К. В. Миллера, следовательно, есть вероятие,что это была не рукописная, а печатная книга.

[134] Эта книжка, может быть, была рукописная.

[135] С 1758 по 1762 г. они носили название «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих», а в 1763–1764 гг. именовались «Ежемесячными сочинениями и известиями о ученых делах».

[136] Оставляю, конечно, в стороне многочисленные статьи чисто научного характера.

[137] Из трудов Сумарокова отмечу «Оды духовные» (Переложение псалмов I, XXXVI, XXXI, LI и CVI и III главы Сираха) во II т. «Ежемесячных сочинений», «Оду» (из псалма LXX) — в III т.; Хераскову принадлежит «Ода христианскому закону» в III т.

[138] Щербатов упомянут в донесении Олсуфьева, а в 1775 и 1776 гг. был членом ложи Равенства. Нартов — мастер стула ложи Геруса в 1776 г. Воронцов — сын гранметра той ложи, где участвовали Щербатов и Сумароков; в 1774–1775 гг. он посещал ложу Урании; в 1756 г., когда вышел III том «Ежемесячных сочинений» с его переводом, Воронцову было лишь 15 лет. Воронцов перевел «Рассуждение о приятностях сообщества» в III т.; Щербатов поместил «Нравоучительные рассуждения» в X т., «Слова о спокойствии души» и «Нравоучительные рассуждения графа Оксенстерна» — в XII т.; Нартов напечатал особенно много переводов и сочинений; назову «Рассуждения о смерти» в III т., «Письмо о дружестве» в V т., «Слово похвальное графу Тюренну» — в XVII т.

[139] «Рассуждение о душевном спокойствии и безумных людских желаниях», «Рассуждение о пределах дружества» и «О успокоении совести».

[140] Таковы рассуждения «О постоянстве», «О всегдашнем поведении человеческом» — в январском выпуске, «О источнике страстей» — во всех шести выпусках.

[141] «Описание случая во время владения М. Аврелия Антонина Римского Императора с римским гражданином Антигоном» и «Марк Аврелий Император Антигону в ссылке утешения от бессмерт-

ных богов желает» — в майском выпуске. Веницеев был масон: в 1775–1776 гг. он участвовал в ложе Равенства.

[142] «Economy of humain life» неоднократно приписывалась Честерфильду.

[143] Второе издание — М., 1769 г.; третье — 1781 г., без означения места издания (Москва); четвертое — М., 1791 г.

[144] Книга в трех частях, из которых первая есть «Экономия жизни человеческой». Переводчик — В. С. Подшивалов; 2-е издание, М., 1794.; немецкий подлинник — Das Buch der Weissheit und Tugend, Dessau, 1783.

[145] Преимущественно на свидетельствах изящной литературы построена характеристика русского «вольтерианства» у А. И. Незеленова в I главе его книги о Новикове; см. также его «Литературные направления в Екатерининскую эпоху», СПб. 1889; ср.: Ф. Терновский. Русское вольнодумство при Екатерине II (Труды Киевской духовной академии, 1868, № 3 и 7). Иную характеристику вольтерианства (исключительно по мемуарам) дает В. В. Сиповский (Из истории русской мысли XVIII–XIX вв. — Русское вольтерианство, Голос минувшего, 1914, № 1); им слиты, однако, мемуары XVIII и XIX в., отчего вольтерьянство получает слишком определенный характер философского и политического «отрицания».

[146] Перевод вышел в СПб., 1740.

[147] Под таким именно заглавием в «Ежемесячных сочинениях», т. V, январь (1757).

[148] Позднее профессор логики, метафизики и чистой математики Московского университета.

[149] Из этих лиц (кроме Екатерины) нет данных о масонстве лишь Кузмина и Козицкого.

[150] Вольтер действительно в 1778 г. незадолго до своей смерти был принят в ложу Des neuf soeurs.

[151] Подробное перечисление их сделано впервые в шведских актах. Иначе были выражены пять должностей добродетели в Рейхелевых актах: 1) нежная любовь ко всему человечеству, а паче к иностранному брату; 2) честное поведение, 3) вечная война против врагов добродетели; 4) намерение воздвигнуть здание духовного Соломонова Храма: 5) непреложное соблюдение законов каменщичества.

[152] «Вечерняя заря» (1782 г.), выходившая, по-видимому, под ближайшим наблюдением Шварца, имела несколько другой оттенок, теснее примыкая к мистицизму.

[153] Сюда вошли: 1) «Похвала разуму», 2) «Похождение памяти», 3) «Разговор Перикла с Греком нынешнего времени и Россиянином», 4) «Воспитание девиц, или Разговор Мелинды и Сафонии».

[154] М. А. Юсуповой.

[155] Начальник этот бар. Шрёдер. Письма написаны между смертью Шварца и учреждением «Компании», то есть между 17 февраля и 1 сентября 1784 г.

[156] Третий пункт пропущен в самой рукописи.

[157] Особой же «вольной типографии Новикова» не существовало вовсе. Мне, по крайней мере, не известны изданные под такой фирмою книги.

[158] Именно сочинения энциклопедистов, на которые особенно обрушился Платон, в дальнейшем запрещены не были.

[159] Сочинения близкого им по духу Фенелона были переведены одним из членов кружка, Д. И. Дмитриевским, но напечатан был этот перевод лишь в 1799 г.; Фенелон очень ценился членами кружка (впоследствии Лопухин рекомендовал, например, читать его Сперанскому).

[160] Новиковым были собственноручно переписаны некоторые тома «Библиотеки герметической», например, т. 29. На герметические увлечения Новикова указывает и его пристрастие к розенкрейцерской медицине.

[161] Под именем Боннета в начале XIX в. вышла старая «Экономия жизни человеческой» Додсли. Здесь, впрочем, вероятно, имеются в виду «Рассуждения о натуре» Ш. Бонне, которые в XVIII в. переведены были А. А. Нартовым (напечатан перевод, кажется, не был).

[162] Знаменитая книга Сен-Мартена.

[163] Вероятно, «Tableau naturel des rapports qui existent entre Dieu, l'homme et l'univers» Сен-Мартена. 2 части. Эдинбург (Лион), 1782.

[164] От Тедена прислан был, например, «Теоретический градус», от Вёльнера «О магии веры».

[165] То есть в Петербург, Вологду, Орел, Могилев, Кременчуг.

[166] Под руководством брата NN вникал Елагин в «разные всех древних и новых любомудрцев о мироздании системы и мнения»; Рейхель снабжал Елагина мистическими рукописями и объяснял их ему.

[167] Cl. Fleury, Histoire ecclesiastique 36 voll. Paris, 1691—1737.

[168] Может быть, «Платоново кольцо» (Aurea catena Homeri) Кирхвегера.

[169] Впрочем, и Рейхель не оставлял его своими советами; в 1786 г. он толковал ему в письме книгу И. К. Диппеля «Mikrocosmische Vorspiele des neuen Himmels und der neuen Erde».

[170] Написаны были только три части, IV нет вовсе, к V же есть лишь черновые наброски.

[171] В действительности первые две степени рассматривались вместо Талмуда во II части.

[172] Перевод с немецкого. Автор — курляндец, как видно из предисловия.

[173] Автограф В. М. Милонова в Публичной библиотеке.

[174] Сам Поздеев, впрочем, не проникся до конца этой добродетелью. Страх смерти его мучил. Руф Степанов вспоминал «разговор покойного О. А. (Поздеева) с Лабзиным: сей говорит ему, что вовсе смерти не боится, да и зачем боятся? а О. А. больным голосом (ибо был уже болен) так протяжно ему отвечал: "и батюшка! как смерти не бояться? вить темности-то в нас много! вот есть ли бы в нас воссиял свет, так как при новом творении сказано: да будет свет, — то смерть не казалась бы нам страшна"».

[175] М. Херасков. «Владимир Возрожденный». М., 1785. Песнь VIII (с. 107).

[176] «Amor proximi» (розенкрейцерское сочинение XVIII в.).

[177] Ангел Силезский.

[178] Алхимические знаки здесь, как и ниже, заменены словами.

[179] Пер. Ив. Туманского. — Специально юридические познания черпались в 1770-х гг. из трудов бар. Бильфельда («Наставления политические» в пер. кн. Шаховского и А. Барсова, 2 ч., М. ут., 1768—1775) и Юсти («Основные силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния», пер. Ив. Богаевского, 4 части, СПб., 1772—1778; «Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов», пер. Авр. С. Волкова, СПб., 1770; «Торгующее дворянство», пер. Д. Фонвизина, СПб., 1766).

[180] Слова Сен-Мартена тяжелым языком излагал и переводчик его П. И. Страхов — как можно убедиться и по вышеприведенным цитатам.

[181] Автор этой книги был не Сен-Мартен, но приписывалась она долгое время Сен-Мартену: последнего, конечно, считал автором и Елагин.

[182] Карманная книжка для В. К. («Нечто о вольности»).

[183] Статья написана между 1786 и 1789 г.

[184] Устав, вводная часть, § V—VI.

[185] Магазин, II. с. 131—133.

[186] См.: «Хризомандер». М., 1783, с. 257—264.

[187] Книга напечатана была в типогр. Лопухина в 1784 г.

[188] Письмо 1816 г.

[189] Устав, введение, § VIII.

[190] Список членов общества большей частью — немецких и английских куппов, всего 540 имен — приложен к книге «Учреждение основанного в СПб. на смертные случаи общества», 2-е изд. СПб. 1780.

191 Члены и посетители ложи Урании: Э. Я. Опиц, И. Д. Мас, И. Эрих, М. Шарпенберг, Ф. Машмейер (дважды), И. М. Аргузен, И. Машмейер (трижды), К. Смаллан (дважды), К. Я. Книпер (дважды), И. Я. Палерет, Н. Греен, И. А. Дмитриевский, Ф. Фрейтаг, И. Г. Вейтбрехт (дважды), Х. Бицов, И. Х. Баумгартен (дважды), И. К. Лезенберг, Я. Витакер (дважды), И. А. Вилькен, Ф. Кентер, И. Г. Алерт; вероятно, также: Н. Мейер, И. Г. Брунс (дважды), Г. Л. Мейер (дважды), Л. Краббе, И. Г. Биллих (дважды), Г. Бардевик; члены ложи Скромности: Ф. фон Цантен (фон Сантен, трижды), М. Берендт, Х. С. Форброд, Д. В. Солтау; члены ложи Пеликана (Благотворительности): И. Ю. Унгебауер, И. Д. Спис, И. Д. Биган; член архангельской ложи Екатерины Трех Подпор А. Гейн; будущий викарий второго Елагина союза К. Г. Норден.

192 Годовой взнос был не менее 13 рублей.

193 До 300 тыс. рублей.

194 Совет состоял из шести лиц, намеченных генерал-губернатором; вероятно, все это были члены ярославской масонской ложи (один, В. И. Остафьев, в 1775 г. посещал московскую ложу Равенства).

195 Всего жертвователей насчитывалось 132 человека; собрано было 18 009 рублей.

196 Подобным же образом обставлено было открытие Дома призрения в Ярославле; освящал Дом архиепископ Арсений (Верещагин) с духовенством ярославской церкви пророка Илии.

197 В первой черновой записке Екатерины о заведении начальных школ сказано: «осведомиться о школе, которую содержит здесь “Утренний свет”... и все нужды и недостатки».

198 Речь одного из членов общества на смерть Шварца.

199 «Московское ежемесячное издание» и «Вечерняя заря» издавались в пользу тех же училищ, что и «Утренний свет».

200 Вероятно, этим именем названы были слившиеся вместе Педагогическая и Переводческая семинарии.

201 С этим можно сопоставить торжественное открытие Дома призрения ближнего в Ярославле в 1786 г., где произнес речь сам наместник Мельгунов.

202 «Конфиденция» относилась к 1786 г., Прозоровский воспользовался ей в 1790 г.

203 Тогда же (10 марта 1786 г.), соглашаясь на открытие Дома призрения в Ярославле, Екатерина предписала Мельгунову «отдалять все колобродное, обманом или невежеством выдуманное».

204 «Amor proximi».

205 Лекарство, кажется, опоздало; во всяком случае, Н. П. Сафонов потерял жену.

206 Данные о числе аптек и больниц см. у А. Никитина. «Краткий обзор состояния медицины в России в царствование имп. Екатерины II». СПб. 1855. Ср. еще: Н. Варадинов. Аптекарский устав. СПб., 1880; Д. Леонтьев. Краткий исторический очерк аптечного дела в России. СПб., 1910.

207 «Материалы для жизнеописания пяти благочестивых людей в России (1839—1841). Рукопись Д. И. Попова.

208 Там же.

209 В XIX в. укоризненно вспоминал Поздеев, что только после Пугачевского бунта Екатерина «перестала думать о вольности крестьян».

210 Утверждение, что записка была предоставлена Екатерине, ошибочно.

211 Как известно, слово «врать» в XVIII в. имело, между прочим, смысл «превратно толковать о политике»; первым вралем называла Екатерина именно в этом смысл гр. П. Панина.

212 Объяснялось это, вероятно, теми же соображениями придворной политики, которые удержали и Елагина.

213 Во время четырехлетего сейма, когда Польша старалась вырваться из объятий русской политики, имя ложи было изменено: она стала зваться ложей «Станислава Августа к Северной звезде» (Stanisława Augusta pod gwiazdą północną).

214 Заметка [Екатерины?] 1792 г. на одно из показаний Новикова.

215 1772 г. Новиков посвятил цесаревичу свой «Опыт словаря российских писателей».

216 В этом сходятся показания Новикова, Лопухина, Тургенева, Трубецкого.

217 Государство Екатерины?

218 «Злой ангел», содержащий все «во власти тьмы», может быть, — Потемкин.

219 Князем Тьмы (Fürst der Finsternisz) называл Потемкина также масон гр. Я. Е. Сиверс.

220 Л. Сечкарев уже в 1785 г. посвятил Потемкину свой перевод (с еллинского) «Разглагольствий Василия Великого о совершившемся в шесть дней сотворении сего мира».

221 Если московские розенкрейцеры считали Потемкина «Князем Тьмы», им не могли не понравиться самообличения князя, нарисовавшего душу свою в Каноне весьма мрачными красками.

222 Новиков старался, например, скрыть широкую организацию розенкрейцерства в России, исключая «теоретический градус» из ордена. Он показывал, что едва был знаком со Шрёдером, хотя писал ему подробные отчеты о своих душевных переживаниях и типографических делах.

223 Речь идет, конечно, о «Новом начертании истинной теологии», во второй части которого напечатано было «письмо, приписанное всем Владыкам». Прозоровский на следствии действительно обратил внимание на эту книгу

224 Кн. Н. Трубецкой«испугался и плачет» — доносил Прозоровский.

225 Киреевский лично был связан с масонством с двух сторон: его отец был масоном; мать его, по второму браку Елагина, с детства дружна была с Батенковым.

226 А. Григорьев одно время был близок к масонству; под влиянием масонских песен сложились некоторые его стихотворения.

Указатель лож

Литература

Альбом Ланского. — Альбом находится в Пушкинском Доме, содержит собственноручные записи С. С. Ланского и копии различных масонских рукописей, в том числе «Ответы И. Е. Шварца А. А. Нартову»).

Ангел Силезский. Райские цветы, помещенные в семи цветниках (Избранная библиотека, 1784 г., ч. II).

Барсков Я. Л. И. В. Лопухин (Отд. оттиск из «Русского биографического словаря», Пг. 1914).

Барсков Я. Л. Переписка гр. Н. И. и П. И. Паниных с цесаревичем Павлом Петровичем. Доклад в Военно-историческом обществе, 1914 г. (рукопись).

Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792. Изд. Отд. русск. яз. и слов. Академии наук. Пг., 1915.

Барсов Е. В. — Собрание рукописей Е. В. Барсова в Историческом музее (Москва).

Библиографические записки, т. 1–1858 г., т. II — 1859 г., т. III — 1861 г.

Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. XII. Ч. I и II. Берлин, s. a.

Биографический словарь профессоров Московского университета (М., 1855). И. Г. Шварц.

Битовт Ю. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. М., 1905.

Боголюбов В. А. Н. И. Новиков и его время. М., 1916.

Болотов А. Т. — Записки А. Т. Болотова. Приложение к «Русской старине». 4 тома. СПб., 1870–1873.

Братские Увещания к некоторым братьям СВБДНМ КМНЩКМ. Писаны братом Седдагом (Эли). М., 1784.

Браудо А. И. Гр. Н. И. Панин. «Русский биографический словарь». СПб., 1902.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. II. СПб. 1880.

Державин Г. Р. — Сочинения Г. Р. Державина. Под ред. Я. К. Грота. Изд. Имп. Академии наук. Т. VI. СПб., 1871.

Доброе намерение. 1764. (Журнал).

Друг юношества. 1807–1815 (Журнал).

Ежемесячные сочинения. 1755–1757. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1758–1762. Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763–1764 (Журнал).

Екатерина II. — Сочинения императрицы Екатерины II. Изд. Академии наук. Т. XII. СПб., 1907.

Елагин И. П. — Записка о масонстве И. П. Елагина. «Русский архив». 1864.

Ешевский С. В. Сочинения по русской истории. М., 1900.

Зиновьев В. Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии. 1784–1788. «Русская старина». 1878, октябрь — декабрь.

Избранная библиотека для христианского чтения. 1784 (Журнал).

Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Ильин А. Я. — Дневные записки А. Я. Ильина. 1775–1776. Публ. библ. собрание Михайловского.

Истина Религии вообще в двух частях, из которых в первой доказывается истина религии вообще противу неверия вольнодумцов и натуралистов, а во второй утверждается истина христианской религии, следуя Священному Писанию противу неверия натуралистов. Ч. I и II. М., 1785.

Карманная книжка для В*** К*** и для тех, которые и не принадлежат к числу оных. М. Университетская типография, 1783.

Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.

Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. Изд. 3-е. СПб., 1887.

Кушелев Е. А. — Записка о масонских ложах Е. А. Кушелева (1821 г.). «Русская старина». 1877. Т. XVIII.

Летописи русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовым. Часть IV. М., 1861. Ч. V. М., 1863.

Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.

Лопухин И. В. Записки. «Русский архив». 1884. I.

Л—р. — Записка о масонстве Л—ра. «Русская старина». 1882, сентябрь и октябрь.

Магазин свободно-каменщический. (Журнал). Т. I. (Ч. I и II). М., 1784 (печатный). Т. II–IV (рукопись).

Майков П. М. И. И. Бецкой. СПб., 1904.

Масонские труды Лопухина (Материалы по истории русского масонства XVIII века. Вып. I. Изд. В. О. Саводника). М., 1913.

Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М. Т. I, 1914. Т. II, 1915.

Материалы для жизнеописания пяти благочестивых людей в России (1839—1841). Рукопись Д. И. Попова.

Митрофанов П. П. Леопольд II Австрийский. Т. I. Ч. I. Внешняя политика. Пг., 1916.

Михайловский Н. М. — Собрание рукописей Н. М. Михайловского в Публ. библ.

Н. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. 1772 («Материалы для истории русской литературы» П. А. Ефремова). СПб., 1867.

Незеленов А. И. Н. И. Новиков, издатель журналов. СПб., 1875.

Неустроев А. Н. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1875.

Новое начертание истинной теологии, в которой учение спасения в новом свете представлено ко славе Бога и ко всеобщему назиданию. Теологическое и нравственное исправление, 2 части. Московская типография Лопухина, 1784.

Остроглазов И. М. Книжные редкости. «Русский архив». 1891. II, 441–463. III, 83–104, 275–306, 521–563; 1892. I, 233–258, 391–416. II, 202–221. III, 305–349, 393–433.

Осьмнадцатый век. Исторический сборник, изд. П. И. Бартеневым. М., 1868–1869.

Пансалвин, князь тьмы (соч. д-ра Альбрехта, пер. В. А. Левшина). М., 1809.

Пастырское послание (соч. гр. Х. А. Гаугвица, пер. А. А. Петрова). Публ. библ. (рукопись)

Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

Письма С. И. Г (амалеи), изд. 2-е, ч. I–II. М., 1836.

Полезное увеселение. 1760–1762 (Журнал).

Полное Собрание Законов (первое).

Протоколы ложи Малого Света в Риге. 1790–1792 гг. Гос. архив.

Протоколы ложи Урании: 1773–1775 гг. ркп. гр. А. С. Уварова, №243; 1781–1793 гг. ркп. гр. А. С. Уварова, №227.

Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Пг., 1916.

Рассуждение о истинном человеческом благе. Лаврентия Давыдовского. М. Университетская типография, 1782.

Реестр библиотеки кн. М. М. Щербатова (Эрмитажная рукопись в Публ. библ.; подготовляется к печати в издании Академии наук, под ред. кн. Д. И. Шаховского; первые листы отпечатаны).

Рогожин В. Н. — Собрание рукописей В. Н. Рогожина в Историческом музее (Москва).

Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. I. СПб., 1912.

Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина. СПб., 1828.

Рунич Д. П. — Россия от 1633 до 1854 года. Из бумаг Д. П. Рунича. С предисловием Ан. Титова. На правах рукописи. Ярославль, 1909.

Савва В. И. Из дневника масона (А. Я. Ильина). Чтения Общ. истории и древностей российских. 1908. IV.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Т. I. Ч. I. М., 1913.

Семека А. В. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства. «Журн. мин. нар. просв.». 1901, №2.

Семенников В. П. Раннее издательское общество Н. И. Новикова. «Русский библиофил». 1912. V.

Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913.

Сен-Мартен. О заблуждениях и истине. Московская типография Лопухина, 1785.

Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. I. Ч. I. СПб., 1909. Ч. II. СПб., 1910.

Скульский А. В. Исторический очерк столетнего существования дома призрения ближнего в Ярославле. Яросл., 1886.

Собрание книг на иностранных языках из библиотеки гр. М. Ю. Виельгорского, Публ. библ., философский отдел.

Соколовская Т. О. Капитул Феникса. Пг., 1916.

Соколовская Т. О. О масонстве в прежнем русском флоте. «Море», 1907.

Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Редакция В. Н. Рогожина. СПб., 1904–1906.

Тарасов Е. И. К истории русского общества второй половины XVIII столетия. Масон И. П. Тургенев. «Журн. мин. нар. просв.». 1914. VI.

Тихонравов Н. С. — Собрание рукописей Н. С. Тихонравова в Румянцевском музее.

Утренний свет. 1777–1780 (Журнал).

Финдель И. Г. История франк-масонства от возникновения его до настоящего времени. 2 тома. СПб., 1872–1874.

Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова. СПб., 1900.

Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901.

Шумигорский Е. С. Император Павел I. СПб., 1907.

Шумигорский Е. С. Императрица Мария Феодоровна. «Русский архив». 1889. III. 1890. II–III.

Щербатов М. М. — Сочинения кн. М. М. Щербатова. Изд. кн. Б. С Щербатова. Т. I. СПб., 1896. Т. II. СПб., 1898.

Янчук Н. А. Знаменитый зодчий В. И. Баженов и его отношение к масонству. «Журн. мин. нар. просв.». 1916. XII.

Содержание

Вернадский Г.
В35 Русское масонство в царствование Екатерины II / Георгий Вернадский. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 272 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-215-8

«Русское масонство в царствование Екатерины II» — первая крупная работа Георгия Вернадского. Она была написана как магистерская диссертация под научным руководством В.О. Ключевского, а затем, в 1917 году, незадолго до того, как революционное лихолетье вынудило автора покинуть родину, вышла из печати. Деятельность русских «вольных каменщиков» описывается в книге во всех подробностях — от возникновения масонских лож до их официального запрещения указом Екатерины II. Как и все труды Г. В. Вернадского, «Русское масонство...» отличает глубина проникновения в тему: большое внимание уделено западноевропейским мистикам, на чьих идеях выросли русские масоны, психологии русского общества второй половины XVIII века, взглядам на масонство Екатерины II, Павла I и первых вельмож государства.

Георгий Вернадский (1888–1973) — крупнейший историк русского зарубежья, профессор Йельского университета, сын великого мыслителя Владимира Вернадского.

УДК 94(47).066
ББК 63.3(2)46

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Георгий Вернадский

Русское масонство
в царствование Екатерины II

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 28.01.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 17. Тираж 1500 экз.
Заказ № 614.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. Земля — вид сверху
Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»
Владислав Петров. Три карты усатой княгини
Свен Хедин. В сердце Азии
Геннадий Коваленко. Русские и шведы от Рюрика до Ленина
Лев Минц. Придуманные люди с острова Минданао
Бенгт Янгфельдт. От варягов до Нобеля
Олег Ивик. История человеческих жертвоприношений
Анна Мурадова. Кельты анфас и в профиль
Даниэль Клугер. Тайна капитана Немо
Валерий Гуляев. Доколумбовы плавания в Америку
Светлана Плетнева. Половцы
Ким Малаховский. Пираты британской короны Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. Крымская война
Валерий Гуляев. Загадки индейских цивилизаций
Олег Ивик. Женщины-воины: от амазонок до куноити
Виолен Вануайек. Великие загадки Древнего Египта
Яков Свет. За кормой сто тысяч ли
Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок
Аксель Одельберг. Невыдуманные приключения Свена Хедина
Гомбожаб Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета
Никита Кривцов. Сейшелы — осколки трех континентов
Олег Ивик. История сексуальных запретов и предписаний
Виктор Бердинских. Речи немых
Светлана Федорова. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски
Стаффан Скотт. Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие...
Геннадий Левицкий. Самые богатые люди Древнего мира
Георгий Вернадский. Монголы и Русь
Наталья Пушкарева. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница
Виталий Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон исторический
Олег Ивик. История и зоология мифических животных

Лев Карсавин. Монашество в Средние века
Владислав Петров. Древняя история смерти
Олег Ивик. Еда Древнего мира
Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
Отечественная война 1812 года глазами современников
Наталья Пушкарева. Частная жизнь русской женщины XVIII века
Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей
Генрих Бёмер. История ордена иезуитов
Алексей Смирнов. Скифы
Андрей Снесарев. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи
Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары
Вячеслав Шпаковский. История рыцарского вооружения
Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
Юрий Чернышов. Древний Рим: мечта о золотом веке
Виктор Бердинских. Русская деревня: быт и нравы
Сергей Макеев. Дело о Синей Бороде
Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
Печенеги
Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь Карл Филипп, или Шведская интрига Смутного времени
Александр Куланов. Обнаженная Япония
Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича
Виктор Калашников. Русская демонология
Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
Московия при Иване Грозном глазами иноземцев

Георгий Вернадский

Русское масонство в царствование Екатерины II

«Русское масонство в царствование Екатерины II» — первая крупная работа Георгия Вернадского. Она была написана как магистерская диссертация под научным руководством В. О. Ключевского, а затем, в 1917 году, незадолго до того, как революционное лихолетье вынудило автора покинуть родину, вышла из печати. Деятельность русских «вольных каменщиков» описывается в книге во всех подробностях — от возникновения масонских лож до их официального запрещения указом Екатерины II. Как и все труды Г. В. Вернадского, «Русское масонство…» отличает глубина проникновения в тему: большое внимание уделено западноевропейским мистикам, на чьих идеях выросли русские масоны, психологии русского общества второй половины XVIII века, взглядам на масонство Екатерины II, Павла I и первых вельмож государства.

Георгий Вернадский (1888–1973) — крупнейший историк русского зарубежья, профессор Йельского университета, сын великого мыслителя Владимира Вернадского.

ISBN 978-5-91678-215-8

